

Юрий Сипнес.
Раздумье

ФЕНИКС

российское издание

Совместное издание
редакции альманаха «Феникс»
и Ассоциации общественных
объединений «Международный
союз немецкой культуры»

Российское издание осуществлено при поддержке Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германия и Общества поддержки немцев за рубежом (VDA)
Die russische Ausgabe erscheint mit Unterstützung des Außenministeriums der Bundesrepublik Deutschland und des Vereins für deutsche Kulturbeziehungen im Ausland (VDA)

- Алексей ШТРАУС.** Эпизоды из жизни Ивана Дерябина.
Повесть _____ 2
- Andreas SAKS.**
Eduard Weiss. Roman. Fortsetzung _____ 53
- Калмухан ИСАБАЕВ.**
Юбилей Гауптмана. Рассказ _____ 79
- NAWOI.** Elf Chaselen. Nachdichtungen von Nora Pfeffer _____ 90
- Адам и Курт ВИЛЬГЕЛЬМ.**
Роль немцев в деловой жизни России.
Окончание _____ 100
- Rosa PFLUG.** Aus der Kinderwelt _____ 131
- Надежда РУНДЕ.** Солнышко. *Стихи для детей* _____ 137
- Rose STEINMARK.**
Theater — ein Ort, wo man sterben lernt _____ 142
- Роберт ЛЕЙНОНЕН.**
Лирика Генриха Гейне на русском языке _____ 177
- Материалы Международной научной конференции**
«Культура немцев Казахстана» _____ 212

Издатель	Ассоциация общественных объединений «Международный союз немецкой культуры»
Главный редактор	Гарольд Бельгер
Зам. гл. редактора	Александр Шмидт (Казахстан)
Редакционная коллегия	Роберт Вебер (Россия), Ойген Гильдебрандт (Казахстан), Алесс Гисбрехт (Германия), Олег Клинг (Россия), Нора Пфедфер (Германия), Сергей Шульц (Россия)

© Г. Бельгер, А. Шмидт, 1999
© МСНК, 1999
© Оформление. Издательство «Готика», 1999

IMPRESSUM

21428

Эпизоды из жизни обыкновенного коммуняка Ивана Дерябина и...

*Штрихи портретов генсеков его партии
взглядом обывателя*

I

С малых лет Ванюшка огорчал родную мать. Он рос непутевым, озорным, непослушным ребенком. Там, где надо было плакать, смеялся, где смеяться — ревел. Когда нужно было молчать — вступал в разговор, а если его спрашивали — упорно молчал, насупившись.

«Кого же я на свет родила?» — задумывалась мать. Таким не воспринимало родного сына материнское сердце.

Пробежав по улицам голоштаный отрезок своего счастливого детства и достигнув восьмилетнего возраста, Ванька пошел с матерью в школу, где она сдала его на дальнейшее воспитание учительнице.

День 1 сентября для молодой учительницы начальной школы, Ирины Васильевны, очень скоро стал траурной датой.

При одном только упоминании имени ученика Ивана Дерябина у нее начинался тик, подергивалась левая бровь.

Что только он ни вытворял на уроках. То, пользуясь ее близорукостью, подкладывал под нее кнопки, и она, ойкнув от неожиданности и боли, подсакивала на стуле, вызывая смех всего класса; то приносил в школу дохлую ворону и пугал ею первоклашек; то устраивал драку или приставал к девочкам, срывая урок.

Ирина Васильевна не могла даже предположить, что он еще натворит на следующий день. Что у него в голове? Какая задумана наглая выходка?

Он мучал ее и днем, и ночью.

Днем она чувствовала свое бессилие перед ним из-за того, что не может завлечь его чем-нибудь. Ванька напрочь отвергал добрый совет дедушки Ленина — учиться, учиться и учиться. Ему нравилось быть лоботрясом.

Издерганной за день, он ей снился во сне.

От такого родительского подарочка Ирина Васильевна приходила в школу, в свой класс, уже со вчерашнего дня наэлектризованная до состояния революционерки-народницы Веры Засулич, когда та шла убивать петербургского градоначальника Трепова. О, если бы в начале пятидесятых годов двадцатого столетия был суд присяжных и был бы жив знаменитый адвокат Александр Федорович Кони — она бы, наверняка, своею хрупкой рукой пришибла этого гаденыша.

Своим поведением он подрывал успеваемость и ее «Б» класс отбрасывал на последнее место при подведении итогов соревнования.

Ирина Васильевна вызывала в школу родителей, а когда не хватало адского терпения, обращалась за помощью к директору.

Приходила Ванькина мать. При ней отвечивала ему подзатыльники и обнадеживала, что на этот раз отец непременно его выпорет. Сам отец в школе не появлялся ни разу и, судя по сыну, его не порол. Больше того, однажды директор сам ее вызвал и сообщил, что у него был неприятный разговор, касающийся ученика Вани Дерябина. Звонили из политотдела. Высказывали недовольство тем, что часто муссируется в школе имя Дерябина, что отец Вани — работник отдела пропаганды — крайне неудовлетворен постановкой воспитательной работы в их школе.

— Что же мне делать? — в отчаянии спросила Ирина Васильевна, и на лице ее задергалась левая бровь.

— Как старый учитель — могу вас понять. Как директор — скажу: ищите подход!

«Подход» Ирина Васильевна найти не смогла.

Иногда Ванька Дерябин устраивал «большую перемену» своей училке. Он убегал с уроков на базар. Там покупал у китайца «петушка на палочке» и, обсасывая его, бесцельно болтался среди толпы, ротозея на происходящее.

Шел сорок четвертый военный год.

На улицах тылового города стали появляться раненные и ка- леки.

Ванька впервые увидел их на базаре. Один, в тельняшке, сидел, безногий, на каталке перед лежавшей на земле шапкой и сильным пьяным голосом кричал:

— Братуха! Не проходи мимо! Или в шапку, или в ухо, братуха!

Другой, стоя рядом на одном костыле, обнажив фиолетовую культию правой руки, шевеля ею, приставал к прохожим, высказывая свое неудовлетворение:

— Крысы тыловые! Что помалу бросаете? Так околеть можно, пока на поллитру допросишься!

Защитники Родины забавляли Ваньку. Он бегал к ним раз, другой. Становился напротив и улыбался. Улыбался до тех пор, пока его не заметил культяпый.

— Что лыбишься? А ну, брысь отсюда! Тресну по башке костылем — своих не узнаешь! Ишь ты?! Весело ему!!! Разулыбался! Крысеныш!

Ванька не на шутку перепугался и больше к ним не подходил.

Четыре года несла свой тяжкий крест Ирина Васильевна. За эти годы в ее каштановых волосах появились преждевременные седые волосы. Отбив очерченный злым роком срок, она облегченно вздохнула — и расцвела после того, как передала так и не воспитанного лодыря своим коллегам из средней школы.

Дома отец Ивана Дерябина относился к сыну снисходительно. Видя в нем свое зеркальное отражение, он уверял жену, что и не такие пробиваются в начальство и живут припеваючи.

В 1935 году, когда его сынок бился ногами в утробе матери, собираясь выскочить из заточения на волю, его создатель — Михаил Дерябин — начал делать свою карьеру.

Время было боевое в борьбе с «врагами народа», которыми, как писали газеты, кишмя кишит вся страна и про которых пролетарский писатель сказал: «Если враг не сдастся — его уничтожают».

Ему повезло в тридцать пятом. Его, токаря, большевика Михаила Дерябина, вызвали в партячейку завода и дали ответственное партийное поручение — разоблачить вредительскую деятельность главного инженера завода Фирберга.

Фирберга он очень мало знал, никогда с ним не разговаривал, но за выполнение партийного поручения взялся с охотой. За ночь выучил наизусть данные ему «неопровержимые дока-

зательства» и на заводском собрании выступил без запинки. Он разошелся до того, что к заученному тексту стал добавлять свои собственные, ядреные рабочие выражения в адрес вредителя, раздувал из мухи слона, выдумывал то, чего вовсе не было. Произносил пламенные, благодарные слова вождю за то, что тот открыл глаза таким же, как он, пролетариям и вселил в них революционную силу в беспощадной борьбе с остатками кровавых капиталистов, белогвардейцев, гидр, псов и гадюк, терзающих рабочих и пролетариат всего мира, который решил соединиться во всех странах.

Его выступление дошло до глубины души малограмотной массы, вызвало буквально бурю оваций и такой порыв гнева, что устроители собрания не на шутку испугались, как бы рабочие не устроили самосуд своему главному инженеру.

Пришлось главного инженера Фирберга немедленно арестовать, единодушным решением не дав ему слова для объяснения своей «вредительской деятельности». Рабочий класс не щадит своих врагов. Старого, седого человека вели к черному вороту, окружив тесным кольцом, как эсерку пани Каплан, защищая от жаждущих крови рабочих, с которыми он долгие годы работал вместе, отдавая им свои знания и опыт, и которые теперь ему, убитому морально, пытались нанести физическую боль.

С того дня токаря Михаила Артемьевича Дерябина заметили и запомнили. Вскоре по решению закрытого партийного собрания ему оказали большое доверие, выдвинув в политотдел.

С тех пор Михаил Артемьевич больше никогда не вставал к токарному станку. Но где бы он ни выступал, о чем бы ни говорил в период наработки своего партийного стажа, всякий раз начинал с фразы: «Я, товарищи, из гуци рабочей среды и привык говорить попросту, по-нашенски».

Эта простота, перешедшая со временем в простую хитрость, была привлекательной для слушателей и заведомо гарантировала успех оратору.

Партийная работа уберегла Ванькиного отца от фронта. Ему поручили воспитательную работу на одном из номерных заводов, эвакуированных из центра. Работа требовала самоотдачи, и отец по несколько суток подряд пропадал на заводе. Но семья, по сравнению с другими рабочими семьями, войну прожила безбедно.

После войны Михаил Артемьевич Дерябин был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», что в дальнейшем обеспечило ему продвижение по партийной лестнице.

II

Отхулиганив и пролодырничав в начальной школе, Иван Дерябин с пятого класса заметно исправился. Его заинтересовала арифметика и оказалось, что он вовсе не дурак и не безнадежный бездельник. Ему даже удавалось, проявляя врожденную смекалку, отличаться в решении замысловатых задач и примеров. А к седьмому классу он стал средним учеником с математическими наклонностями.

На календаре отмечался пятый послевоенный год.

Под руководством товарища Сталина страна, охваченная трудовым энтузиазмом, возрождала разрушенные войной города. Проведенное уже шестикратно снижение цен на продукты и товары заметно улучшило благосостояние изголодавшихся и обнищавших людей.

На городских площадях и иных людных местах устанавливались красочные щиты, на которых, вызывая обильное слюновыделение, рисовались колбасы, окорока, рыбные балыки, сыры и прочая снедь. Приводились цифры: в каком количестве и когда они появятся в продаже.

Поэты, писатели, художники, композиторы соревновались между собой в борьбе против космополитизма, восхваляли гений Сталина, и тот, кому это удавалось лучше других, становился лауреатом Сталинской премии.

Молодой поэт Михаил Дудин, общоголая товарищей по перу, завидуя старшим собратьям, уже получившим лауреатский значок, утверждал, что «поэзии правда сегодня лежит в воинственной сталинской правде».

Карикатуристы Ганф и Бор. Ефимов в содружестве с Самуилом Маршаком продолжали высмеивать американских империалистов и кровавого палача Тито.

На торжественной сессии Академии наук, посвященной семидесятилетию любимого вождя, в папку из красной кожи с тисненным золотом названием «Личное дело почетного члена Академии наук СССР И. В. Сталина» продолжали вкладывать новые открытия и изобретения.

Не испытывая никакого смущения и неловкости в своих поступках, многочисленные докладчики на сессии говорили, что «все важнейшие отрасли современного знания», каждое их открытие и изобретение «отмечены могучим влиянием всеобъемлющего гения Иосифа Виссарионовича Сталина». В этом, утверждали ученые мужи, «вырисовывается великий образ исполнителя научной мысли».

А под землей, на новой станции метро «Курская», секретарь Московского комитета ВКП(б) Никита Хрущев, поздравляя метростроителей с окончанием участка кольцевой линии, потрясая кулаками, грозил всем и всяким «вредителям» и произ-

носил здравицу в честь почетного строителя метрополитена товарища Сталина.

Послушные, давно запуганные властью люди верили партии. Верили своему властному большевистскому монарху. Верили всему тому, что он говорил и к чему призывал. Верили слепо, по-собачьи преданно и беззаветно.

Верили, потому что жизнь действительно возрождалась, хотя это и было закономерно, оправдывалось самим продолжением жизни, но словами партии людей заставляли убедиться, что «страна расцветает все ярче и краше» только потому, что «песня о Сталине в каждой груди».

Окончив семилетку, Иван уехал из дома и поступил в Свердловский горно-геологический техникум. Собирался стать горняком, подземником, но быстро спохватился и перевелся на отделение «Планирование и организация горного производства».

В учении, как всегда, Иван Дерябин особенных успехов не имел, да они и мало его беспокоили. Он посещал занятия, стараясь их не пропускать, внимательно слушал лекции, но более того, что говорили преподаватели, даже не пытался узнать, прочитать, вникнуть. У него сложился своеобразный подход к занятиям. По тем предметам, где требовалась усидчивость, заучивание и дополнительные, кроме лекций, занятия он еле-еле тянул и по окончании семестра надеялся на помощь однокурсников и снисходительность экзаменатора.

Зато там, где нужен был «подвешанный язык» и свободное разглагольствование, он сдавал самостоятельно и в большинстве случаев успешно. Гуманитарные науки ему нравились и забавляли его. Заучив цитаты вождей, он при любом вопросе в экзаменационном билете готов был отвечать без подготовки, чем обычно изумлял преподавателей.

Подойдя к столу и взяв билет, бегло прочитав вопросы, он объявлял: «Я готов к ответу».

— Без подготовки?

— Мне не нужна подготовка. Я все знаю! — уверенно заявлял Иван, сверкая глазами, выражающими наглую самоуверенность.

Такое начало, по собственному убеждению студента Ивана Дерябина, в любом случае уже не давало право экзаменатору на плохую оценку.

— Вождь и создатель нашей большевистской партии товарищ Ленин говорил... — смело начинал он с цитаты вождя и обволакивал ею поставленный вопрос.

Говорил громко и долго, не углубляясь в сущность, а все вокруг да около, развивая собственные мысли и красноречие. Когда экзаменатор понимал, что он не в ту сторону прет, пытался добиться от него, что же, в сущности, он хочет сказать по теме

и, прерывая, спрашивал его об этом, Иван, нисколько не стесняясь, не краснея, как иные, не моргнув и глазом, продолжал в том же духе повторять свою околесиду.

Создавалось довольно пикантное положение, совсем непонятное — кто же кому морочит мозги: или студент преподавателю, или преподаватель студенту?

Наконец, не вынося больше дерябинского нахальства, преподаватель сделал последний рывок к знаниям, пытаясь все-таки уточнить, осталось ли хоть что-нибудь от его лекций в голове Ивана Дерябина, и задавал дополнительный вопрос:

— Ну, а вы-то сами? Вы лично, как думаете?

Наступал кульминационный момент экзаменов. Словно дожидаясь такого вопроса, Иван, как боксер на ринге, наносил запрещенный правилами удар экзаменатору ниже пояса:

— Великий вождь и учитель мирового пролетариата, наш дорогой товарищ Иосиф Виссарионович Сталин нас учит... — повысив голос и отчеканивая каждое слово, он приводил цитату, глядя прямо в глаза экзаменатору.

А тот, испытывая невысказанное чувство побежденного, еще не оправившись от прежних ударов, как боксер, повисший на канатах, смотрел на Дерябина плаксиво, жалостно, взглядом, просящим пощады. Возразить он не мог, и его рука уже тянулась к Ивановой зачетке.

Иван, угадывая по глазам состояние экзаменатора, продолжал боксировать, добиваясь полной победы:

— Выступая на встрече с избирателями Сталинского избирательного округа города Москвы, товарищ Сталин сказал...

Экзаменатор, как и любой на его месте интеллигент, был нокаутирован от непереносимого интеллигенцией хамства. Он вспомнил, что студент Дерябин является комсомольским вожаком курса, и думал сейчас, какую же оценку ему поставить за предмет, который экзаменуемый совсем не знает. Комсомольский вождь ставил его перед другими студентами, находящимися в аудитории, в трудное положение, и обычно оценка была средней, но ни в коем случае не плохой.

Иван оставался ею доволен.

Когда после экзамена сдававшие вместе с ним однокурсники недоуменно восклицали: «Ну ты и дасшь, Иван!» — он смеялся и спрашивал:

— А ты, умник, скажи мне, что главное в пироге? Да, да, в обычном пироге, что в печи пекут?

Видя растерянность и задумчивое молчание, сам отвечал:

— Главное не начинка. Главное в пироге — закрутка. Как тесто закрутят, такой и пирог получится. Понял?

Иван Дерябин многим отличался от своих однокурсников. С ними он не дружил. Его друзьями были студенты старших курсов и городские ребята.

Поступив в техникум, он начал жить «как хочу». От курса к курсу ему все больше и больше хотелось многого.

К своей стипендии он добавлял ощутимую денежную поддержку из дома, от отца. С городскими друзьями стал похаживать в рестораны, поддаваться разгулу. У него появились девочки. Жил по принципу: «Живи — пока живется, гуляй — пока молод». В своих чувствах стал развязным и пренебрежительным к нравственности.

Ему ничего не стоило бросить девушку, которой недавно объяснялся в любви и которая, поверив ему, сошлась с ним в близких отношениях. Презирая ее слезы, на глазах у нее он мог начать ухаживать за другой или завязать роман с замужней женщиной.

Внешне симпатичный, не только привлекательный, но и красивый, Иван Дерябин выглядел старше своих лет.

При первом знакомстве или при недолговременной дружбе он рисовался «рубашкой парнем», «надежным товарищем», «великим другом». Настоящее его лицо было так хитро и скрытно замаскировано, что требовалось долгое время знакомства, чтобы понять и оценить по совести.

Там, внутри физически хорошо развитого тела, в его душе скрывалась от людей его явная противоположность — клубок эгоистических черт, определяющих истинный характер его натуры. В нем не было признаков честности и благородства. Черствость, безжалостность и неудержимое желание главенствовать, возвыситься над другими — хоть в самом малом, даже незначительном, но возвыситься — подавляли все иное.

Он был заносчивым и честолюбивым, и в достижении поставленной цели был готов совершить любое бесчестие. Самолюбив и самоуверен настолько, что никогда не раскаивался в своих поступках.

Иван Дерябин был уверен, что время, в котором он живет, — отличная, благоприятная почва для его самоутверждения, становления, вхождения их юности во взрослую жизнь, сулящую благополучие. Основным и обязательным условием для этого он считал свое активное участие в комсомольской работе и именно поэтому подал заявление о вступлении в ряды КПСС.

5 марта 1953 года Ивана Дерябина, как и всю страну, буквально потрясло известие о смерти Сталина.

В техникум пришел инструктор политотдела. Это был уже немолодой человек, одетый в сталинский китель, с двумя боевыми орденами, отмечающими участие в Отечественной войне. На его бледном лице выражалась нескрываемая скорбь. Студентов всех курсов собрали в актовом зале. Туда же перенесли большой портрет Сталина, висевший при входе, в вестибюле. Портрет установили на сцене. Два траурных банта, прикреп-

ленные в верхних углах портрета, свисали лентами до самого пола.

Стулья предварительно вынесли, и собравшиеся стоя ожидали начала траурного митинга. На сцену поднялись парторг техникума, директор и инструктор политотдела.

Слово предоставили инструктору. Он оглядел зал и начал:

— Товарищи студенты. Наш народ, всю нашу страну и весь международный пролетариат постигло великое, непоправимое горе.

Его слова, тяжелые и страшные, болью врезались в сознание.

— Мне очень трудно говорить, — продолжал оратор. — Умер человек, который всю свою жизнь боролся за счастье народа, за ваше счастье, товарищи. За счастливую жизнь рабочих и крестьян всего мира. Умер наш любимый и родной Иосиф Виссарионович Сталин...

Голос его сорвался. Он начал откашливаться и повернулся к портрету.

Наступила длительная пауза гробового молчания.

Инструктор политотдела, стоя спиной к собравшимся, плакал. Плечи его заметно вздрагивали. Глядя на его фигуру, парни хмурились, а кое-кто из девчат начал всхлипывать.

Наконец, инструктор, вынув из кармана брюк белый платок, привел себя в порядок и повернулся лицом к студентам.

— Да, я плакал, товарищи студенты. Я не стыжусь, что не сдержал слез. Тысячи, десятки тысяч, сотни, миллионы плачут сегодня, услыша это сообщение по радио. Первыми заплакали на Дальнем Востоке. Волна прокатилась уже до Урала и западной границы. Люди плачут оттого, что самым дорогим для всех нас человеком был товарищ Сталин.

Стало заметно, что оратор собрался, освободился полностью от минутной растерянности; окрепшим и уверенным голосом он продолжал свое выступление.

Траурный митинг длился больше часа.

Четыре дня в городе люди ходили как пришибленные. Занятий в техникуме не было. Клубы, театры, закусочные и рестораны не работали. Пиво и водку не продавали.

Хоронили вождя 9 марта, и в общежитии, прильнув к громкоговорителям и приемникам, студенты слушали, что делалось в столице.

Через несколько дней по городу поползли слухи, что во время похорон Сталина в Москве погибли люди, пытавшиеся пробраться через милицейские кордоны поближе к траурной процессии, проходящей от Дома Советов до мавзолея В.И. Ленина. Назывались разные цифры задавленных натиском толпы. Определенно о количестве погибших никто не знал, но то, что жертвы были, говорили утвердительно, добавляя, что на сле-

дующий день после похорон начальник московской милиции был отстранен от занимаемой должности.

Погибших в «сталинской ходынке» не оплакивали, не жалели. Их смерть ничего не стоила перед смертью любимого вождя, с именем которого весь Советский Союз просыпался и ложился спать, с кем без года тридцать лет шли советские люди «с песнями борясь и побеждая».

Когда тело Сталина уже лежало рядом с Лениным в одном мавзолее, Иван Дерябин купил в киоске «Огонек», посвященный траурным событиям. Он прочитал журнал от корки до корки и по нескольку раз, лежа на койке, вглядывался в фотографию, где самые близкие и верные соратники Сталина стояли у его гроба. В изголовье покойного — Маленков и Булганин. Рядом, с одной стороны, Берия, Ворошилов и Молотов. С другой, напротив них, — Хрущев, Каганович и Микоян.

Маленков, Булганин, Берия и Хрущев сильнее, чем другие, заинтересовали Ивана. Может, оттого, что в последние годы о них больше писали в газетах и чаще говорили по радио.

Иван вглядывался в их лица и отмечал, что они зажившие, откормленные, потерявшие всякое мужское обличье. Стоят, выпятив вперед животы, и наверное из-за них не видят носки собственных ботинок. «Кто же из них займет место Сталина?»

Многие тогда пытались представить будущее, но никому это не удалось. Что думал каждый из соратников Сталина, застывший в почетном карауле в те минуты, какие козни каждый из них задумывал против друга, — никто тогда не мог предвидеть.

Иван твердо верил только в одно: что бы ни было, кто бы ни был — «дело Ленина — Сталина непобедимо, потому что оно вечно».

III

Проучившись в техникуме еще год, Иван Дерябин получил диплом и отличную характеристику «морально устойчивого» молодого коммуниста.

По распределению его направили в Среднюю Азию, в город Фрунзе, в Киргизское геологическое управление. Отдохнув пару недель дома у родителей, он поехал к месту назначения, в неведомую для него и казавшуюся ему экзотической республику.

Город Фрунзе своей зеленью, обилием цветов и дешевизной шумных азиатских базаров Ивану очень понравился. Остановившись в гостинице, он два дня бездельничал: ходил по городу и знакомился с ним. На третий день явился в геологическое управление.

Там, прочитав его документы, ему объявили, что направят в экспедицию, которая работает по разведке секретного ископаемого.

Несмотря на то, что в его дипломе был указано, что он окончил отделение «Планирование и организация горного производства», из-за нехватки специалистов в отделе кадров решили, что техник коммунист Иван Дерябин может быть использован в качестве горного мастера, и предложили эту должность, объявив оклад и размер всех полагающихся надбавок.

Быстро подсчитав еще не заработанные деньги, Иван сразу дал согласие. Пройдя все формальности оформления, в которых ему, как коммунисту, не было препятствий, заверив своей подписью сохранность государственной тайны, он получил красную книжицу, удостоверяющую его личность, и непредсказуемо большой аванс.

Красная книжица с тисненным золотом словом «Удостоверение» и гербом республики для него сразу стала не просто подтверждением собственной причастности к засекреченному государственному делу, но и огромным удовлетворением от удачно сложившегося направления его карьеры, о которой он часто думал в студенчестве, получив партийный билет. Это последнее, пожалуй, больше всего прочего радовало и обнадеживало.

Там же, в Управлении, ему объяснили, что для отъезда в экспедицию нужно пойти на базу геологии, получить груз и в качестве сопровождающего доехать до места. Иного способа нет.

Весь следующий день Иван пробыл на базе, но занаряженная на погрузку автомашина приехала только к обеденному перерыву следующего дня. Предназначенный к погрузке груз, кроме буровых коронок и армированной стали, состоял из мягких вещей.

Рабочие грузчики быстро загрузили ЗИС поднявшимися за его бортами матрацами, палатками и суконными утеплителями к ним.

Груз надежно увязали веревками, предусмотрительно оставив один утеплитель и бросив его наверх, для попутчиков. Все было готово к четырем часам. Можно было отправляться в путь рано утром.

Так и решили Иван с шофером, но в это время к машине подошла молодая женщина. Одета она была в легкое крепдешинное платье, облегчающее ее стройную фигуру и рельефно подчеркивающее бросающиеся в глаза все прелести привлекательной женственности.

— Машина в экспедицию? — улыбаясь, приятным голосом спросила она.

— Туда, — утвердительно ответил шофер.

— Возьмете? — в ее глазах блеснуло озорство с самоответом: «Возьмете, никуда не денетесь. Таким, как я, мужчины не отказывают».

— Возьмем, — отозвался Иван.

— А когда поедем? — на этот раз обратилась она к шоферу.

— Завтра. Часов в десять, — неожиданно изменил шофер уже обговоренное только что решение. — Торопиться некуда, за два дня доедем.

— Ну и хорошо. Тогда я к десяти подойду.

Она пошла, заманчиво покачивая бедрами.

Шофер провожал ее впивающимся взглядом, рассуждая вслух: «Вот это да?! Хороша! Ничего не скажешь, смачная бабочка!», и, обернувшись к Ивану, решил:

— Ты вот чего, товарищ начальник. Груз на тебе. Поедешь наверху. Там мягко, как на перине. А ее я к себе в кабину заберу. Идет? Договорились?

— Забирай. Мне-то что. Я и так бы наверху поехал. Нужна мне твоя кабина.

— Ну и лады.

На том порешили. Иван ушел в гостиницу. Плотно перекусил в ресторане и, желая убить время, опять пошел бродить по городу.

Календарно был конец июня и погода на удивление жаркая. Днем в городе душно, а к вечеру приятная прохлада сменила дневной зной. Пройдя несколько кварталов от гостиницы, Иван у центрального кинотеатра заметил завтрашнюю попутчицу. Она была в том же платье, но губы подкрашены, лицо подпудрено, и выглядела еще привлекательней.

— В кино собрались?

— Хотела сходить напоследок, да не повезло. Билеты в кассе кончились.

— Билеты? Какая ерунда. Сейчас достанем. Нет такой крепости, которую большевики не смогли бы взять! — не отдавая отчета словам, еще не зная, как достать билеты, бахвалился Иван.

— Попробуй! — почему-то на «ты» ответила она, разжигая его самоуверенность.

— Стой здесь. Никуда не уходи, — в тон ей сказал Иван и пошел к выходу, где по первому звонку в кинозал устремились зрители.

«Билетика» никто не продал, и он, крутясь в толпе, увидел у входа окно с табличкой «Администратор». Решение созрело моментально. Расталкивая встречных, Иван ринулся к окну, вынул свое красное удостоверение с тисненными золотом буквами и гербом и, не раскрывая, показал администратору, произнося настойчиво и властно, словно обращался сюда не впервые: «Два билета в партер!»

Если бы взяли его удостоверение, раскрыли и вернули обратно, он уже был готов просить и вымалывать. Но ему протянули билеты, сказав их стоимость.

Иван даже не ожидал такого исхода и сразу понял весь вес, все значение красной книжицы. Красная книжица с золотым гербом не чета серому студенческому билету. Что и говорить!

Ровно в десять отъехали из базы. За городом машина остановилась. Возле одного из домов ее уже ожидали. Погрузили большой тюк и чемодан попутчицы, Аллы Тарасюк, как она назвалась вчера Ивану. Набитую чем-то сумку Алла взяла в кабину, и машина тронулась.

Проехали километров тридцать и опять остановились. Шофер вышел из кабины, обошел машину, обстучал ногой задние колеса и крикнул Ивану:

— Все. Приехали. Машина поломалась.

— А что случилось?

— Карбюратор барахлит.

— Возвращаться будем?

— Да нет. Есть у меня тут один знакомый. Заедем к нему. Переночуем. Может, налажу. Утром дальше тронемся.

— Как знаешь. Дело твое. Тебе баранку крутить.

Утром в дорогу не спешили. Выехали, когда солнце поднялось высоко и, как вчера, грело еще не успевшую остыть за ночь землю.

В пути ЗИС съехал на обочину дороги и затормозил. Открыв дверцу, Алла крикнула наверх:

— Ванюшка, я к тебе сейчас залезу.

— Залезай!

Шофер посадил ее, и она, хватаясь за веревки, вскарабкалась к Ивану.

— Иван! Садись в кабину, — предложил шофер.

— Нет. Я здесь поеду. Здесь прохладно.

— Черт с вами! — выругался шофер и рывком тронулся с места.

Алла устроилась рядом с Иваном. Она сняла туфли и легла на разостланное сукно утеплителя, явно блаженствуя.

— Красота! Приятно обдувает, а там, в кабине, бензином пахнет, аж голова разболелась.

Встречный ветерок трепал полы ее крепдешинового платья, обнажая голые ноги выше колен, но она не обращала на это никакого внимания. Раскинув руки, лежала, закрыв глаза.

Иван глядел на нее, и близость женщины взволновала его. Он положил свою руку на ее, вздыбившую платье, грудь.

Она не отдернула руку, не возразила.

Тогда Иван развязал тесемку на платье, раскинул воротничок, забрался в лифчик, сжал в своей ладони ее, по-девичьи упругую, грудь и потянулся к ней поцелуем.

Алла приоткрыла рот, ловя его губы своими губами.

Теперь она сама прильнула к нему. Чуть повернувшись набок, обвила его шею руками. Гладила волосы, щеку и говорила негромко:

— Ух ты какой...

— Какой?..

Она глядела на него широко открытыми глазами. Красивая, доступная, а губы ее шептали:

— Такой... вкусенький...

В эту минуту Ивану ужасно захотелось бросить все: машину, шофера, груз — убежать с ней подальше от дороги, с глаз долой от людей. Сбросить с нее все. Одеть обнаженную своими объятьями и насладиться ею. Испить до конца, до полуобморочного сладостного истязания, как бывало иногда с встреченными или замужними женщинами, которых, по его мнению, развратила супружеская жизнь.

Он попытался заглушить, побороть искушение, понимая, что сейчас все это не к месту и не ко времени, а она, словно чувствуя его замешательство, со скрытной женской наглостью, еле ощутимо пригибая ему голову, потянула его к себе.

Иван рванул свободный край утеплителя на себя, укрыл им обоих и навалился на нее, горячо целуя в губы и тиская грудь.

Их желания слились воедино.

— Обожди... — прошептала она ему в самое ухо. — Какой ты нетерпеливый... я сама сниму...

Откинув край утеплителя на прежнее место, Иван лежал, глядя в синее небо. То, что только что случилось, обратно уже не вернуть, и он сейчас думал об этом. Думал о ней. О той, что обняв его и положив на него голову, теперь молчала.

«Как все просто получилось. Если так со мной, то и с другими так же. А может, нет? Просто давно мужчину не имела. А если «да»? Если со всеми так. А вдруг больная? Откуда я ее знаю. Этого мне еще не хватало. Вместо экспедиции по венеричкам таскаться. Позора не оберешься».

Иван не на шутку встревожился.

— Алла, ты в экспедицию к мужу едешь? — решив себя успокоить, попытался он познакомиться с ней подробней.

— Может, к мужу, а может, и нет, — ответила она нехотя. — А тебе-то что, родненький?

Иван настойчиво переспросил:

— К мужу, так сразу скажи. Я же теперь должен знать, как себя вести...

— Ну что ты пристал? Нет у меня мужа. Успокойся. Нет! Был, да весь вышел...

Иван замолчал.

«Так и есть. Треплется с кем попало. Безотказная».

— Если мужа нет, так зачем же ты едешь? — продолжал допытываться он.

— Как зачем? Работать.

— Кем же? Если не секрет...

— Какой тут секрет. Поваром. Поваром в городе работала, а теперь хочу денюжат побольше подработать, вот и еду. Нет у меня от тебя никаких секретов, Ванечка.

Иван сразу успокоился. «Раз повар — значит здорова. У них медосмотр».

Как и раньше, к концу дня ЗИС захал в чей-то двор.

— Слезайте. Здесь заночуем, — крикнул шофер.

Шофера звали Николаем. Иван тогда не узнал его фамилию. Николай — и все. Так к нему обращались его знакомые, которых у него, судя по всему, на всей трассе было немало.

По внешнему виду Николаю было за тридцать. Среднего роста, кряжистый, со скуластым лицом, покрытым у чуть сплюснутого носа множеством веснушек. С непослушным чубом рыжеватых волос, постоянно спускающимся со лба до бровей. Ничем особенным Николай не запомнился.

В общем, Ивану Николай показался простецким работягой, готовым всю жизнь проводить на колесах.

Опять спать устраивались в доме, на полу. Сняли с машины палаточный утеплитель, расстелили его в несколько слоев под себя, оставляя метра три широкого суконного полотнища, которым покрывались, как одеялом.

Алла с первого раза легла с краю, возле Николая, и не меняла своего места.

Ночью Иван проснулся от шума каких-то шлепков и сдавленного шепота. Спросонья он сразу не понял, что происходит, и замер, прислушиваясь.

Между Аллой и Николаем шла перебранка.

— Убери, говорю, свои лапы, — возмущалась Алла и била его по рукам. — Еще раз тронешь, я весь дом подниму!

— Алла, Аллочка! Ну дай по-хорошему, — дрожащим голосом шептал Николай. — Третью ночь прошу. Я не хочу насильничать. Давай по согласию сделаем...

— Слушать противно, — слышался в темноте Аллин голос. — Ты за кого меня принимаешь. Так и подстелилась? Нужен ты мне. Сразу сказала «нет», и ничего ты от меня не добьешься.

— Черт с тобой! Тогда так и будем ехать. Я от своего тоже не отступлюсь.

— Дурак! Чем запутываешь? По мне хоть месяц вези. Я не спешу. Работа никуда не денется. Вообще, Николай, заткнись и спи. Еще раз сунешься, я Ванюшку разбудю. Расскажу, какой у тебя карбюратор поломался, так и знай.

Иван закрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться вслух, и громко засопел, делая вид, что спит беспорядным сном.

Теперь, после этой ночевки, Алла сразу забиралась вместе с Иваном наверх. Николай днем ехал один в кабине, а ночью, ложась около Аллы, не переставал ее упрашивать.

Расстояние до экспедиции нормальные шофера проезжали за двое суток, с одной ночевкой, а они добирались целую неделю.

Ивану длительная дорога даже понравилась. Он лежал в обнимку с полюбившейся женщиной и упивался ее страстью. Неспешно под колеса убегала горная дорога.

Лишь на последнем участке пути, словно очнувшись от сладостного опьянения, Иван рассудительно решил расставить все по своим местам.

Обнимая ее, сказал жестко:

— Алка, ты... там в экспедиции, ко мне не липни...

— Ты о чем?

— О том, что слышала... Надо будет, сам приду.

— А если мы, миленький, с тобой ребеночка сделали? Тогда как?

— Это твоя забота. У меня невеста есть, — соврал Иван.

Алла ответила не сразу. Она отвела его руку от себя.

— Так вот ты какой, соколик... — обиделась она. — Молодой, а уже в полосочку...

Проехали экспедиционный плагбаум.

У здания конторы Николай остановился. Алла слезла с машины. Николай помог ей. Он поднес вещи, и она, уплатив за проезд, поблагодарила его, не сказав ни слова Ивану.

Попрощавшись с Аллой, Николай зарулил ЗИС в сторону склада, оставив ее у дверей конторы с пустой сумкой в руке, которая при отъезде из города была доверху наполнена продуктами.

На складе без волокиты Иван сдал груз кладовщику.

Когда разгрузка машины закончилась, шофер Николай отвел Ивана в сторону:

— Знаешь, Ванюшка. Хочу с тобой поговорить, как мужик с мужиком. Влезла она мне в душу, не знаю, что делать. Всю дорогу добивался. Так ничего и не вышло. Вот девка! Влюбился по уши. Никуда она от меня не денется. Понимаешь, приеду следующим рейсом — и женюсь. Как посоветуешь? Только честно...

Иван протянул шоферу руку — «Женись, Коля, женись! В накладе не будешь! Девка что надо!» — и с силой пожал его жесткую ладонь на прощание.

IV

С центрального участка, или, как его называли, с «нижней площадки», начальник экспедиции, которому представился Дерябин, сообщил на третий участок по радию о его прибитии.

— Виктор Владимирович, — говорил он в микрофон, — будешь Шабардню за взрывчаткой отправлять, пусть он двух лошадей прихватит. С ним к тебе горный мастер доберется. Лады? Тогда все. Будь.

И обратно к Ивану: «Все слышал? Жди».

К участку дорогу еще не построили. Пришлось семь километров ехать по горной тропе верхом на лошади.

Иван ехал последним. Впереди пять лошадей тянулись в единой связке, вслед за ведущей лошастью, на которой раскачивался взрывник Шабардня. Каждая следующая за ним лошадь была привязана уздечкой за хвост впередиидущей, образуя цепочку каравана. У лошадей, оседланных грузовыми седлами, с боков навьючены ящики взрывчатки, а на последней — вещи Дерябина. Лошади шли не спеша, размеренным шагом.

Нахоженная горная тропа прижималась к скальным уступам, а в стороне от нее — там, за быстрой бурлящей речкой, которая кипящими потоками облизывала каменные глыбы на своем пути, — на противоположном берегу, у самой воды зеленел непролазный кустарник и за ним, на горном склоне, то тут, то там росли красавицы ели, видевшиеся издали лесным массивом.

На сплошном зеленом покрывале красочно рассыпались горные цветы, поражая воображение своим ярким, сочным цветом. Нельзя было быть равнодушным к увиденному, и Иван невольно залюбовался горным пейзажем.

Весь путь тропа вела по ущелью, заметно поднимаясь вверх, все выше и выше. Разница в высотных отметках между нижней площадкой экспедиции и третьим ее участком становилась ощутимой.

Ехали больше часа — и вдруг, неожиданно для Ивана, справа от тропы, уходящей дальше, впереди он увидел что-то напоминающее странное поселение. Горы спустились в маленькую долину, где был единственный одноэтажный дом, похожий на барак, и несколько брезентовых разноразмерных палаток, а вокруг их по склонам, где попало, множество врытых в горы жилищ. Жилища — землянки, одна с другой соединялись дорожками, и все они, сплетенные этой паутиной людских ходков, с

отвалами грунта перед каждой, издали казались поселением пришельцев из нового периода каменного века — неолита.

Только электрические провода, протянутые к крышам землянок, возвращали от мысли о слаборазвитых племенах к современности. До этого, никогда не бывая в таких геологических экспедициях, Иван представлял их совсем иными.

Подъехали к одной из трех дверей барачного дома. Взрывник Шабардня слез с лошади.

— Вас сюда приказано доставить, — сказал он, начиная развязывать притороченные вещи Ивана. — Здесь плановик Сукин живет, а Вы у него жить будете. А я вон там, за складом ВВ, живу. В своей землянке. Будет время, заходите. Милости прошу.

Иван вошел в комнату плановика. По всему было видно, что хозяин небольшой комнаты его ожидал. Было заметно, что в комнату недавно поставлена вторая койка, устланная новым одеялом и чистой наволочкой на подушке. Кроме двух коек, письменного стола, на котором были какие-то бумаги, счеты и арифмометр, и трех табуреток, в комнате больше ничего не было.

На вбитых в стену гвоздях висела одежда, а единственное окно наполовину прикрыто приколпленными газетами.

Длинновязый, худой, очкастый плановик встретил Ивана приветливо.

— Сукин Карл Иванович, — протянул он ему руку. — С ударением на последнем слог, пожалуйста, — как-то автоматически добавил он, слегка смущаясь.

— А я Дерябин Иван Михайлович.

Вечером в соседней комнате, где размещалась «камералка», начальник участка Виктор Владимирович Спиральский представил собравшимся горного техника Ивана Дерябина, а потом в своей квартире Карл Иванович решил отметить это событие.

Выпили первую поллитру, и на второй — он скис и расплакался.

— Несчастный я человек, Ванюшка. Вот что я тебе скажу. И все от чего? От своей проклятой фамилии. Отработаю годик, поднакоплю денег — и сменю ее к чертовой матери. Честное слово, сменю. Жизни мне от нее нет. Одно посмешище. Вот вчера. Представляешь? На планерке. Твой начальник, Воробьев, при всех набросился. «Ты, говорит, Карл, сукин сын, опять меня планом душишь?». Ведь знает, подлец, что не я план выдумываю, что мне его сверху спускают, а говорит. Да еще как говорит? Морду набить мало. Все как бы в шуточку. Все хохочат, а ему нравится. Всем говорю, что не «Су-кин» я, а «Сукин». А что толку? Словно назло — «Су-кин» и «Су-кин». Чтоб их...

— Да ладно тебе. Хуже фамилии бывают — и ничего, живут люди. Не обращай внимания.

— Не скажи. Фамилия много значит. Много! Она может быть счастливая, может и несчастная. Я знаю. Вот у одного знакомого мужика была фамилия Жупиков. Работал он у нас в сельпо. Обсчитал однажды какого-то грамотея. А тот, грамотей, при народе ему и говорит: «Почему вы, товарищ Жопиков, честных покупателей обсчитываете?» Тот его поправить хотел: я, говорит, не Жопиков, а Жупиков, прошу не оскорблять. А этот грамотей свое: товарищ Жопиков, говорит, я не слышу от Вас ответа на мой вопрос. Народ смеется, а прозвище так и пристало с того времени. Продавец не знал, куда деваться от насмешек. Все-таки — дом, хозяйство. Продал все — и умотал в город, с глаз долой от насмешников. Я его потом в городе встретил, он на Жупикова уже вообще не откликается. Фамилию поменял — и стал Дубровским. Совсем другим человеком сделался. Живет, как все. В магазине торгует.

Еще выпили. Карл Иванович перевел разговор.

— Вот, говорят, дети уважать должны своих родителей. Верно? А мне за что своего отца уважать прикажешь? Сидел бы, как все, на земле, я бы его уважал. А то ведь пахать не захотел. Полез в начальство. У самого грамотешки чуть да маленько, а людьми командовать — хлебом не корми. В председатели выбился.

— Чудак ты, Карлуша. Тебе таким отцом гордиться нужно, а ты?.. Глупо!

— Гордиться, говоришь? Я бы, может, и гордился, если бы своими ушами не слышал, что о нем в деревне болтали. Мне ведь тогда уже лет десять было. Соображал кое-что. Стращал от своих же земляков и обирал, как хотел. Придет в избу — и с порога: «Кланяйся мне, хозяин, как дружку — не то снесу башку! Кому же без головы жить охота? Последнее от себя отрывает, ему дают. Поят до усрачки.

— Ха-ха-ха! — грохотал Дерябин. — Молодец, твой отец! Он что у тебя, буденовец?

— Какой там «буденовец»? Его из-за хромоты на войну не брали. Ладно бы только это. Люди бы по привычке, перестали бояться, а там, глядишь, и его приструнили. Другое я ему просить не могу. Вот послушай, что расскажу. Было нас в семье шестеро детей. Сестры, Марфа и Надюха, и нас, братьев, четверо: я — Федор, потом Аким, Павел и Николай. Так вот. Взбрело отцу в голову всем нам имена переделать. Назвать своих детей в честь вождей пролетариата. Меня — Карлом, как Карла Маркса, значит; Акима — Фридрихом, как Фридриха Энгельса; Павла — Владимиром; Николая — Иосифом. Представляешь?! В деревне-то вдруг — Карл да Фридрих! Курам на смех!

Нас переделал, за девок взялся. Хорошо, Надюха к жене Ленинина подошла, а вот как же Марфу назвать — долго голову ломал. Тут, на грех, нашелся один умник. Стал поучать: назови

говорит, Иван Никифорович, свою дочь Марэнгленой. Сейчас в городе многих девок так называть стали. Оно, если разобраться, тут в одном слове сразу три вождя: и Маркс, и Энгельс, и Ленин.

Отец так и сделал. Марфа — в рев. Мать — перед иконой на колени. Дите, говорит, у меня на выходе. Страшно, говорит, мне его рожать. Неизвестно, какой еще кличкой ты его обзовешь.

А отцу на все наплевать. Гнет свою линию. Крикнет, бывало: «Карла или Фридрик, подь сюды!» Попробуй послушайся. Запорет.

Пришло время. Мать родила. Хорошо — девку. Отец ее Светланой назвал, в честь дочери товарища Сталина.

Потом все мать страшал: «Теперь сына рожай, назову Вилориком. Лучшего имени не придумать. Если его по буквам разобрать, получается: «Владимир Ильич Ленин Организатор Рабочих и Крестьян».

А чем все кончилось, спрашиваешь? А кончилось тем, что Марфа к Марэнглене так и не привыкла. Исполнилось семнадцать, задразнили ее парни, она и повесилась. От горя и от страха мать померла. Я в город удрал. Отец женился, и младшие при мачехе живут. Вот и все. А ты говоришь гордиться надо?..

Карл Иванович опустил на стол пьяную голову.

Иван похлопал его по плечу, успокаивая:

— Все-таки ты напрасно, Карлуша, о своем отце так. То, что были у него перегибы, это верно. Перегибал — ясное дело. Но то, что преданный он нашей партии человек, скажу тебе, — это факт. Я так понял.

V

В горный цех, которым руководил Воробьев Андрей Гаврилович, входило более десятка штолен и пять шурфов.

Штольни, или, как они назывались в учебнике «Горное дело» — горизонтальные выработки, имеющие выход на дневную поверхность, были не глубокие и размещались на разных отметках по всему склону горы. А шурфы, или попросту колодцы, находились в низине, у подошвы склона.

В обязанности горного мастера Ивана Дерябина входило обеспечение проходки шурфов и штолен, техника безопасности и своевременная поставка крепежного материала.

Утром заведующий горными работами, как его сокращенно называли, завгор Воробьев уехал на «нижнюю площадку» и Иван заверил его, что сам обойдет выработки.

Подходя к устью штольни, Дерябин испытывал страшное волнение и робость. «А вдруг в этом узком и темном туннеле упадет на голову глыба — и пришибет насмерть».

Сделав несколько шагов внутрь, он останавливался, не собираясь один идти дальше, и начинал прислушиваться к звукам в глубине. Ничего не услышав, подходил к отвалу убедиться, вывозили ли сегодня породу.

Из разговора с завгором Иван узнал, что проходчики каждый день работают в разных штольнях, что за каждым из них числится по две, а то и по три выработки.

Все оттого, что работа велась древним, дедовским методом. Механизации никакой не было. Проходчики обуривали забои вручную. Взрывник закладывал в шпур прессованный аммоний в патронах и взрывал породу. После взрыва проходчик переходил в другую штольню, где откатчик уже очистил штольню от взорванной ранее породы.

Принудительной вентиляции не было, и для того, чтобы вытянуло газ, требовалось не менее суток, а то и больше. Все зависело от глубины пройденной штольни.

Из восемнадцати работающих штолен только в одной выкатывали отбитую породу вагонеткой. В остальных — катали одноколесными тачками по деревянному настилу. Обливаясь потом, бегали с тяжелым грузом.

О том, как бурили в забоях, Иван не читал ни в одном учебнике. Способы ручного бурения, названные самими проходчиками «под кувалду» и «брюшным тифом», он увидел впервые.

Подойдя к одной штольне, услышал, что кто-то там, в глубине, чем-то ударяет по металлу. Иван зажег свою лампу-карбидку и пошел на звук. Метров через сорок штольня закончилась.

У забоя при тусклом освещении лампы он увидел человека. Тот стоял к нему лицом, спиной к забою. Между ног одной рукой держал шестигранный бур, а другой — бил по нему пудовой кувалдой. Ручка кувалды была укорочена, всего в два захвата, и на конце ремень удерживал ее на запястье руки проходчика. После каждого удара бурильщик чуть-чуть поворачивал бур по часовой стрелке.

Увидя Дерябина, проходчик, оставив бур в шпуре, скинул с руки тяжелую кувалду и, потряхивая уставшей, окоченевшей кистью, поздоровался с горным мастером.

— Как дела? — поинтересовался Иван.

— Какие тут дела, — посоветовал проходчик Мыщик. — Вот так с первого метра. Все под кувалду. Порода крепкая. Сколько забуришь, столько и отпалишь. Ни сантиметра больше, чтоб есл..

В другой штольне заглупление было меньше и, даже не заходя в нее, Иван увидел проходчика.

Но желая познакомиться, Иван подошел поближе. Проходчик был заметно старше Мыщика, и звали его Илья Кондратьевич Елисеев.

Илья Кондратьевич сидел на коленях перед забоем и бурил нижние шпурь. Верхние уже были пробурены.

Елисеев вращал длинную спиральную штангу. Один конец ее легко углублялся в породу, а другой, откованный гладко и п-образно, в виде коловорота, упирался в толстую доску, приложенную к животу. Всей тяжестью тела Илья Кондратьевич надавливал на эту доску и по мере заглубления спирали на коленях подвигался к забою. Словоохотливый Елисеев рассказал Ивану, что такое бурение называется «брюшным тифом».

— Что толку-то, что у Ваньки Мыщика расценки дороже. Известное дело, как «на кувалду» проходить. Руки отобьешь. Я «брюшным тифом» обурюсь на полтора, а возьму два метра чистых. Такую породу взрывчатка вперед бьет. К концу месяца метров шестьдесят дам. Вот увидите.

— А брюхо себе не пробурите? — пошутил Иван.

— А тут — сам гляди, — поучительно ответил проходчик. — Если доска нагрелась — меняй доску. Можно и насквозь прокрутить, тогда и брюхом нарвешься, на то и «брюшной тиф» — чтобы рот не разевал. Было у меня. Задумался — и сам себя сверлить начал. Хорошо, синяками отделался. Шкура толстая, а то бы намотал кишки — и труба. В нашем деле — не зевай!

Кто и когда стал называть это ручное бурение «брюшным тифом» — ни в этот раз, ни потом Дерябин так и не узнал. Но название было расхожее, и каждый горняк знал, о чем шла речь.

Осмотрев четыре штольни, горный мастер понял, что в других то же самое, и решил никуда сегодня больше не ходить и возвратиться домой.

По пути домой он неожиданно оказался около шурфа.

На расчищенной площадке стоял обыкновенный колодезный вороток, у которого сидели и разговаривали между собой две женщины.

В стороне от них парень разбирал элементы крепи.

Вокруг площадки навалены груды породы, вытащенной из шурфа.

Не успел Иван выйти на площадку, как парень поспешил к нему.

— Вы наш горный мастер? — возбужденно начал он и, услышав подтверждение, замахал руками. — Идите сюда. Идите! Вот видите, что присылают! Шурф уже тридцать метров, а они вместо нормальной крепи спички шлют! Разве можно этим шурф крепить? Нет! Не положено! Сколько раз говорил Воробьеву, а он свое: «Немного осталось, доработаеть как-нибудь». А если меня завалит? Его же судить будут!

Он говорил о том, что диаметр венцов крепи не соответствует диаметру по нормативам, и Иван, полностью доверившись ему, соглашался.

— Ладно. Я с этим делом разберусь, — успокоительно постарался он закончить разговор, в котором опасался, что шурфовщик начнет задавать ему вопросы, чем поставит горного мастера в неудобное положение.

Иван уже посчитал, что можно уходить, как вдруг парень опередил его и, подойдя к воротку, объявил:

— Я первый спущусь, а вы — следом.

Парень спустился в шурф.

Если, заходя в штольню, Иван испытывал неприятные, болезливые ощущения, то теперь, оказавшись перед необходимостью спускаться в этот узкий глубокий колодец, закрепленный, по выражению парня, «спичками», которые не спасут от завала, он почувствовал настоящий животный страх.

Он сел на щит, прикрывающий шурф, и начал повторять то, что делал перед ним тот парень, который уже был глубоко в земле. Поставил правую ногу в бадью и стал веревкой привязываться к тонкому тросу.

Руки его чуть дрожали, и эта дрожь холодом пробегала по всему телу. Заметив, одна из воротовщиц озорно улыбнулась.

— С ветерком прокатить, товарищ начальник? — испытывающе бросила ему.

— Ну-ну! — встревожился не на шутку Иван Дерябин. — Без глупостей! Опустите стопор, как положено!

— Какой еще «стопор», товарищ мастер? — делая недоуменный вид, спросила говорливая воротовщица. — Этот, что ли? Фу! Так бы и сказали: «Накинь собачку!» А то — «опустите стопор». Пожалуйста, «собачку опустить» не то, что вас обратно тащить. Дело не хитрое!

Она перекинула стопор, отщелкивающий при спуске каждый поворот воротка.

Иван начал опускаться в шурф, и под его грузом бадья резко дернулась вниз, выбирая запас троса. Вороток тряхнуло, и трос завис.

Иван почувствовал, как побледнел, и впился руками в трос. Его опускали медленно, а он мысленно представлял каждый поворот вала воротка, и ему казалось, что вот-вот обязательно порвется трос, лопнет где-нибудь в ненадежном месте — и он полетит в бездну, вниз, в темную могилу.

Ожидая этого, он не заметил, как бадья ударилась о дно шурфа, и, не успев вытащить из нее ногу, навалился на холодную стенку спиной.

Шурфовщик помог ему встать на ноги.

— Вот видите, что здесь творится. — Он поднимал лампу-карбидку — и ее тусклый свет обливал стенки шурфа. — Я уже

под пальцевой венец все заготовил, — показывал он пробитые по углам ниши глубиной с метр.

Парень направил свет карбидки вверх. Над их головами завис колодезный сруб, оставляя участок незакрепленной проходки.

— Видите. Метра два не креплено. А глубина под тридцать. Здесь давление — ай да ну. Сруб потрескивает. На пальцевой венец крепь диаметром двадцать два-двадцать пять надо. Надежней будет. Виктор Владимирович говорит, что еще метров шесть проходки будет. Этот шурф для них важный. По руде идет.

— А он спускался сюда? — услышав имя начальника участка, с нескрываемым удивлением спросил Иван и понял, что сказал глупость. Почему бы начальнику участка, как геологу, действительно самому не осмотреть шурф.

— Позавчера спускался. Похвалил, — отозвался шурфовщик, не заметив ничего необычного в вопросе мастера.

— Ты вот что. Как тебя?

— Олег Кирюшкин.

— Ты вот что, Олег Кирюшкин, вот эту породу выдай на-гора и сам поднимайся. Пока не пришлю тебе нужную крепь, в шурф спускаться запрещаю. Крепить надо срочно.

— Я согласен.

Собираясь подняться, Иван задрал голову.

Вверху в квадрате, пересеченном валом воротка, Иван увидел черный кусок неба, на котором мерцали яркие звезды.

Он как-то слышал от старых проходчиков, что из глубины шахтного ствола в яркий солнечный день на безоблачном небе можно увидеть мерцающие ночные звезды, но тогда не поверил этому, а теперь убедился сам.

— Олег, видишь звезды?

— Ничего особенного. Всегда так. Обычно с двадцатого метра зажигаются, — как о привычном отозвался шурфовщик.

— Ну ладно. Давай сигнал подъема.

Бадья медленно потянула Ивана Дерябина к солнечному свету.

В тот же день на повседневной вечерней планерке начальник участка Виктор Владимирович Спиральский, после разбора текущих дел и выдачи задания на завтра, обратился к Дерябину:

— Иван Михайлович, Вы уже ознакомились с выработками?

— Да, — ответил Дерябин.

— И как Вы их оцениваете?

Иван отлично понимал, что сейчас от его ответа зависит многое. И главное — как на него будут смотреть в дальнейшем, как сложится его авторитет на участке, какое место он займет

среди тех, кто работает здесь раньше него и как будет к нему относиться начальство.

— К штольням у меня пока, Виктор Владимирович, претензий нет, — начал он, растянув слово «по-ка-а», чем привлек всеобщее внимание и, сделав значительную паузу, продолжал с достоинством:

— А вот на третьем шурфе я работы приостановил и запретил Кирюшкину спускаться в шурф.

— Почему? — вспыхнул завгор Воробьев.

Иван погасил в себе вспыхнувшее желание унижить своего непосредственного начальника и сделал вид, что не высказал еще все до конца и не считает нужным отвечать тому, кто пребывает его. Он смотрел только на начальника участка.

— Как я понимаю, Виктор Владимирович, проходкой третий шурф уже сел на пласт полезного ископаемого и идет по нему. Я, конечно, не собираюсь вникать в сферу геологии, но, учитывая глубину шурфа, при надобности можно было бы пройти еще метров пять.

— Вы спускались в третий шурф?

— Конечно. Я не знаю, Виктор Владимирович, кто отдал шурф в полное распоряжение Кирюшкину, — он метнул взгляд в сторону завгора. — Вы, Андрей Гаврилович, наверное, видели, что там делается? Последняя секция сруба висит не на пальцевых, а на каких-то палках. Два метра вообще не закреплено.

— Нормального крепежного леса нет, — буркнул Воробьев.

— Не знаю, не знаю. Только я посчитал своей обязанностью приостановить временно работы. Если нам нужен шурф, то надо сейчас же ставить пальцевой венец из леса двадцать пять-тридцать сантиметров, чтобы поддержать на всякий случай весь сруб. У меня такое мнение.

— Вы абсолютно правы, Иван Михайлович, — заключил разговор начальник участка. — Благодарю вас. За один день вам удалось обследовать горные выработки и внести очень существенные, я бы сказал, замечания. Вам, Андрей Гаврилович, завтра же с утра надо будет поехать на нижнюю площадку и самому отобрать кругляк-толстомер. Пора наводить порядок. Теперь у вас есть толковый помощник. Думаю, что на него вполне можно будет положиться.

Иван был доволен собой. С первого дня на участке он заявил о себе. Вошел в доверие начальству. Он радовался, что произвел на всех впечатление.

— Теперь надо закрепить свой авторитет — и все в порядке, — решил он.

Неожиданно для него этому в немалой степени помогло знакомство с первым секретарем райкома Алексеем Алексеевичем Колобейцевым.

Однажды, на неделе, начальник участка зашел в комнату Дерябина.

— Иван Михайлович, нас с тобой на завтра к десяти утра в райком вызывают. Ты член КПСС или беспартийный? Вот и хорошо. Утром поедем. Смотри, партбилет не забудь.

Райком занимал отдельное административное здание.

Первый секретарь принял коммунистов Спиральского и Дерябина точно в назначенное время в своем просторном кабинете.

Алексей Алексеевич интересовался производственными делами, снабжением, заработками, настроением людей.

Как партийцы партийцу, рассказывали ему начальник участка и горный мастер и все-таки не могли уловить в разговоре необходимость их приглашения в райком, к самому главному политработнику экспедиции.

Алексей Алексеевич держался просто, открыто и располагал Дерябина, впервые встретившегося с ним, на откровенный разговор.

Беседовали долго. Казалось, уже все выведал от них первый секретарь, но почему-то не отпускал.

У Дерябина создалось впечатление, что все, о чем говорил первый секретарь и чем интересовался, имело определенный смысл. Он отмечал, что называя собеседников на «ты», подтверждая тем самым принадлежность к членству в партии, Алексей Алексеевич, и это нельзя было не заметить, знает себе цену и выдерживает определенный интервал между собой и ими, не позволяя даже в разговоре невзначай перешагнуть намеченную черту, сразу разрушая возможность всякого панибратства.

Наружность Алексея Алексеевича Колобейцева была впечатляющей. Он был высокого роста, широкоплеч и умеренно полноват. Блестящие черные волосы зачесаны назад, лицо чисто выбрито. Было заметно, что он придает немалое внимание своей внешности. На отглаженном чесучевом кителе прикреплены наградные колонки. Все это и другие детали, отмеченные Дерябиным, в его воображении формировали образ человека, наделенного в экспедиции большой властью.

Глядя на него и слушая его ровный и мягкий голос, Дерябин был рад случаю знакомства с Алексеем Алексеевичем.

А между тем товарищ Колобейцев стал говорить о том, что, судя по всему, и явилось причиной их вызова. Голос его изменился, и в нем зазвучали те стальные нотки, лаконичность и краткость, которые всегда воспринимались слушателями как приказ, который никто не может и не должен обсуждать, а обязан неукоснительно выполнить, и не только выполнить, но и перевыполнить во что бы то ни стало.

Речь шла о предстоящей очередной подписке на государственный заем.

— Мы не можем, не имеем право пустить на самотек огромной важности политическое мероприятие, — говорил первый секретарь. — Мы обязаны: во-первых, подпиской на заем охватить всех без исключения. Во-вторых: минимальный размер подписки должен быть — месячный оклад или средний заработок. Ведите разъяснительную работу среди народа и действуйте. Партия доверяет нам и не сомневается, что коммунисты нашей экспедиции вполне понимают, что должны оправдать доверие. О значении займа, думаю, говорить не следует.

Алексей Алексеевич не торопился с ответом, а сидящие перед ним не спешили ему ответить, принимая сказанное как должное.

— Кстати, Виктор Владимирович, — неожиданно сказал хозяин кабинета. — На вашем участке, как нигде, крайне неблагополучно с политпросвещением.

Начальник участка опустил голову.

— Я, конечно, понимаю вашу загруженность, — продолжал Алексей Алексеевич, — но вы должны знать, что в первую очередь вы коммунисты, и забывать этого никогда не следует. Ни при каких обстоятельствах.

Виктор Владимирович поднял глаза на первого секретаря, ожидая разноса, но тот вдруг изменил поучительный тон и неожиданно сказал:

— Мне думается, коммунисту Дерябину можно было бы поручить этот участок партработы. Он, на мой взгляд, грамотный специалист и инициативный товарищ. Так, по крайней мере, можно заключить с ваших же слов о нем. Почему бы, как партпоручение, не обязать коммуниста Дерябина проводить занятия по политучебе на вашем участке? Хотелось бы услышать ваше мнение. Как вы сами думаете?

Виктор Владимирович встrepенулся, понимая, что разгона не будет. Он незамедлительно поддержал кандидатуру:

— Я абсолютно согласен с вашим предложением, Алексей Алексеевич. Дерябин действительно толковый работник. Образованный. Думаю, что он справится с партпоручением на сто процентов. Организационно я, как начальник участка, ему помогу.

— Вот и добро! — заключил первый секретарь райкома и обратился к Дерябину:

— Тебе, Иван Михайлович, надо будет держать связь с заводским отделом агитации и пропаганды — Калерией Семеновной Андреевой. Она опытный работник, и во многом поможет на первых порах.

Иван Дерябин в знак согласия закивал головой.

Колобейцев поднялся, пожал каждому руку и пожелал успеха.

Иван Михайлович вышел из райкома окрыленный. Его охватило то чувство радости, которое, наверное, испытывает всякий тщеславный карьерист, которому крупно повезло. Который долгое время был где-то там, внизу, незамеченный, ничем не выделенный среди серой массы людей. Лишь скрытая надежда, что настанет и для него звездный час, что начальство приблизит его к себе, была его успокоением. Тогда он все, что будет зависеть от него самого, непременно сделает, и сделает так, с таким усердием, что начальство, конечно, останется им довольно. Он ждал этого момента... И вдруг такое везение, такая удача!

Чувства Ивана Михайловича перекликались с чем-то подобным с одной лишь разницей, что везение в его жизни бывало часто и ему, не как другим, не приходилось долго его ждать.

Начальник участка тоже был в хорошем настроении. Вызов в райком никаких неприятностей не принес. Все обошлось гладко, без обычных накачек.

— Зайдем в столовую. Перекусим, — предложил Дерябину Виктор Владимирович.

В столовой обеденный перерыв уже заканчивался и поэтому почти никого не было. Всего на двух столиках продолжали кушать, да у стойки буфета стояли два-три человека.

Официантки убирали со столов грязную посуду, складывая в тазы недоеденную пищу и куски хлеба.

Заметив у окна чистый столик, вошедшие направились к нему. Иван Михайлович высказался сам выписать обеденные талоны. Намекнув, что нужно бы отметить сегодняшнее событие и, получив согласие начальника участка, пошел к буфету.

Проходя мимо раздаточного окна, он краем глаза заметил в нем раскрасневшуюся от жара кухонных плит, с высоким поварским колпаком на голове, свою недавнюю сладкую попутчицу Аллу Тарасюк. Увидя Ивана, она закивала ему, делая приветственные жесты рукою, но он сделал вид, что не узнал ее, и, пройдя мимо, подставляя ей спину, подошел к буфетной стойке.

Впереди стояли двое. Передний парень уже что-то заказывал, и буфетчица выписывала ему талоны, находя цены блюд по меню, лежащему перед нею. Рядом были счета, и всякий раз она перекладывала на них косточки. Здесь же на весах развешивался хлеб.

Перед Иваном стоял мужчина среднего роста. Его шея, испещренная сеткой морщин, была покрыта налетом сажи, которая, осев в морщинах, подчеркивала их.

Иван глядел на эту грязную шею и мысленно оправдывал себя за то, что не поздоровался, не заговорил с Аллой: «Меню — меньше вопросов — меньше ответов. Да и о чем с ней разговаривать?»

Тем временем первоочередной парень отошел, унося тарелку с хлебом, и буфетчица обратилась к человеку с грязной шеей:

— Остап Григорич, вам как всегда?

— Как всегда, дочка...

Буфетчица повернулась к полкам, где были расставлены бутылки со спиртом, взяла одну из них, раскупорила и налил полный граненый стакан до самого края.

Остап Григорьевич расплатился. Тут же, у стойки, запрокинув голову, вылил в горло стакан чистого, неразведенного спирта, взял рядом лежащий довесок хлеба, понюхал, положил на место и уверенной поступью пошел к выходу.

«Вот это да!» — удивился Иван.

— Вот это да! — не удержавшись, сказал он вслух, глядя на улыбающуюся буфетчицу. — Кто же он такой?

— Кто такой? — переспросила буфетчица. — Наш знаменитый кузнец. Он дома обедает, а перед обедом каждый раз ко мне заходит. Ему стакан спирта, как нам с вами стопка вина. Закаленный, как сталь. Он молодым фору даст. Что будете заказывать?

Меню было короткое. Выбирать не из чего. Иван выпisał два борща, две котлеты. Попросил отвесить четыреста граммов хлеба и налить дважды по сто граммов спирта.

Буфетчица поставила на тарелку с хлебом два стакана со спиртом и протянула третий пустой стакан:

— Разводить будете, вон там вода, — она указала на стоящие неподалеку бачок с питьевой водой.

Иван с начальником участка выпили, закусили борщом, и к их столу опять подошла официантка, которую в столовой называли Нюркой.

Нюрка взяла талоны на второе и пошла к раздаточному окну.

— Чьи вторые? — уточнила Алла.

— А вон тех двоих, у окна, — небрежно и безразлично ответила Нюрка.

Алла бросила талоны в кастрюлю поверх тех, что уже лежали там, взяла две глубокие тарелки и подошла к плите. На одном противне лежали ужаренные куски отбивного мяса, а на другом — ломтиками поджаренный на сливочном масле картофель-фри. Она перебрала лопаточкой отбивные, выбрала получше и побольше, добавила в тарелки гарнир, полила соусом и украсила каждое блюдо круглыми ломтиками свежесрезанного помидора с дольками малосольных огурчиков.

— Ты что? Сдурела? — воскликнула Нюрка, принимая от повара второе. — У них же котлеты с перловкой, а ты что набухла?

— Это начальство, Нюра. Его по правилам кормить надо. Неси и не возражай!

— Какое тебе начальство? — не унималась Нюрка. — Тоже мне... Если бы было начальство, то они бы за перегородку сели. В итэеровскую, а то в общей зале сидят.

— Ну и что? Это их дело, где сидеть. Начальство в лицо знать надо. Чего застыла? Неси, говорю. Я за это отвечаю. Твое дело подавать клиентам...

Нюрка понесла тарелки к столу возле окна, надутая и недовольная.

Сытно пообедав, Иван с начальником участка вышли из столовой. Алла из раздаточного окна не сводила глаз с Ивана, а когда он уходил, не посмотрев на нее, злоба закипела в ней.

«Стерва! — прокляла она его. — Даже не обернулся. Не поблагодарил, гад такой!»

Подписка на заем на третьем участке прошла успешно. В горном цехе каждый подписался на два среднемесячных заработка.

Предварительно проводя общее собрание, начальник участка Спиральский много говорил о значении для страны госзайма, о международном положении и призывал подписываться не менее чем на один заработок.

Потом выступил Дерябин. Человек новый в коллективе. Его слушали с большим вниманием. Люди понимали, что по должности он теперь будет закрывать наряды. Забраковать их работу горному мастеру не представляет трудности. Придаться — что плюнуть, ума много не надо. Попробуй отбейся — пустая затея доказывать правоту и ссылаться на категорию породы. От него ой как много зависит.

Иван Дерябин говорил резко, настырно, вдалбливал в головы слушателей, что не потерпит позора, если рабочие горного цеха подпишутся хуже, чем на других участках экспедиции.

— Виктор Владимирович, — обратился он к начальнику участка в заключение. — Разрешите мне самому провести подписку в горном цехе. Горняки всегда были передовиками рабочего класса. Кто считает себя горняком, тот обязательно подпишется на заем на два заработка. А кто зажмется, товарищи, того горняком не считаю. С тем мне не по дороге! Так и знайте.

Сказано было понятно. Так жестко и таким голосом, что все в горном цехе — то ли от страха за свой будущий заработок, то ли от разбуженного словами горного мастера патриотизма — подписались на два заработка.

Первое задание райкома коммунистом Дерябиным было выполнено с честью. По размеру подписной суммы на списоч-

ный состав участок вышел дружно на второе место в экспедиции, а по проценту охвата — на первое.

Первый секретарь, когда ему доложили об этом, не преминул отметить организаторские способности молодого коммуниста.

Второе партпоручение тоже шло без сбоев. Иван Дерябин стал проводить занятия по «Краткому курсу ВКП(б)».

В райкоме он познакомился с Андреевой. Он ожидал встретить пожилую, степенную женщину, и, когда встретил Калериеву Семеновну, — удивился. Перед ним была молодая, модно одетая, вертлявая и говорливая особа. Но чем больше они разговаривали, тем сильнее Дерябин убеждался в ошибочности первого впечатления. Много ценного по методике работы, по составлению планов занятий, по использованию подсобной литературы подсказала она ему.

Иван в следующий свой приезд в райком, зайдя в столовую, подошел к поварихе. Он долго разговаривал с Аллой, оправдывая свое невнимание к ней занятостью, выполнением серьезного партийного поручения и загруженностью работой «по горло».

Алла поверила и оставила его у себя до утра. Она приняла его, воровски скрывая от соседей, которые знали, что повариха вышла замуж за шофера и ее муж Николай сейчас в рейсе.

Алла больше всего боялась в тот вечер, что после своего признания Иван осудит ее поступок, осерчает и уйдет.

Но услышав о замужестве, Иван пьяно смеялся, расхваливал ее намерение наставить тюфяку мужу ветвистые рога. Было противно его слушать, и в какой-то момент Алла чуть было не решила выгнать его с треском. А он, уловив ее настроение, сразу переменял разговор.

Оскорбительно и больно было Алле оттого, что Иван ничего не понимал в ее сегодняшнем безумном поступке.

Бессонная ночь рискованного счастья прошла истомно, быстро и тревожно.

Чуть забрезжил рассвет, она разбудила заснувшего Ивана, и он по ее просьбе, чтобы шагами в коридоре не разбудить соседей и не открывать входную дверь, ушел через раскрытое окно в еще не разбуженную «нижнюю площадку», на прощание пожелав Алле передать привет своему мужу.

Алла осталась одна. Она понимала, что этот наглый, нахальный гость не любит ее по-настоящему. Его жаркие поцелуи, страстная ненасытность — всего лишь плотская похоть. Но окончательно потеряв голову, она, проведив Ивана, желала, бездумная, новых бесконечных тайных встреч, прощая ему все унижения и обиды, забыв о своей гордости и возможной расплате.

Упрочив связь с райкомом, Иван Дерябин на своем участке занял особое положение среди рабочих и итээровцев.

Влияние райкома на производственную, хозяйственную, кадровую деятельность всей экспедиции было неоспоримо. Воспитанные на коммунистических идеях, как и во всей стране, здесь, в экспедиции, люди были уверены — «как партия сказала — так и будет». Она властвовала над всеми и контролировала жизнь каждого из них.

Поэтому Дерябина на участке воспринимали как человека, приближенного к огромной власти, дарованной партией. Относились к нему по-разному: кто с уважением, кто с завистью, а кто и с предосторожностью, скрывая свои чувства, уходя от каких бы то ни было оценок.

Сам же он теперь понимал, что своим прочным положением обязан одному, самому главному обстоятельству — наличию партбилета. Именно он, партбилет, ставил его выше тех, кто, будучи просто итээровцами, не состоял в КПСС. Что для него, к примеру, значит беспартийный зав. горными работами Андрей Гаврилович Воробьев? Да ничего. Пустое место. Если раньше Дерябин считал его своим начальником, то со временем для него Воробьев потерял всякий вес.

На планерках Иван мог одернуть его, осадить. И хотя не всегда был прав, но непременно находил поддержку у начальника участка.

Больше того, когда на участке чего-то не хватало — то ли материалов, то ли продуктов, начальник участка Спиральский при всех собравшихся просил Ивана Михайловича Дерябина съездить за помощью в райком. И Иван, получив такое ответственное задание, ехал, просил, пробивал. В райкоме брали на контроль, обещали помощь в первую очередь.

Казалось бы — мелочи, но ведь не каждого мог послать начальник участка. Другой бы тоже поехал, а что с него толку? Он там пришлый, на него не так посмотрят, не так поверят, а Дерябин — авторитетный коммунист. Достойный работник. Зря говорить не станет. Раз его послали по этому делу — значит, действительно участку без помощи райкома никак не обойтись.

Занятый в основном партпоручениями, горный мастер Дерябин стал пренебрежительно относиться к своей основной работе. Он перестал ходить в штольни, не спускался в шурфы, хотя был в курсе всех дел горного цеха.

Ежедневно сами забойщики, откатчики, шурфовщики приходили к нему. Каждому было что-то нужно со склада, из кузницы, или требовалось провести взрывные работы. Все это делалось с разрешения горного мастера, и он, подписывая им заявления и накладные, из первых уст получал подробную информацию о том, что делается в штольне или шурфе.

Единственным человеком, с которым теперь считался Иван Дерябин, был начальник участка Виктор Владимирович Спиральский. Да и тот после одного конфузного случая оказался у него «на крючке».

Случилось однажды, впрочем как и всегда, поехать Спиральному на нижнюю площадку за зарплатой участка. Делал это начальник один, никому не доверяя. Сам получал деньги и ведомости, сам привозил и раздавал. Денежные купюры в то время были большие, зарплату выдавали тысячами и деньги возились мешками. Ни для кого не было секретом, что раздавать зарплату — дело наваристое, если учесть, что разменная монета в экспедиции не существовала, и расписываясь за копейки, начисленные по платежной ведомости, даже если они были близки к рублю, мелочь никто не получал. Так делалось на всех участках, к этому все уже привыкли, и незаконное на этот счет в экспедиции стало негласно узаконенным.

В этот раз Виктор Владимирович уехал утром, а вернулся часа в четыре дня.

Иван случайно оказался дома в тот момент, когда подъехал начальник участка. Лошадь под ним остановилась возле двери его комнаты. Поводья были опущены, и сам начальник склонился на ее шею, безвольно опустив руки. Выбежала жена Спиральского, коллектор Людмила Власовна, и жестом позвала Ивана помочь ей.

Они стащили начальника с коня. Виктор Владимирович мычал, смотрел на них мутным, далеким взглядом, глупо улыбался и что-то говорил невнятное заплетающимся языком. Он был сильно пьян.

— Витя, ты деньги-то получил или нет? — допытывалась у него жена,

— Там... все там... — бормотал Спиральский. — Спать... спать, — отмахивался он от жены, как от назойливой мухи.

Иван с Людмилой Власовной затащили начальника домой. Он, не раздеваясь, бухнулся на койку и сразу захрапел.

Ночью Людмила Власовна разбудила Ивана, умоляя срочно прийти к ним. Она была чем-то сильно взволнована.

Иван никогда не видел своего начальника таким. Лицо его было опухшее, руки вздрагивали. Взгляд, полный растерянности, безнадежности и раскаяния, отражал его ужасное состояние и тревогу.

Выяснилось, что два мешка с деньгами он приторочил к грузовому седлу второй лошади, а она не дошла, пропала по дороге на участок. Было ли это умышленным ограблением, ударил ли кто его сзади по голове, чтобы лишить сознания, или это простая случайность, — вспомнить Спиральский не мог. Где произошло? Тоже не знал.

Иван Дерябин понял, что горит его начальник ярким пламенем без дыма и огня, но пока решил ему помочь.

Он пошел к конюху Султану Каримову, разбудил его и под большим секретом и обещанием держать тайну все рассказал о приключении начальника участка. В случае, если обойдется благополучно, обещал липовый наряд на крутленькую сумму.

Султан поднял своих верных друзей, Карима и Руслана. Оседлав лошадей, они втроем поскакали на розыск.

Виктор Владимирович не находил себе места.

— Не найдут — застрелюсь, — говорил он Ивану, и Иван верил в его решение, понимая безысходность своего начальника.

Минуты и часы ожидания для Спиральского казались вечностью. Наконец, под утро, когда в землянках стали просыпаться и зажигать свет, вдали по направлению к участку как будто показалась вереница лошадей. Иван вглядывался, не отрываясь. Сколько их там? Вот они стали четче и зримей. Четыре! Действительно, четыре — три с седоками, а после второй — одна без седока. Вот они уже совсем близко, и на грузовом седле видны мешки.

Деньги никто не тронул, лошадь с ними порвала уздечку и отстала. Свернув в сторону от тропы, она мирно паслась в ущелье, где ее обнаружили посланные на розыск.

Начальник участка Спиральский был спасен.

VI

События в стране разворачивались стремительно. Среди участников и соратников недавно умершего вождя самым «талантливым», находчивым и разворотливым оказался Хрущев. Выходец из шахтерской среды, как он сам о себе говорил, быстро стал наводить «порядок» в Кремле.

Первым делом он свалил такого колосса, такую признанную партийную величину гигантского размера, имя которого советские люди произносили с внутренним трепетом и который для многих казался недостижимым. Того, кто на похоронах вождя говорил с трибуны мавзолея, что «Сталин оставил нашей партии и стране великое наследство, которое надо беречь как зеницу ока и неустанно умножать».

Все так и думали, что кремлевские соратники вождя станут «беречь», «неустанно умножать» и продолжать все так, как и было. А тут вдруг раз! — не прошло и полгода, как Берия, истреблявший «врагов народа» — сам стал враг и агент иностранной разведки. «Вот так на! Фокус!»

Оказалось, что верный слуга Сталина так низко морально пал, что перепутал большевистскую идеологию с сексуальной.

При его аресте в рабочем столе нашли женские лифчики, трусики, комбинации.

«Это надо же? — ухмылялся Иван, слушая тогда радио. — Какой блядун! Сколько же девок грузин перепортил?»

Говорили в народе, что, заточенный в тюрьму, приговоренный к высшей мере, извращенный до мозга костей, Берия требовал в камеру бабу.

Поверя в первое — верили и во второе.

Хрущев, тонко уловив настроение масс, обрушился на своего умершего, а потому безопасного учителя, объявив его основным зачинателем кровавых репрессий в уничтожении безвинных людей.

Расчет оказался удачным. Иначе не могло быть: карта ставилась на горе людей, когда несправедливость косила смертью родных и близких почти в каждой советской семье. Через тридцать шесть лет советской власти люди в Хрущеве хотели видеть своего защитника, освободителя от несправедливости и террора.

В сентябре 1953 года Никита Сергеевич Хрущев поднялся на высшую ступень партийной иерархии. Он стал первым секретарем Центрального Комитета правящей партии.

Изъяв из тайных архивов секретные документы о своей причастности к репрессиям, теперь сам Хрущев выбивался из «первого ленинца», читая многочасовые доклады, перемешанные цитатами Ленина.

На местах в райкомах стали устраивать тайные сходки коммунистов. При закрытых дверях, с соблюдением строгой конспирации зачитывались «закрытые письма» Центрального Комитета. Ответственные работники райкомов, а то и сами секретари, не выпуская из рук брошюры с грифом «секретно», читали ее содержание собравшимся. Их прежняя любовь к вождю с каждым новым «закрытым письмом» начинала эволюционировать в естественное негодование, и письма достигали своей цели.

Когда по всей стране коммунисты, наслушавшись тайных от народа сообщений, начали пачкаться, шушукаться и, делая квадратные глаза, пересказывать услышанное, в народе пошло брожение, и, сообразив, что хорошего в этом мало, ЦК дал указание раскрыть «закрытые письма» и сделать их содержание достоянием широких масс.

Народ содрогнулся. Народ потребовал восстановления честных имен безвинно убиенных. Справедливого возмездия за сталинский терроризм и геноцид.

Жертв оказалось очень много, а палачей слишком мало, даже из тех, кого называли, часть уже ушла от плахи к праотцам, в небытие.

Рьяно взявшись за разоблачение, Хрущев вскоре сник, не докапываясь до глубин преступлений соратников вождя. При

чина этому не известна. Может, испугался своего прошлого, стал побаиваться за жену, детей и внуков. А может, возраст его был уже не тот. Сил не хватило.

И откуда богатырской силы было взять, если сам с восемнадцатого года на большевистской работе, а с тридцать пятого в верхнем эшелоне. На такую долголетнюю работу никакого здоровья не хватит. Сколько лет в соратниках прослужил. Сколько алкогольных напитков через себя пропустил. Бывший хозяин, с грузинским темпераментом, любил повеселиться, и его, как живого представителя от диктатуры шахтерского пролетариата, не раз приглашал на ночные попойки.

Хорошо, если бы там обсуждались текущие вопросы государственного устройства, а то ведь упивались как свиньи. Ублажая хозяина, приходилось, обливаясь потом, плясать украинского гопака под гармонику Буденного или драть голос, запевая «Рэвэ тай стогнэ...». А это, куда не крути, — растрата энергии и жизненного потенциала.

Мыслящие люди одно тогда поняли. Хоть и пузырится Никита Сергеевич, начатое дело до конца довести не может. Нет в нем Геракла. Много навоза оставил. Начал прикрывать ту форточку, из которой повеяло свободой, боясь простудиться.

С годами апофеоз Хрущева стал затухать.

Обидел он и мыслящих, и немыслящих. Начал над народом эксперименты ставить, на терпение его испытывать.

Сначала обокрал народ государственным займом, наложил двадцатилетнее вето на выплату выигрышей и продажу облигаций.

Потом решил припугнуть дядю Сэма в Карибском море и хотел стрелкнуть в Америку ядерными ракетами. Привез их на Кубу — и подарил Фиделю. Сообразив вовремя, что шуточки с американским дядей плохи, и тот вполне может дать по зубам, быстро ретировался и забрал с Кубы свой подарок. На острове Свободы прокатилась мощная волна народных манифестаций под лозунгами: «Никита, то, что дают, не отбирают!»

А Никита опять пошел по стезе поборника мира в международном масштабе. Но в Ассамблее ООН все-таки не сдержался. Грозил империалистам кулаками и бил ботинком по трибуне. В стране узнали об этом от вражеских чужих голосов, через гул и треск, заглушающий приемники, и сконфузились за премьера. Партийцы ринулись вперед защищать его своей грудью, стали убеждать основную массу. Довели-де мужика до белой горячки проклятые капиталисты. Сами негров каждый день линчуют. Безработицу развели. Откуда Никита Сергеевич мог про ихний дипломатический этикет знать. Он наш простой советский человек. Он ихнего колледжа не кончал. Жил для народа, и вся-то его жизнь есть борьба.

Люди краснели за него, а он, нисколько не смущаясь, продолжал разгуливать по белу свету со своей родней и с сотоварищами.

Возвращаясь в страну, понабрав ума-разума, стал перестраивать сельское хозяйство и промышленность. В деревнях велел урезать приусадебные участки. С юга до севера — внедрял кукурузу. Организовывал совхозы и Совнаркомы. Во всем народном хозяйстве заставлял развертывать гагановское движение.

Она, эта Валентина Гаганова, прядильщица с Вышневолоцкого комбината, расхвасталась как-то ему, что перешла в отстающую бригаду, чтобы поднять ее до уровня передовых. Шустрая, впередсмотрящая двадцатисемилетняя бабенка с годичным партийным стажем очень понравилась Никите Сергеевичу. Он присвоил ей звание Героя. Назвал маяком коммунизма и ее именем новый вид соревнования.

С его подачи ЦК начал терзать производственников: «Как внедряется гагановский метод?», «Сколько передовых в отстающие перешли?», «Сколько подтянули до уровня?», «Какой процент к общей численности?», «А к численности рабочих?»

С тех пор и пошла кучерявая липа с низу кверху. Начали играть вперегонки. «У нас столько», а «у нас вот сколько». А на деле, какой дурак пойдет в бригаду лодырей, пьяниц, разгильдяев и прогульчиков? Их в шею гнать надо. А уж если пошел, то держись, прораб, технолог или мастер. Давай, приписывай невыполненные объемы работ, поднимай показатели до уровня. Все равно парторганизация заставит дать положительный результат. Так и жили.

Много почудил Никита Сергеевич за одиннадцать лет бесконтрольной власти. Действия его были непредсказуемы. Любил он простых людей. Выдвигал выходцев из народа напоказ всему миру. Была у него в числе прочих кликуша, бабка Заглада. Призывала она труженников села: «Детки мои, сыночки мои, давайте перегоним Америку!»

Когда завершили шестую пятилетку, понял, что Америка догнать — сорвалось, что она, подлая, опять на два круга вперед убежала, бабка Заглада притихла, а убежденный оптимист и жизнелюб Никита Сергеевич не растерялся. Назло Америке под бурю оваций он объявил на весь мир, что в нашей стране социализм одержал полную и окончательную победу. Никита в сущности, не понял, о чем идет речь, но хлопали громко, обивали ладоши и кричали «ура!». Побеждать всегда приятно.

Прошло несколько лет, и еще хлеще выразился Хрущев: «Через двадцать лет, в восьмидесятом году, советские люди будут жить при коммунизме».

Думающие анализировали, от чего ему такая блажь в голову пришла, предпосылок-то никаких нету. То ли просчитал, что

такой срок не усидит у руля и спроса с него не будет, или просто так ляпнул, не подумавши.

В массе народ радовался. Как же тут не обрадоваться. Коммунизм — значит, «по потребности». Глуши водку ведрами, жаривай дармовую икру ложками, одевайся в шелка и парчу. «Ешь ананасы, рябчиков жуй». Подошла, видно, и наша очередь. Долго этого ждали. Подождем еще какие-то двадцать лет.

Народ поверил Никите Сергеевичу. И как же не поверить. Ведь пели до войны «и первый маршал в бой нас поведет». Повел же. Правда, что-то там у него не совсем гладко вышло. Вел, кажется, неправильно. Поправлял его Жуков на Ленинградском фронте. Но все-таки вел. Теперь не война. Если Хрущев сказал, что поведет в коммунизм, то почему же не пойти. Не в атаку, в конце концов, поведет, не в преисподнюю, а в рай земной. От лица партии глава государства говорит, разве можно сомневаться.

По-отцовски любил Никита Сергеевич молодежь. Радовала она его. Расплывался он в улыбке, стоял над Лениным, на трибуне мавзолея, видя, как будущая смена несет его портреты и приветливо машет ему ручкой.

Особенно благодетельствовал он космонавтов. Они были его посланцами за рубеж и разносили о нем славу по разным странам. Проявлял он о них сердечную заботу. Удивил страну своим благодушием. Взял и соединил двух разнополых космонавтов в брачном союзе. Женил Николаева на Терешковой. Сел на свадьбе посаженным отцом. Завязал их в узел супружества, который при его жизни они боялись распутать.

К творческим работникам Хрущев относился по настроению. Кого разгонял, кого награждал. Много хлопот они ему доставляли. Слишком умничали, к классикам обращались, а он был простым человеком и отдавал предпочтение фольклору.

Первый начал он масштабно раздавать ордена и очень любил, когда награждали его самого.

Через год своего правления он присвоил себе звание Героя, а к концу власти стал четырежды Героем, перегнав счетом звездочек заслуженных защитников отечества. Их по пальцам можно было посчитать, трижды Героев войны, а он в мирное время четырежды Героем стал.

Очень многим это хамство не понравилось. Всем он надоел и опостылел. Разочаровались в нем. Его фигура стала нежелательной, одиозной. В народе прозвали его «кукурузником» и сочиняли про него анекдоты. Поговаривали, что «кукурузник» засиделся. Уже седьмой десяток, а он все у руля, на посту. Болтлив стал чрезмерно. Слов много — мыслей мало. Пора менять правителя.

Возможно, так же думал его дружок, чернобровый председатель Верховного Совета, когда прикалывал четверную звезду

ду на лацкан пиджака своему покровителю. Узкогрудым оказался его патрон. Решив, что пятую звезду Героя все равно прикалывать уже некуда, задумал он тогда переиграть Хрущева, и на подготовленном октябрьском пленуме ЦК за «субъективизм и волюнтаризм» отправил его на пенсию, и сам сел в его кресло.

Конечно, обидно было Никите Сергеевичу, так верил он в чернوبرового Леонида Ильича Брежнева. Вместе с маршалом Жуковым и генералом армии Москаленко Брежнев еще в пятьдесят третьем году помогал ему арестовывать Берия. Одно дело делали, а тут вдруг взял да опозорил при всем честном народе. Сказал бы по-хорошему — может быть, он сам ушел на пенсию без нервотрепки, а то ведь у всех большевистские замашки — сначала обзовут по-всякому, потом выгонят.

В Киргизию Хрущев приезжал трижды. Приезжал, как барин в свою вотчину.

Первый раз приехал в ореоле славы, после разоблачения Сталина. Во Фрунзе его встречали на старом стадионе «Спартак», там, где теперь мраморный дворец, здание Президента и Кабинет Министров.

День был пасмурный. Стадион полон. Ждали долго и утомительно. Надеялись, что Никита Сергеевич выступит с речью, но когда он, наконец-то, появился и подошел к микрофону, поняли, что путного от него ничего не услышат. Его вспаханные мозги не варили. Язык заплетался. Он еле стоял на ногах. Видно, перебрал здорово на угощении хлебосольного хозяина республики, тогдашнего первого секретаря товарища Раззакова.

Митинг закончился быстро. Развеселившийся народ уходит с него, как после представления коврового циркового клоуна.

Второй раз приехал, будучи уже «кузнецом мира» и реформатором. С утра не работали. В центре города движение перекрыли. Вдоль улицы Мира за красными канатами выстроились горожане с флажками и портретами членов ЦК. Терпеливо ждали слугу народа часов пять. Дождались-таки. Показался эскорт машин, и на одной из них стоял он и лениво приветствовал фрунзенцев. Лицо у него было пожелтевшее, с заметными большими бородавками. Толстый. Холеный.

На следующий день ему показывали город, водили по магазинам. Как только он уехал, сразу повысили цены на сливочное масло и колбасные изделия. Говорили, что Хрущев попрекал республиканское начальство за то, что слишком дешевую жизнь они тут устроили. В Москве жизнь дороже. Добавляли к этому, что цены повышены временно.

Вообще у Никиты Сергеевича была странная привычка. Слово «временно» он употреблял, как болеутоляющее средство.

Сказав один раз «временно», он сразу забывал, о чем говорил, поэтому люди поняли, что временно повышенные цены будут постоянными. Недовольство высказывали на кухнях и в общественных туалетах. На улицах молчали.

В третий раз Хрущев приехал в Киргизию незадолго до своей отставки. Помпезности такой при встрече уже не было. Его повезли на высокогорное озеро Иссык-Куль. Там, на пленэре, он соизволил опять изрядно откушать высококачественных алкогольных напитков. Взбодрился старик и, приводя в ужас телехранителей, на глазах всей честной компании сбросил свой костюм и, оставшись в цветастых трусах до колен, полез в воду. Долго фыркал и барахтался в мелководье, наслаждаясь купанием.

Люди вспоминали потом о целебном свойстве иссык-кульской воды и рассказывали кем-то сочиненный очередной анекдот: «Залез Хрущев в Иссык-Куль премьером, а вылез пенсионером».

Жизнь, передернутая веянием нового времени, продолжалась.

Время уже отодвинуло назад дни и месяцы наработанного в экспедиции горного стажа. Близился первый трудовой отпуск Ивана Дерябина.

Взрывник Митька Шабардня не раз приглашал его к себе в гости. Иван обещался зайти, но до сих пор обещания свои не выполнял. Сегодня Митька опять пригласил его.

— Михалыч, заходи вечером. Ко мне невеста приехала. Познакомлю.

— Приду. Так и быть. Часов в пять. Тебя устраивает?

— Будем ждать. Только без обману. Сколько раз обещал...

— Сказал — значит, приду.

К пяти часам Иван уже подходил к землянке Шабардни, построенной вдали от участка, возле склада взрывчатых материалов.

Зайдя в землянку, Иван удивился исключительному порядку, чистоте и какому-то притягательному домашнему уюту.

Землянка не походила на другие, где он бывал. Пол в ней был устлан досками, потолок подбит фанерой, окно большое и окрашенное, стены побелены до такой степени, что буквально светились чистотой. Небольшая печь с плитой сложена с завидным умением. На полу постлан тряпичный ковер, перед топчаном набивной разрисованный оленями ковер, на окне вышитые занавески, на постели покрывало и накидка на подушках, а над столом шелковый модный абажур с кистями.

— Слушай, — не удержался Иван, — да ты, Дмитрий, просто барин! Живешь, как городской. Она, наверное, тебе порядок навела? — кивнул он в сторону девушки, хлопотавшей у плиты.

— Нет. Что Вы? — ответила та. — Он все сам. Без меня.

Познакомились. Девушку звали Галей.

На столе гостя ждало угощение. Начали выпивать. У Ивана Дерябина было отличное настроение. Желая понравиться Митькиной невесте и оставить о себе хорошее впечатление, он рассказывал разные смешные истории и надуманные небылицы.

Галя смеялась расплывчатым смехом, улыбалась открытой симпатичной улыбкой. С каждой новой выпивкой, ничем сначала не привлекательная, она все больше и больше представлялась Ивану очаровательной красавицей.

За столом сидели уже не один час. Выпито было много, но пьянка не прекращалась.

Иван пьянел и его потянуло к Гале. Язык его начинал заплетаться. Красноречие иссякло, и он бессловесно впивался помутневшим взглядом в девушку, глядя на нее отупело и не мигая.

Галя смущалась и отводила в сторону глаза.

Предночная тьма уже спустилась в горы, закрыла завесой мерцавшие огоньки участка и, чтобы найти выход из неприятного для себя и невесты положения, Митька наконец-то решил закончить угощение и проводить сильно опьяневшего гостя домой.

— Все. Пошли, Иван. Я тебя провожу, а то ты тяжелый стал. Не дойдешь. Выспаться тебе надо.

— Никуда я не пойду... я здесь останусь! — выдавил из себя гость.

— А где же мы тебя спать-то уложим? На троих здесь места нет.

Иван бросил не раздумывая:

— Я с ней на топчане лягу... а ты?.. на полу... у печки.

Митька засмеялся:

— Ишь ты?! Чего захотел!

Понимая, что до Ивана его слова не доходят, начал ему подыгрывать.

— Ладно, ладно. Ляжешь. Только сначала я тебя домой отведу. Вот твой пиджак. Вот твоя фуражка. Одевай. На дворе темно, хоть глаз коли. Сам плутать будешь, а у меня фонарик есть. Пошли!

— Сказал не уйду — значит, не уйду, — упирался Иван. — Наливай еще!

Иван выпил один бессчетную стопку водки. Руками полез в тарелку с остатками салата. Отрыгивая, жевал и сплевывал на стол горький лук. Потом взял котлету и заглатывая ее, глядя на перепуганную Галю, затаившуюся на топчане, забурчал:

— Раздевайся... я сейчас... только закушу немного...

Митькино терпение лопнуло. Он подошел сзади. Набросил Ивану на голову фуражку, накинул на плечи пиджак, поднял с табуретки и стал подталкивать к двери.

— Все, все, мил-человек. Не хочешь по-хорошему — пошел вон по-плохому!

Он грубо вытолкнул своего начальника из землянки и навесил на скобу крючок.

Из-за дощатой двери было слышно, что гость не уходит, а сидит на пороге.

— Митя, может, и в самом деле проводи его домой. Не то провалится куда-нибудь, тебя же завиноватят, — шептала обеспокоенная Галя.

— Черт с ним! Скотина неблагодарная. Пускай пропадает! Митька сказал так громко, что его слова привели пьяного Ивана в ярость.

Он поднялся, стал дергать дверь и тарабанить по ней кулаками.

— Митька! — кричал он. — Отдай мне Гальку! Себе другую найдешь! Отдай, тебе говорю, по-хорошему!

— Пошел вон отсюда, пока я тебе ребра не поломал!

Было слышно, как Иван отошел от двери. Митька погасил свет, решив, что теперь начальник оставит их в покое.

А Иван и не собирался уходить. Отойдя от двери, он ползал на коленях, шарил возле землянки по земле, руками отыскивая подходящий предмет, и когда под рукой оказалась какая-то железка, поднялся и подошел с ней к окну.

— Митька! Последний раз тебе говорю! Отдай мне Гальку!.. Хуже будет!

— Пошел отсюда, гад!

— Ах, так?!

Иван, озверев, начал крушить окно. От ударов в землянку посыпались куски стекла и щепки разбитой рамы. Выбив полнотью оконную раму, Иван просунул в свободный проем ногу, намереваясь залезть в землянку.

Митька зажг свет и, схватив топор, встал в простенок.

— Давай! Давай, гад ползучий! — теперь кричал Митька, доведенный выходкой мастера до безумия. — Как голову сунешь, тут тебе и конец!

То ли от его крика, полного решительности, то ли от топота перед своим лицом, но Иван на секунду отрезвел, поспешил отбросить ногу и, сильно шатаясь, побрел прочь, в темноту.

Прошло около получаса. Галя с Митькой успокоиться не могли. Они ни о чем не разговаривали, но их мысли сходились на одном и том же.

Митька оделся, взял фонарик и сказал уходя:

— Пойду, гляну, где он там. А то ведь и в самом деле как бы за него отвечать не пришлось. Он партийный. Его сам завгор

Воробьев боится. Провалится в потемках в шурф — и вся не долгая. Докажи потом, что ты не верблюд. Люди знают, что я еще к себе в гости сегодня приглашал.

Митька Шкабордня нашел Ивана Дерябина не遠далеке от своей землянки. Тот лежал на земле и спал.

Митька поднял его и с трудом довел до дома. В свою землянку он вернулся за полночь — так долго провозился с пьяным начальником, со своим неблагодарным гостем.

О случившемся никто на участке не узнал, и та неловкость, которую в первые дни испытывал Иван Дерябин, вскоре прошла, смылась как с гуся вода. Туда, в дальнюю землянку, он больше не ходил, извиняться не собирался, а в отношении к взрывнику придерживался официального служебного тона. Через несколько дней и вообще перестал о нем думать. Увидев как-то случайно Галю, даже удивился, чем же она могла привлечь его. Ничего в ней привлекательного не было, и он успокоился окончательно, заключив, что водка взбудоражила его, а на пьянке чего не бывает.

К концу месяца жали на план. Вырывали последние метры проходки, гарантирующие высокий заработок — «длинные рубли».

В эти дни работы у взрывника Шкабордни было невпроворот. Рабочий день был занят полностью. Рано утром он уезжал на нижнюю площадку, чтобы получить, привезти и пополнить запас взрывчатых средств. Вернувшись, бегал по выработкам и взрывал забои, а к вечеру являлся на разнарядку к горному мастеру Ивану Дерябину, получать задание на завтра и подписать бланки требований на ВВ.

В тот вечер взрывник Митька опоздал на разнарядку и пришел в землянку горного мастера, когда все разошлись и только Ванька Мыщик сидел за столом, разговаривая с Дерябиным.

Переступив порог, Митька Шкабордня сходу обратился к горному мастеру:

— Михалыч, в пятой штольне у меня отказ. Одного взрыва не досчитался. Нижний. Ползовой не сдетонировал. Сейчас там загазовано. Завтра породу убирать начнут, так ты предупреди Елисеева, чтобы в левый бок внизу не лез. Пусть оставит его. Я приеду, накладным подорву и отказ ликвидирую. Ладно?

— Ладно, ладно. Не в первый раз. Скажу. Давай бумаги, зря крутятся пора.

Уходя Митька еще раз повторил:

— Так ты не забудь, Михалыч. Отказ в левом нижнем.

Так уж повелось в плановом хозяйстве — в конце месяца всегда суматоха. Все спешат наверстать упущенное. В первой декаде — «спячка», во второй — «шалая-валяя», а в третьей — а...

рал. Все бегом, всем срочно. «Давай-давай». Поднажали, смотришь — и перевыполнили. Догнали Америку.

Участок номер три в этом не был исключением.

В конце месяца всем все надо. Одному — крепь, другому — доски под настил для откатки, третьему — рельсы или еще что-нибудь. Есть одно — нет другого. А люди рвут из рук, торопятся. Начальство тоже подстегивает, чувствует, что премия может ускользнуть, если кто-то план не доберет. Заинтересованность общая. Все спешат рассчитаться с месяцем, а потом, в новом, можно и передохнуть денек-другой, пока раскочаешься.

В такой суматохе, в таком напряжении Иван Дерябин забыл, о чем его предупреждал вчера Митька Шабордня.

С утра шурфовщик Олег Кирюшкин пришел с жалобой, что конюхи не дают лошадь подвезти на новый шурф венцы, а маркшейдер без крепления не принимает проходку шурфа. Пришлось с ним идти на конюшню, выбивать лошадь.

Потом прибежал проходчик Петров. У него кровля в штольне обрушилась. Крепить срочно надо. Отпустил ему со склада горбыль.

Пока туда-сюда — полдня и прошло. Пошел домой. Пообедал и прилег отдохнуть часочек. Ведь не железный. Себя беречь надо. Вся жизнь впереди.

Вспомнил Иван про Елисеева, про пятую штольню, когда в закрытую дверь громко застучали и позвал чей-то крик.

— Товарищ мастер! Товарищ мастер! Скорее! Елисеев подо-
рвался... в пятой!

Иван не на шутку перепугался. Вскочил. Открыл дверь.

— Живой?!

В дверях стоял запыхавшийся откатчик Елисеева.

— Живой Елисеев? — повторил вопрос Иван.

— Был еще живой, а там кто знает. Может, уже мертвый.

— Начальник знает?

— Они в штольню побежали. Велели вас найти.

Иван выбежал из дома.

На противоположном горном склоне начальник участка, заведующий горными работами Воробьев, фельдшерица Валя в окружении рабочих уже приближались к пятой штольне.

Иван устремился им вдогонку.

В штольне еще пахло газом от недавнего взрыва, и от быстрой ходьбы, шумно заглатывая воздух, Иван ощутил, как запершило в горле.

Впереди, у забоя, освещенного множеством шахтерских ламп, суетились люди, и не успел он к ним подойти, как они двинулись ему навстречу.

Впереди на двух брезентовых куртках выносили проходчика Елисеева. Главной распорядительницей была фельдшерица.

Она держала обеими руками Елисеева за голову и командовала помощниками.

— Руки. Руки не давайте ему поднимать. Держите крепче! За руки держите!

Перебивая ее, Елисеев кричал страшным криком, в котором каждое слово тяжело выдавливалось из его груди с каким-то бульканьем и хрипом, похожим на храп предсмертной агонии подстреленного оленя.

— Глаза!!! Где мои глаза??? Я ничего не вижу...

Идущие приблизились, и теперь Иван Дерябин мешал им, преграждая дорогу. Он попятился назад, поглядел на Елисеева, повернулся и быстро пошел впереди всех.

Пострадавший настолько испугал Ивана, что он сдерживал себя, чтобы не убежать от увиденного, от его страшного и отвращающего вида. Он шел впереди всей этой процессии и его тошнило от мысли, что придется еще раз обернуться и увидеть этого изуродованного, пока еще дышащего, живого, кричащего человека.

Лицо Елисеева было обезображено кусками кровоточащего мяса и показалось Ивану сплошной бесформенной кровавой массой. Оно ничего не выражало. На нем нельзя было заметить даже ту физическую боль, те страдания, которые, без всякого сомнения, он сейчас переживал. Вместо глаз Елисеев смотрел на Ивана большими, темными пятнами залитых кровью глазниц. Кровь стекала на брезент, липко пачкая его, и вместе с нею изливалась на виски заметная струйка какой-то серой жидкости.

Рубашка на нем была разорвана, и ее откиннутые полы обнажали тело, на котором зияли необработанные раны.

Руки окровавлены, и непонятно, какие еще ранения коснулись их под рукавами, но на правой руке оторвало кисть и из оставшегося предплечья обломками торчали кости. Прижатый к брезенту обрубок, когда Елисеев пытался поднять руки к глазам, импульсивно дергался, обнажая кости еще больше.

Увидя в Елисееве живого мертвеца и сознавая свою вину перед ним за все, что случилось, Иван шел и думал, как теперь обелить, очистить себя. В нем назревали кощунственные мысли, и наконец — он твердо решил свалить свою вину на того, кого несли сейчас за его спиной и время жизни которого, по его убеждению, отсчитывает последние часы и минуты.

Выйдя из штольни первым, Иван посторонился. Отошел Елисеева вынесли на площадку перед устьем штольни, аккуратно но опустили на землю, и фельдшерица Валя тут же склонилась над ним, начала обрабатывать его раны, накладывая повязки. Люди окружили ее кольцом, кто мог помогал ей.

Дерябин заметил начальника участка.

— Иван Михайлович! — позвал он. — Пошли со мной. Тебе надо придумать, как Елисеева на нижнюю площадку везти. Я сейчас по рации свяжусь, чтобы в больнице готовились, а ты с ним поедешь. Пошли быстрее. Надо спасти человека. Каждая минута дорога.

Иван ускорил шаг. Решение сразу сказать начальнику участка, что он предупредил Елисеева об отказе, что тот его послушался и сам виноват при фразе Спиральского «надо спасти человека» моментально затормозилось. Иван заглохнул приготовленные оправдательные слова и шел рядом молча.

Потом, позже, он не раз благодарил себя, что сдержался, что проявил выдержку и раньше времени не стал оправдываться.

Как везти Елисеева, горный мастер Дерябин сам выдумать не мог. Выручил проходчик Мыщик.

— Давай к носилкам привяжем длинные жерди. Концы прихремим намертво к скобам грузовых вьючных седел двух лошадей и повезем Илью Кондратьевича между ними. Надо только выбрать, чтобы лошади не пугливые были.

Так и сделали.

Провожающих вызвалось больше, чем надо. С двух сторон носилок шли пешком, поддерживая Елисеева на поворотах узкой тропы.

Вместе с Дерябиным верхом ехали фельдшерица Валя и конюх Султан Каримов. Иван Дерябин ехал последним, замыкающим.

В пути несколько раз останавливались. Фельдшерица Валя слезла с коня и делала Елисееву укол. Теперь, укрытый одеялом, весь перебинтованный, он молчал и, казалось, не подавал признаков жизни.

Подъезжая к нижней площадке, встретили Митьку Шабордню. Как всегда, Митька вез на участок взрывчатку. Со своими лошадьми он съехал с тропы, освобождая проезд. Иван придержал коня, ожидая Митьку. Они сблизились седло в седло.

— Михалыч, ты предупредил Елисеева? — негромко спросил побелевший Митька.

— А ты как думал? — зло и неопределенно на вопрос вопросом ответил Иван,

— Эх, Кондратьевич, — глядя вслед удалявшемуся каравану, сокрушался Митька. — Чего же он меня-то не дождался?

Иван Дерябин нахмурился и дернул поводья.

— А ты езжай, у него спроси. Откуда я знаю.

Так они и разъехались, не сказав друг другу сочувственного доброго слова.

На обратном пути Иван решил узнать у фельдшерицы ее мнение о Елисееве.

— Валя, как вы думаете, выживет Елисеев или нет?

— Трудно сказать. Хирург говорил, что на завтра вызвали санитарный самолет. Отправят во Фрунзе. Одно определенно — ослеп он. Глаза вытекли. И руки нет. Словом — калека.

Прошло несколько дней и начальнику участка сообщили, что появилась надежда на спасение Елисеева. Вести тяжелые, но все-таки немного успокаивающие: как-никак, а обошлось без «смертельного исхода». Почерневший за эти дни от переживаний завгор Андрей Гаврилович Воробьев немного приободрился.

Все теперь зависело от расследования происшедшего. Управленческая комиссия по технике безопасности с инспектором ЦК профсоюза не заставила себя долго ждать. Три дня они жили на участке. Ходили по выработкам. Сделали много замечаний. Написали заключение и направили документы в прокуратуру.

Началось следственное разбирательство.

Посчитав рискованным надеяться на смерть Елисеева, горный мастер Иван Дерябин в своей первой объяснительной записке следователю показал, что не знал об отказе при взрывных работах. Никто его об это не предупреждал.

Соврав один раз, он упорно придерживался своих показаний, чем задерживал следствие, ибо Шабордня и Мыщик показывали обратное. И после того, как следователь съездил во Фрунзе и ему разрешили свидание с Елисеевым, коммунист Дерябин стоял на своем.

Подошедший по времени трудовой отпуск Ивана Дерябина задерживался. Следователь потребовал от него подписку о невыезде до решения суда.

Следствие подходило к концу, когда Дерябина вызвали в райком партии. Он явился к назначенному часу и секретарь сказала, что его хочет видеть САМ.

Сдерживая внутреннее волнение, Иван вошел в знакомый кабинет первого секретаря райкома.

Алексей Алексеевич, как всегда, был корректен и вежлив. Сначала он осведомился по пустяжным делам, потом, глядя на Дерябина, задал прямой вопрос:

— Во всем этом нашумевшем деле я, Иван Михайлович, хочу услышать от тебя, как от коммуниста, только один ответ. Тебе было известно, что в забое не взорвался штур? Да или нет? Скажи честно и как первому секретарю, и как коммунист коммунисту.

Иван внутренне собрался и без зазрения совести ответил:

— Даю честное партийное слово коммуниста, что ничего не знал об этом.

— Я тебе верю. Я так и думал, — поддержал первый секретарь. — Тогда еще один вопрос напрашивается. В каких ты отношениях со взрывником? Как его там?

— Шабордня, — подсказал Иван.

— Да-да, Шабордня. Дружите вы с ним, или, наоборот, враждуете?

— Можно сказать, ни в каких. И не враждуем, и не дружим. Отношения деловые. Правда, был тут один случай, да стоит ли о нем вам говорить. Я не придаю ему серьезного значения.

— Расскажи.

— Смешно, право же. Пригласил как-то он меня к себе. Приезжала тут к нему его невеста. Я даже забыл, как ее зовут, честное слово, не вспомню. Словом, пришел к нему в гости. Посидели. Побеседовали. Потом он стал мне говорить, что я ему, видите ли, жизнь разбил. Его невеста в меня влюбилась. — Иван усмехнулся. — Надо же, какая глупость. Я его убеждал, что ни сном, ни духом никаких намерений к ней не имею. А он обиделся. Даже здорово обиделся. Смешно. С моей стороны никаких попыток к встрече не было. Увиделись один раз у него в землянке и разошлись. А он, как Отелло. Заревновал.

Первый секретарь слушал не перебивая.

— А ты знаешь, Иван Михайлович, это интересно. Это даже очень интересно. Ты об этом говорил следователю? Нет? Напрасно поскромничал. Такие детали в расследовании существенны. Зря ты не придаешь им серьезного значения. Напрасно. Подожди-ка, я позвоню.

Первый секретарь райкома повернулся к Ивану боком, поднял трубку с телефонного аппарата, стоявшего рядом со столом, на тумбочке, и набрал нужный номер.

— Василий Филиппович? Колобейцев. Ну как там у тебя идет следствие по делу взрыва на пятой штольне? Докладывай. Слушаю. Так... так... Значит, говоришь, есть показания на Дерябина. А кто такой Мыщик? Что он из себя представляет? Понятно. Что говорят взрывник и пострадавший? А ты уверен, что его показания верные? Тебе не приходило в голову, что здесь групповой наговор? Как так, почему? Доводов сколько угодно могу привести. Активная позиция коммуниста Дерябина не всем может нравиться. Согласен? С подобными вещами мы на практике встречаемся. Ты вот над этим подумай. Причем тут показания? Дерябин с первого дня показал, что о наличии отказного шпурра ему не было известно. Чего ты еще от него добиваешься. В конце-то концов, когда вы научитесь верить слову коммуниста! Черт знает что! Хочу тебя поставить в известность, что Дерябина, между прочим, со взрывником не все гладко. Тебе об этом известно? А ты ведь, как следователь, должен был поинтересоваться. Ты вот вызови его, он тебе любопытную историю расскажет. Внесет в это дело ясность. И вообще, Василий Филиппович, мне твоя позиция не нравится. Что ж ты думаешь, райком не заступится за Дерябина? Мы так тебе и отдали на растерзание молодого, активного коммуниста? Нет уж. Дудки.

Такие, как Дерябин, на дороге не валяются. Они нужны и партии, и стране. А всякие там Мыщики... Шабардни... С ними надо тебе разобраться поглубже. Я бы сказал, по-профессиональнее, более объективно. Вот так, Василий Филиппович. Хорошо. Ладно. Я дам команду, чтобы его разыскали и направили к тебе. Он где-то здесь, на площадке. Но ты-то понял смысл нашего разговора? Вот и хорошо. А то ведь вы так у нас весь партактив разогнать можете. У вас ведь под каждый столб, как говорят, статью уголовного кодекса подвести можно. Не обижайся, это я шутя. К тебе не относится. Ну, пока. Бывай.

Алексей Алексеевич закончил разговор и повернулся к Дерябину.

— Сейчас иди к следователю Назарову и все расскажи, что мне говорил. Он приобщит к делу. Я уверен, что после этого у него будет иное мнение в следственном разбирательстве.

Иван Дерябин поблагодарил первого секретаря райкома за поддержку и направился к следователю.

Закругляясь, следователь Назаров выстраивал события в логическую цепь.

Проходчик штольни номер пять гражданин Елисеев, не предупрежденный о наличии отказа при взрывных работах, подорвался при разборке породы и получил тяжелую производственную травму с последующей инвалидностью. Горный мастер Иван Дерябин не был предупрежден об отказе при взрывных работах. Взрывник Шабардня, зная о том, что один из шурфов не взорвался, желая отомстить гражданину Дерябину, как ответственному лицу за ведение горных работ, о наличии отказа не сообщил. Причина — неприязнь к Дерябину на почве ревности. Итак, все ясно. Да. Мыщик?! Ох уж этот Мыщик! Все карты путает. Значит, так. Мыщик, как дружок Шабардни, поговору с ним дает ложные показания и заводит в заблуждение следствие. В итоге: обвинительное заключение должно быть предъявлено Дмитрию Антоновичу Шабардне. Горный мастер товарищ Дерябин выступает на суде в качестве свидетеля. Все.

— Вот так всегда, — вздохнул следователь. — Один телефонный разговор — и начинаешь поворачивать Фемиду на сто во семьдесят градусов. А что поделывать? Куда денешься.

На третьем участке ждали суда. Поговаривали, что судить будут на нижней площадке. Приедет выездная коллегия.

Ждали, да не дождались. Развязка получилась раньше.

Митька Шабардня подорвался.

Взрывники, как и саперы, ошибаются один раз в жизни. Никто не знал и никогда не узнает, была ли это Митькина ошибка или умышленное самоубийство.

Только с некоторых пор Митьку нельзя было узнать. Обычно общительный и веселый, всегда тянувшийся к людям и пользующийся их уважением и любовью, он стал избегать людей. Сделался молчаливым и замкнутым. Ушел в самого себя. В свои мысли, в свои переживания, ни с кем не делаясь ими, никому не рассказывая о них, не общаясь даже с самыми близкими друзьями.

Никто не мог угадать, что с ним случилось. Считали, что он сильно переживает и боится предстоящего суда. Говорили, что вина взрывника в пятой штольне все-таки есть. Он сам должен был предотвратить беду.

Улавливая отрывки подобных пересказов, Митька был уверен, что на участке уже знают о том, что его выставили под суд главным виновником несчастья Ильи Кондратьевича и беззлбно смотрел на людей, с обидой и упреком. Как будто говорил им своим взглядом — как же вы можете так думать обо мне? Не понимаете, в какой лжи мы все утонули? Зачем разносите по землянкам сплетни обо мне и почему никто из вас не заступится за меня?

Красивые, черные Митькины глаза, совсем недавно такие веселые и чуть-чуть озорные, теперь потухли и выражали глубокую душевную тоску и печаль.

Митька остался за пределом того, явного, свершившегося горя, которое вызвало общее сочувствие, потому что всем было понятно, что такая реальность может коснуться каждого. Сюда приехали они не для сентиментальности и душевных разбирательств.

Оторвавшись от земли, от родного дома и семьи, здоровые парни и мужики сломя голову рванулись на этот урановый клондайк, чтобы сорвать куш, заработать большие деньги. Не видя до этого горных выработок и не зная искусства горного дела, они на ходу осваивали его.

Заработав раз-другой кучку хрустящих бумажек с водяными знаками, они строили планы подработать и возвратиться обратно. Но, как правило, их короткие эфемерные намерения исчезали, и они надолго становились рабами алчности и эгоизма. Тогда-то из них и формировались основные кадры горных рабочих. Души их развращались и черствели. Чем больше они зарабатывали, тем больше пропивали. Их жизнь приобретала иную окраску, свою мораль — и жить иначе они уже не могли.

Сейчас они были рядом с Митькой и никто из них не попытался вникнуть в его переживания, разобраться в них и помочь ему.

В тот роковой день горный мастер Иван Дерябин послал Митьку Шабордню взорвать площадку для новой штольни.

С участка, из землянок было видно, как Митька заряжает пробуренные шуры патронами аммонита, как подсоединяет

Faint, illegible text covering the majority of the page, likely bleed-through from the reverse side.

Instrumentalka, die Werkzeughalle, wo jede Brigade das nötige Werkzeug erhielt. Stepan bestellte zehn Äxte, zehn Bügelsägen und eine große Trumsäge. Dabei sagte er dem Brigadier, daß fernerhin diese Bestellung der Brigadier machen müsse, dabei soll er sich genau merken, wem er von seinen Leuten welches Werkzeug aushändigt, damit er es nach Arbeitsschluß hier wieder abgebe, denn stehe hier auf seiner Rechnung.

Nun ging's in den Wald durch den tiefen Schnee. Endlich hatten sie den Holzschlag erreicht. Die Holzfäller aber waren in ihren gewöhnlichen Kleidern, in Stiefeln und Filzstiefeln. Jetzt erst bemerkten sie, ihre Kleider für die Arbeit im Wald im Winter nicht geeignet waren. Der Schnee fiel ihnen in die Stiefelschärftle, die Füße wurden naß. Da erklärte ihnen Stepan, sie sollen die Hosenbeine über die Stiefelschärftle ziehen, wie er es gemacht hatte.

Eduard lachte und sagte zu seinen Kameraden: «Und auf so eine einfache Sache konnten wir selber nicht kommen.»

Stepan rief die Brigade zusammen und vermeldete:

«Wie ich sehe, hat keiner von euch die geringste Vorstellung vom Holzfällerberuf. Ich werde euch alle nötigen Anweisungen geben und euch auch die Sicherheitsmaßregeln erklären. Im Verlaufe von zwei Wochen müßt ihr das Handwerk beherrschen, jeder muß dann seine Norm schaffen.»

Stepan ergriff eine Bügelsäge und machte einen etwa 10 cm Höhe Schnitt in dem Stamm einer vier Meter hohen Kiefer, etwa 20 cm höher vom Boden. Dabei erklärte er, daß der Schnee direkt am Stamm etwas zusammengetreten oder mit dem Fuß beiseite geschoben werden muß. Den Schnitt hatte er an jener Seite am Stamm gemacht, nach der der Baum fallen sollte. Er sagte: «Man muß es verstehen, den Baum in die erforderliche Richtung zu schmeißen. Das werdet ihr jetzt gleich sehen.»

Dann hieb er an dem Schnitt von oben eine tiefe Karbe ein, damit sich der Baum nach dieser Seite neige, und begann an der entgegengesetzten Seite am Stamm einen etwa zwei-drei Zentimeter höheren Gegenschnitt zu machen. Er hielt in seiner Arbeit inne und erklärte die Vorsichtsregel auf dem Schlag, die streng beibehalten werden müssen. Eine dieser Regeln ist, sobald der Baum zu fallen beginnt, muß der Holzfäller laut rufen «Boissja!» Dann sägte er weiter. Alle sahen aufmerksam zu. Auf einmal begann der Baum laut zu knarren, Stepan zog eilig die Säge heraus und schrie laut: «Boissja», wobei er einige Schritte zurücktrat und die Männer mit sich zog. Die große Kiefer knarrte lauter, drehte sich etwa in ihrer Achse und fiel langsam, aber laut rauschend mit einer gewaltigen Wucht in den Schnee. Der Stamm schlug am unteren Ende eine Meter hoch in die Höhe und fiel ebenfalls nieder.

«Habt ihr gesehen», rief Stepan, «wie der Stamm am Ende noch einmal um sich schlug? Das war der letzte Versuch der Kiefer, sich zur Wehr zu setzen. Und wehe dem, den sie mit ihrem Schlag er-

reicht! Der bleibt auch für immer mit ihr bei ihr liegen. Also unbedingt drei Meter vom Stumpf eilig wegtreten.»

Die jungen Männer hörten aufmerksam zu und merkten sich alle Handgriffe, die Stepan angewandt hatte. Nun erklärte Stepan weiter: «Bevor die gefällten Stämme entästet und zersägt werden, sollt ihr euch noch einen Handgriff merken, damit ihr es beim Zersägen leichter habt. Den nächsten Stamm schmeißen wir jetzt so, damit er schräg über diesen hinwegfällt, der andere wieder schräg über diesen und so weiter. Nach diesem Verfahren braucht man nicht jeden Stamm aus dem tiefen Schnee herauszubuddeln. Na wer möchte den nächsten Baum fällen?»

«Gib her, ich will's versuchen», meldete sich Eduard Weiß. Ihm machte es wirklich Spaß. Ob sich die hohe Kiefer auch ihm so unterwerfen wird... Seine Kameraden umringten ihn und paßten gut auf.

Zuerst bestimmte er die Richtung, nach welcher der Baum fallen sollte und machte den unteren Schnitt und hieb die Kerbe ein.

«Molodez!» rief Stepan, «Hast gut aufgepaßt, Junge!»

Auch die anderen Handgriffe führte Eduard geschickt aus, nur hatte er vergessen zu rufen: «Boissja!» Stepan rief das Warnungssignal.

«Das muß aber unbedingt sein», erläuterte Stepan. «Es können Menschen in der Nähe sein. Auch fallen oft Äste vom Baum ab.»

Auf diese Weise wurde auch der dritte Baum gefällt, und zwar eine ausgetrocknete Tanne, die schon ohne Nadeln dastand.

Inzwischen war auch schon die Mittagspause da. Jeder verzehrte eine 200 Gramm Kommißbrot und zwei Bröckchen Zucker. Dann ging die Schulungsarbeit im Holzschlag weiter. Jetzt konnten schon mehrere Arbeiter mit den Fälläxten umgehen. Dabei erklärte Stepan wiederum, daß man beim Entästen der Stämme unbedingt an der einen Seite des Stammes stehen muß, um die Äste an der anderen Seite mit dem Beil abzuhacken, weil das Beil vom gefrorenen Ast leicht abfahren und einem ins Bein geraten könne.

Auch diesen Handgriff hatten alle schnell begriffen. Nun begann das letzte Verfahren, das Zersägen der Stämme. Wo der Stamm dick war, wurde er mit der Schrotsäge durchgeschnitten, an anderen Stellen machte man das mit der Bügelsäge. Dabei kam noch ein Hilfsartikel in Betracht — der Hilfskrüppel (Dryn), ohne den ein Holzfäller nicht auskommen kann.

Stepan erklärte noch, daß der Betrieb das Nutzholz in der Friedenszeit für verschiedene Organisationen gegen Bestellung fertigte, sogar ins Ausland. Jedenfalls war es bis jetzt so. Deswegen wird jeder Stamm nach seiner Dicke und Länge markiert. Auch weiß der Brigadier oder der Desjatnik, welches Assortiment fertiggestellt werden muß, und Stepan fuhr fort: «Wir markieren heute die Kiefern, die für Bauholz geeignet sind, d.h. Balken zum Zersägen zu Brettern und Leisten, Schwellen für die Eisenbahn, Abstütz-

holz für die Bergwerke. Die Weißtanne (Pichta) wird nur zu Bauholz, die Espe — nur für Zündhölzer, die Birke — zu Furnierholz gebraucht. Die ausgetrockneten Bäume benutzt man für den inneren Bedarf der Wirtschaft als Heizmaterial. So, jetzt wißt ihr, welche nützliche Arbeit ihr ausführen werdet. Das alles wird euer künftiger Desjatnik wissen müssen. Ihr braucht euch nur das Holzfällen gut anzueignen und die Vorsichtsregel genau zu befolgen.»

Dann zeigte Stepan noch, wie im Winter im Wald ein Lagerfeuer anzuzünden ist, weil die Äste und andere Abfälle verbrannt werden müssen.

Sobald es dämmerte, endete der Arbeitstag. Ermüdet und hungrig kamen die Holzfäller in die Zone zurück, gaben in der Werkhalle die Werkzeuge ab und wurden an der Pforte wieder genau abgezählt.

So endete der erste Tag im Dienste an der Wirtschaftsfront für Eduard Weiß und seine Kameraden, die im Holzschlag arbeiteten. Im Verlaufe von zwei Wochen hatten die Holzfäller den Arbeitsprozeß begriffen, und nun wurde von jedem verlangt, daß er seine Norm erfülle. Ruhetage gab es jede zwei Wochen einmal. Mit der Planerfüllung hatte es aber noch lange gehapert. Nicht jeder Holzfäller war so geschickt in der neuen Arbeitsmethode und Arbeitsweise wie Eduard Weiß es war.

Jetzt wurde die Brotration und das Menü der Speisen schon gemäß der Leistung und Art der Arbeit verabfolgt. Beim Erfüllen seiner Tagesnorm bekam der Holzfäller ein Kilo Brot und noch eine ergänzende Ration, so ähnlich wie ein Pudding, ebenfalls aus Grütze, die sogenannte Prembljudo. Die Namen der besten Holzfäller kamen auf die Ehrentafel.

Schon von den ersten Tagen an merkten die Trudarmeizy an sich eine merkwürdige Erscheinung. Sie verbrauchten viel mehr Brot und andere Speisen als zu Hause, sie verloren aber bald ganz das Gefühl, satt zu sein. Anfänglich erklärten sie, das sei mit der angestrengten Arbeit verbunden und, weil sie stets in der frischen Luft im Walde arbeiteten. Der redselige Stepan aber erklärte ihnen, daß dies nicht nur das sei, und sagte:

«Ich dachte anfangs auch so. Mir hat es dann ein Arzt erklärt. Hauptsache ist, man bekommt hier kein frisches Gemüse zu essen, kein Vitamin C, sogar das Getreide hier in den nördlichen Gebieten, das Brot, enthält weniger Vitamin C als im Süden und in Zentralrußland. Die Rettung kommt erst im Frühjahr und im Spätsommer. Das erste Grün, das Vitamin C enthält, ist eine kleine, zarte Pflanze, zweiblättrig, mit rotem Stielchen, die sogenannte Hasensauerampfer. Dann sind es Waldbeeren aller Art, sozusagen unsere Waldgemüse: die Heidelbeere (Tschernika), die Preiselbeere (Brusnika) und die Himbeere (Malina). Dann gibt es hier im Wald allerlei Arten von Pilzen. Aber das alles, Jungs, kommt erst später. Bis dahin werdet ihr etwas darben müssen. Seit Kriegsbeginn ist es hier

mit der Versorgung mit Nahrungsmitteln um vieles schlechter geworden. Aber vor der Grippe seid ihr geschützt. Diese Bazillen gibt es hier in den Nadelwäldern nicht.»

«Wie kamst du eigentlich hierher, Stepan? Und wo bist du überhaupt zu Hause?» fragte jemand der Holzfäller eines Tages.

Stepan lächelte und antwortete:

«Ich war als grüner Bursche etwas wild und ungezogen. Meine Eltern sind Lehrer. Ich habe die Mittelschule absolviert. Dann geriet ich in eine Schlägerei im Restaurant, und man hat uns Streifenhähne jedem drei Jahre aufgebrummt. Meine Heimat ist Pensa. Ich habe aber schon fast ausgedient hier. Dann gehe ich als Freiwilliger an die Front.»

Die Trudarmeizy hatten sich sehr schnell an den sympathischen Tönen gewöhnt und befolgten haargenau alle seine Anweisungen. Oft hörte man unter den Holzfällern beim Meinungsaustausch den einen oder den anderen sagen:

«Stepan hat doch gesagt... und du schwatzt da ganz was anderes.»

Allmählich gewöhnten sich die Menschen hier im Wald an die überaus schwere Arbeit, an die Holzbeschaffung, wovon sie früher keine Ahnung hatten.

Zehntes Kapitel

So rückte das Frühjahr 1942 heran mit all seinen schweren Folgen. Wenn im Winter die Fröste hier auch mitunter über 40 Grad zeigen, so ist im Wald gewöhnlich windstill. Die hohen Bäume gebieten dem Wind Halt. Nur das dumpfe Sausen in den Baumkronen ist zu hören. Im Kaisker Wald gibt es das ganze Jahr über nur selten helle Sonnentage. Der Himmel ist im Winter stets mit grauen Wolken behängt, und fast jeden Tag fällt feiner Schnee. Im Sommer wieder vergeht selten ein Tag ohne stillen Rieselregen.

Stepan hatte wahrgesagt. Fast jeden Tag blieben jetzt im Frühjahr Arbeiter aus der Brigade in der Zone, um beim Arzt anzuklopfen. Es waren die ersten Anzeichen von Skorbut.

Von zu Hause kamen jetzt auch regelmäßig Briefe. Emma schrieb, daß nach wie vor in der Siedlung die Frauen alle Männerarbeiten ausführen, was auf die Dauer sehr schwer falle.

Wenn auch spärlich, aber die wichtigsten Ereignisse im Lande und von der Front bekamen die Trudarmeizy durch die Politinformationen zu hören, die der Politleiter einmal in der Woche hielt. Auch die wichtigsten Regierungsbeschlüsse wurden erörtert. Im April erfuhren sie von dem Beschluß des Volkskommissariats und des ZK der Partei über die Mobilisierung der arbeitsfähigen Stadtbevölkerung für Feldarbeiten in den Kolchosen und Sowchosen. So hatte man nicht nur die Sowjetdeutschen durch Mobilisation an die Wirtschaftsfront herangezogen.

Am 26. Mai 1942 wurde in London ein Vertrag mit England unterzeichnet. Es handelte sich da um den gemeinsamen Kampf gegen das faschistische Deutschland und um gegenseitige Hilfe. Et was später, am 11. Juni, wurde in Washington ein ähnlicher Vertrag mit Nordamerika abgeschlossen.

Diese Beschlüsse und Verträge waren für das Volk eine Herzstärkung. Doch die heftigen Kämpfe bei Stalingrad dauerten an.

So verging Tag für Tag der Sommer. Im Herbst meldete man, daß im Hinterland der Faschisten seit September eine illegale Komsozialorganisation — «Die junge Garde» — wirke. Und noch erfreulicher war die Nachricht, daß seit dem 19. November 1942 bei Stalingrad ein starker Gegenangriff der Roten Armee begonnen habe. Auch wurde bekannt, daß im faschistischen Hinterland eine starke Partisaneneinheit, geleitet von Kowpak, in den Brjansker Wäldern und am rechten Dneprufer dem Feind großen Schaden zugefügt habe.

Diese erfreulichen Nachrichten trugen zur Beruhigung der Gemüter im Trudarmeelager bei. Die Holzfäller hatten sich während der Arbeit im Sommer überzeugt, daß der Winter für sie in ihrer Arbeit dennoch vorteilhafter war. Die Kälte und der Schnee waren leichter zu ertragen als im Sommer der ständige Sprühregen, den sommers ging man stets durchnäßt umher, man mußte im Sumpf herumtatschen, und obendrein kam noch das blutgierige Geschmeiß von Millionen Stechmücken und kleiner Fliegen (Moskiki).

An einem Morgen berichtete der Politleiter kurz, daß bei Stalingrad eine große Menge Faschisten eingekesselt worden sei. Im Januar 1943 traf eine weitere freudige Nachricht ein: bei Leningrad hat die Sowjetarmee die Blockade durchbrochen.

Trotz der schweren Arbeit interessierten sich die Trudarmeje stets für die Lage an der Front. Die Kämpfe bei Stalingrad hielten das ganze Sowjetland in Bann. Jeder der Trudarmejezen wußte, daß von dem Sieg bei Stalingrad der weitere Erfolg des Krieges abhängen wird. Die Faschisten setzten alle Hebel in Bewegung, um ihre eingekesselten Armeen zu befreien, aber vergebens. Dann kam wiederum eine freudige Nachricht: am 31. Januar 1943 — um 6 Uhr morgens — haben die sowjetischen Streitkräfte das große Warenhaus im Zentrum der Stadt umringt, wo sich im Kellerraum der St. Paulus befand. Alle Ausgänge und Zugänge zu diesem Kellerraum seien blockiert. Eduard Weiß sagte zu seinen Kameraden:

«Jetzt ist das Ende der nie gesehenen Schlacht, nach ihrem Ausmaß und nach ihrer Grausamkeit, schon abzusehen!»

Nach ein paar Tagen war in den Zentralzeitungen zu lesen, daß sich der vor kurzem von Hitler ernannte Feldmarschall Friedrich Paulus mit dem General Schmidt und seinem Adjutanten Oberst Adam in Gefangenschaft ergeben haben. Der Militärrat der Don-Front berichtete an den Obersten Befehlshaber der sowjetischen

Streitkräfte, daß am 2. Februar 1943 — um 16 Uhr — die Stalingrader Gruppierung des Feindes endgültig zertrümmert sei. Das ganze Sowjetvolk jubelte, mit ihnen auch die Trudarmee an der Arbeitsfront.

Nach einigen Tagen erfuhr man durch Funk und Presse Genaueres darüber, wie Marschall der Artillerie N. N. Woronow und der Generaloberst K. K. Rokossowski den Feldmarschall Friedrich Paulus ins Verhör nahmen.

Diese Ereignisse bei Stalingrad verstärkten unter den Sowjetmenschen den Glauben an den Sieg über den verhaßten Feind — den Faschismus. So auch unter den Trudarmeemännern erwachte erneute Hoffnung auf den baldigen Sieg der Sowjetarmee und des Friedens.

Jedoch das Frühjahr 1943 brachte für die Trudarmee auch so manches Unangenehme. Der Skorbut hatte massenhaften Einzug eingehalten. In dem kleinen medizinischen Punkt, oder Stationar, wie das hier genannt wurde, waren alle Plätze belegt. Der Mediziner konnte nicht alle Kranken unterbringen. Als erste waren die älteren und schwächeren Männer dran. Dazu kam noch ein heftiger Blutzwang, der so manche Menschen hinraffte, denn jeden Tag starben immer wieder Trudarmeemänner.

Es gab eigentlich zwei Arten von Skorbut. Die meisten von Skorbut heimgesuchte Menschen hatten geschwollene Füße, ihnen fielen die Zähne aus. Sie bewegten sich mit großer Mühe. Dann gab es noch die trockene Form. Die Menschen gingen steifbeinig wie achtzigjährige Greise, waren ebenso niedergeschlagenen Gemüts und konnten ohne Unterlaß essen. Die Füße schwellen ihnen zwar nicht, aber vom Unterschenkel an und höher bildeten sich am Bein braune Flecken, mitunter handflächengroß. Am schlimmsten jedoch war die Stimmung, die unter den skorbutkranken Menschen entstanden war, die sogenannte Lagerpsychose. Die Ärzte nannten das Avitaminose. Die skorbutkranken Menschen verfolgte nur noch der eine Gedanke — sich einmal richtig satt zu essen! Das Sättigungsgefühl war vollkommen verschwunden. In der Mittagspause am Lagerfeuer auf dem Holzschlag wurde die Brotration verzehrt. Manche fanden es besser, das Brot zu runden Klümpchen zu kneten, an eine Rute zu stecken, in der Flamme zu rösten und dann erst zu essen. Streng wurde dabei aufgepaßt, damit kein Krümelchen Brot verloren ging. Dann meldete sich einer der Männer und sprach langsam mit halbgeschlossenen Augen:

«Wann mei Alti zu Mittag so n Kessel voll Kartoffel un Klöß ge-cocht hatt', mit Butter und Rahm geschmelzt... un so paar leicht-gesalzene eigemachte Görkjer drzu, frisch aus m Keller...»

«Mensch! Halt's Maul!» schrie dann einer dazwischen. «Du willst uns voll ganz verrückt mache mit deine Kartoffel un Klöß?! Däs war i Mol un kummt vielleicht aach wiedr... Jetz, Bruder, heeßts: Dawai, dawai! un Balande mit dem dinne Kasche...»

Die anderen Männer maßen den Liebhaber von Kartoffeln und Klöß mit bösen Blicken, seufzten schwer und spuckten in die Glut.

Dann sprach man von einem Heilmittel gegen Skorbut. Die Ärzte hatten herausgekriegt, daß die Kiefernadeln nicht wenig Vitamin C enthalten. In aller Eile wurden von den Bäumen frische Nadeln gesammelt und ein Sud daraus vorbereitet. In der Speisehalle erhielt jeder vor dem Essen etwa 150 Gramm von diesem Sud zu trinken. Das war obligatorisch. Diese Maßnahme linderte etwa die massenhafte Erkrankung an Skorbut. Frisches Fleisch in der Tageneration war eine Seltenheit. Nur, wenn ein Pferd sich ein Bein brach und abgeschlachtet werden mußte, dann gab es etwas frisches Fleisch. Gewöhnlich gab es statt Fleisch Salzfische. Die Hauptspeise bestand aus Brot und Grütze.

Bedeutend leichter wurde es, als schon die Waldbeeren reiften. Jeder Trudarmejez hatte sich einen Dreiliternapf aus schwarzem Blech angeschafft und sammelte in der Mittagspause Beeren.

Eines Tages ereignete sich in einer der Holzfällerbrigaden, in der Eduard Weiß arbeitete, ein Unglücksfall, der alle erschütterte. Einer der Holzfäller, ein junger stämmiger Mann, ging mit der Bügelsäge auf der Schulter an einer ausgetrockneten Tanne vorbei. Er wollte gerade zur nächsten Kiefer gehen, um sie zu fällen. Der Boden hier war sumpfig und mit einer dicken Schicht von Moos bedeckt, man ging darauf wie auf weichen Teppichen.

Wie bekannt, gehen die Wurzeln der Tanne nicht in die Tiefe, sondern horizontal, etwa 15–20 cm im Boden nach allen Richtungen auseinander. Hier an der trockenen Tanne lagen die Wurzeln ebenfalls unter der dicken Moosdecke. Diese Tanne mag schon jahrelang hier ausgetrocknet gestanden haben, sogar die Wurzeln hatten schon keinen Halt mehr im Boden. Als der Holzfäller dicht an der Tanne vorbeiging, um dem Sumpf auszuweichen, fing die dünne Tanne zu wackeln an und hoch oben fiel ein dicker Ast herunter, traf den Mann an der Schläfe und...

Die in der Nähe arbeitenden Holzfäller sahen, wie der Mann zu Boden hinfiel. Sie eilten herbei, wollten ihm helfen, sich aufzurichten, aber der Mann war schon bewußtlos. Aus der Nase und dem Mund floß ihm Blut. Der Unglückliche kam nicht mehr zu sich.

Niemand hätte gedacht, daß auf diese Art ein Mensch sein Leben einbüßen könnte. Daraufhin wurden dann in allen Holzfällerbrigaden die Vorsichtsmaßnahmen verstärkt. Den Leuten wurde wiederholt erklärt, daß man bei der Arbeit im Wald große Vorsicht gebrauchen muß.

Bei Eduard Weiß hatte es inzwischen eine Änderung in seiner Arbeit gegeben.

Eines Tages kam der technische Leiter in die Brigade und unterhielt sich mit ihm. Im Kontor hatte der Technoruk in Eduards Personalien gelesen, daß er Tischler und Zimmermann von Beruf sei. Er suche nämlich Leute, die mit der Holzarbeit näher bekannt

sein. Man müsse eiligst neue Leshnjowka in einem neuen Holzschlag errichten. Der alte Holzschlag wird im nächsten Monat vollkommen ausgehackt sein. Eduard willigte ein.

Die neugegründete Brigade bestand aus acht Mann, die zu Hause als Zimmerleute gearbeitet hatten. Ihnen fiel es nicht schwer, die neue Arbeitsweise und das ganze Verfahren mit dem Bau der Leshnjowka zu meistern. Was das Werkzeug anbetrifft, so benötigten sie nur das Beil, den Bohrer, die Säge und den Meißel.

Das ganze Baumaterial für die Leshnjowka mußte die Brigade sich selber beschaffen bis zu den Schwellen einschließlich. Sogar Weichen, wo der Nebenweg in den Hauptweg einbog, mußten aus Holz hergestellt werden. Am schlimmsten aber war es, wenn sie den Weg durch den Sumpf legen mußten. Da mußten zuerst dicke und lange Balken, so auch Reisholz gelegt werden, um vorerst eine Grundlage zu schaffen. Und dennoch hatte Eduard seine Pläsier auch an dieser Arbeit. Es war etwas Neues. Ohne Arbeit konnte er überhaupt nicht sein. Die ständige Bewegung und sein starker junger Körper waren es auch, weswegen er weniger an Skorbut zu leiden hatte.

Ein schweres Problem für Eduard und seine Arbeitskollegen war das Problem der Kleidungsstücke und des Fußzeuges. Bei dieser schweren Arbeit kostete es Kleider und Schuhe. Während der Kriegsjahre wurden die Lagerorganisationen weniger mit Kleidungsstücken und Fußzeug versorgt. Alles Mögliche und Unmögliche wurde da versucht. Als Fußzeug wurden sogar Gummischläuche von den Autoreifen verbraucht, die sogenannten Tschuni. Dann trafen von der Front ausgebesserte Soldatenmäntel, Hemde und Hosen, Mützen, mitunter auch Fußzeug ein. An manchen Kleidungsstücken waren noch Blutspuren zu sehen. Darauf wurde nicht geachtet, wenn es nur stark war und warm hielt.

Sobald der Winter sich eingestellt hatte und der Wald mit Schnee bedeckt war, gab es für Eduard Weiß wiederum Änderung in seiner Arbeit.

Etwa 8 Kilometer abseits von dem LSO, wo Eduard und seine Kameraden arbeiteten, in einem Massiv von echtem Kiefernwald, hatte man vor einigen Jahren Wohnräume gebaut und auf der Leshnjowka eine Dampfmaschine hierher gebracht und eine Sägemühle mit einem Rahmen eingerichtet. Diese Arbeit führten damals Sträflinge aus. Hier lagen über fünfundhalbtausend Festmeter erstsortiges zurechtgeschnittenes Nutzholz aufgestapelt, das für den Export bestimmt war. Man rechnete mit der Möglichkeit, in Zukunft diesen Reichtum allmählich herauszufahren. Nun war über der Krieg ausgebrochen. In der Lagerverwaltung erschien ein Vertreter der Armee. An der Front, insbesondere in den waldarmen Gebieten, brauchte man viel Bauholz, um die Unterstände einzurichten.

Es galt nun schnellstens eine kleine Strecke von Schienen zu legen, damit man dieses Holz auf Plattformen herausfahren konnte. Es wurde eine zahlenmäßig starke Brigade organisiert, ausschließlich aus jungen, kräftigen, gesunden Männern, die diese Bahnstrecke in Eilfrist herstellen sollten. In diese Brigade also wurde Eduard Weiß versetzt.

Nun war bereits viel Schnee gefallen. Da erfuhr Eduard eine Sache, die er früher nie geglaubt hätte, daß so etwas möglich sein könnte. Der Erfindungsgeist der Menschen ist eben unbegrenzt. Der Ingenieur, der diese Arbeit leitete, erklärte:

«Wir werden das Gleis auf Zucker legen...».

Damit war gemeint, daß die Schwellen nicht auf eine Bettung von Erde oder Steine gelegt werden wird, sondern auf den Schnee. So wurde denn eilig die Leshnjowka mit Schnee zugeschippt, darauf kamen die Schwellen und die Eisenbahnschienen. Mit einer leichten Lokomotive hatte man einzeln Waggon für Waggon das Nutzholz bis zur Hauptbahn herausgefahren.

Als Eduard sah, welch prächtiges, ausgehaltenes, trockenes Nutzholz hier verladen wurde, denn er wußte, wozu diese Leisten diese drei Zoll dicke Bretter verwendet werden sollen, tat es ihm im Inneren weh. Zu Hause an der Wolga mangelte es immer an solchem wertvollen Nutzholz. Daraus hätte man die schönsten Möbelstücke, sogar Musikinstrumente, herstellen können. Dabei kam ihm auch der Gedanke, welch kolossale Reichtümer unser Land in sich barg. Solch ein Land ist nicht zu besiegen!

Die Eisenbahnstrecke auf «Zucker» funktionierte. Der Fahrweg wurde stets von dazu ausgeschiedenen Arbeitern mit Schneeschaufeln ausgestopft. Die Verladung der Waggons führten andere Trudarmejzy aus.

Die neugegründete Jugendbrigade (man nannte sie noch Komsomolbrigade, obzwar nicht nur Komsomolzen hier eingingen) erhielt eine andere dringende Aufgabe, die ebenfalls direkt mit der Front verbunden war. Weiterhin wurde diese Brigade offiziell «Komsomolbrigade» genannt.

Die Lagerverwaltung erhielt nun den Auftrag, eine große Partie von rushejnyje Bolwanki, eigentlich Barren (nach einem Musterbrett aus wertvollem Birkenholz ausgehackt) und Laschen (Belegholz für Gewehrläufe) zu liefern. Im Russischen hießen diese Artikel Rushbolwanka und Rushnakladka.

Fünfzehn Kilometer weiter vom LSO, wo Eduard Weiß arbeitete, gab es ein großes Waldrevier, das nur aus Birken bestand. Schon vor Jahren hatte man hier eine bestimmte Sucharbeit durchgeführt. Jeder brauchbare Birkenbaum bekam seine Nummer und war in ein Inventarbuch eingetragen. Wegen dem sumpfigen Gelände aber konnte hier nur im Winter gearbeitet werden. Nun sollte eine Brigade von Holzfällern auf die Beine gebracht werden, und eben sie mußte dann das Nutzholz (Spezdrewessina) fertigstellen.

Somit kam Eduard Weiß in diese Brigade. Sie wurde gut ausgerüstet. Jeder Mann erhielt ein Paar Schneeschuhe, eine Bügelsäge, für je zwei Mann gab's eine Fällaxt und eine Schrotsäge. Auch die Verköstigung für diese Brigade war besser als im Hauptlager.

Mit Sägen und Beilen ausgerüstet, liefen nun die Jungs auf Schneeschuhen Tag für Tag durch den Birkenwald und legten bis zehn Kilometer am Tag zurück. Sie suchten die markierten Bäume auf, fällten sie und versägten den Stamm je nach seiner Bestimmung: entweder Rohgewehrkolben, Laschen (Rushnakladki) oder zu Furnier. Bei jedem gefällten Baum wurde ein Trümel (Balken oder Stock) im Schnee aufrecht gestellt, damit die Fuhrleute und Schneeschipper das Holz leichter finden konnten. Eine spezielle Brigade hatte den Weg durch den tiefen Schnee zu schaufeln, und zwar zu jedem markierten Baum.

Gewohnt haben die Jungs in einer großen Jurte. Es war dies ein großes und rundes Zelt, von außen mit Schnee eingeschaufelt. Im Inneren brannte Tag und Nacht ein kleiner eiserner Ofen.

Dann gab es eine Brigade von Meistern, die die Birkenstämme mit eisernen Keilen spalteten und die Gewehrläufe im groben nach einer Vorlage aushackten.

Schon seit einer Woche verrichteten die Jungs aus der Komso-molbrigade ihr Tagewerk. Jeder der jungen Männer war sich voll bewußt, welche konkrete Hilfe er der Front mit seiner Arbeit im Kampfe gegen den verhaßten Feind leistete.

An diesem Tag, noch in der Morgendämmerung, fuhr Eduard Weiß mit seinem Arbeitskollegen auf Schneeschuhen in den Birkenhain. Der Schnee lag stellenweise bis zu einem Meter hoch. Eduard trug auf dem Rücken, wie ein Gewehr umgehängt, eine Schrotsäge, sein Arbeitspartner, Jascha Berg, trug im Gürtel auf dem Rücken eine Fällaxt. Beide hatten leichte Wattejacken, gesteppte Watehosen und Schuhe an. In der Nähe ihrer Haltestelle waren die markierten Bäume schon alle gefällt. Nun mußten sie weitgelegene Bäume aufsuchen und fällen. Es stand windstilles Wetter, nasser Schnee fiel. Auf einer Anhöhe hielten die Jungs an, um sich umzuschauen, denn inzwischen war es schon ziemlich hell geworden. Da sagte Jascha, der besonders scharfe Augen hatte:

«Dort, schau mal, Edik, sehe ich eine stramme Birke in der Schlucht stehen, ob es nicht eine von den "unseren" ist. Heidi! Fahren wir!»

Er gab sich einen Ruck und flitzte die Anhöhe hinunter. Eduard folgte ihm in dessen Spur etwa zehn Meter hinter ihm. Auf einmal stieß Jascha einen Schrei aus und flog zur Seite, der rechte Schneeschuh flog zersplittert zur anderen Seite. Als Eduard herbeikam, lag sein Kamerad im Schnee und faßte sich mit beiden Händen am rechten Fuß. Er sagte laut schimpfend:

«Bin auf einen mit Schnee bedeckten Stumpfen gerannt... Ob ich nicht das Bein gebrochen hab...»

Eduard ließ sich im Schnee nieder und befühlte Jaschas rechten Fuß, konnte aber keine offene Wunde feststellen. «Vielleicht hast du dir nur den Fuß verstaucht?» Er half Jascha auf die Beine, und dieser schleppte sich nun auf einem Schneeschuh, von Eduard unterstützt, weiter.

Es war nicht mehr weit bis zu jener Birke, die wirklich mit einer Nummer versehen war.

Große Schmerzen unterdrückend, half Jascha dem Kollegen, den Baum zu fällen. Anderthalb Meter vom Stamm, der nicht weniger als 50 cm im Durchmesser hatte, wurde für Furnier abgeschnitten. Dann kam eine Länge für Rushbolwanka und noch zwei Länge für rushejnaja Nakladka. Nachdem ein Trämel aufgestellt und befestigt war, damit er nicht umfiel, fragte Eduard:

«Wie fühlst du dich denn, Jascha?»

«Sehr schlecht, Edik. Ich kann den Fuß nicht bewegen, er ist angeschwollen. Bei geringster Bewegung habe ich ungemeine Schmerzen.»

«Aber zurück müssen wir, Jascha. Die Säge und die Axt lassen wir hier, die gehen nicht verloren. Morgen oder übermorgen kommen die Wegeschipper hierher... Wir machen uns auf den Weg!»

Mit größter Mühe und Kraftanstrengung kamen die beiden Männer an ihrem Zelt an. Es war schon in der zwölften Stunde in der Nacht. Der Brigadier hatte schon eine Suche unternommen.

Mit großer Freude empfangen die schon zurückgekommenen Kundschafter die Verunglückten. Sofort wurden die nassen Kleider in die Trockenkammer gebracht, und ein Arztgehilfe untersuchte Jaschas beschädigten Fuß. Der Fuß war dermaßen angeschwollen, daß der Schuh zerschnitten werden mußte. Der Mediker stellte eine starke Verstauchung fest und legte einen Verband an. Am nächsten Tag wurde Jascha Berg auf den LSO in die Heilanstalt gebracht.

Noch vor dem Tauwetter kam die Brigade für Spezialholzbeschaffung wieder in ihre alte Behausung zurück. Eduard stand wiederum eine Änderung in seiner Arbeit bevor. Im Lager entstand das Bedürfnis, eine qualifizierte Zimmermann-Brigade zu bilden. Eduard Weiß war bei der technischen Leitung in der Lagerverwaltung bereits als geschickter und sachkundiger Arbeiter bekannt geworden. Somit kam er als erster in die Liste dieser Zimmermannsbrigade. Diese Brigade war dem Bauingenieur unterstellt und wurde stets dort eingesetzt, wo es etwas Neues zu bauen gab.

Die Parteiversammlungen der Trudarmee fanden nicht regelmäßig statt, da die Parteimitglieder in verschiedenen Brigaden tätig waren. Eduard entrichtete Mitgliedsbeiträge und sagte dem Parteisekretär, daß er womöglich wieder für längere Zeit abwesend sein wird. Es war auch so verständlich. Die Verhältnisse ließen es nicht anders zu.

Am Eingang des Kontorgebäudes fiel Eduard ein von der Hand gemaltes Plakat auf. Es stellte einen Güterzug dar mit an die zwanzig

zig mit Langholz beladenen Plattformen. Darunter stand die Aufschrift, daß der Trudarmejez Karl Müller so viel Festmeter Langholz fertiggestellt hat, daß sie einen ganzen Güterzug ausmachen. Eduard kannte diesen bescheidenen, stämmigen Burschen, er hatte längere Zeit mit ihm in einer Brigade gearbeitet. Eduard lächelte und brummelte vor sich hin: «Molodez, Karluscha!».

An der Bekanntmachungstafel der LSO war die Abschrift von einem Telegramm von Stalin ausgehängt, in dem der Vorsitzende des Komitees für Verteidigung I.W. Stalin den Trudarmejezy deutscher Nationalität seinen Dank ausspricht für die Spenden, die sie an das Büro der Hilfe für Verteidigungswesen der Sowjetunion überwiesen haben.

Eduard fühlte sich glücklich, ein Teilnehmer dieser Spenden zu sein, denn er hatte auch für eine beträchtliche Summe gezeichnet.

So verlief nun das Leben für Eduard und seine Kameraden, umgeben von Wald und Schnee und alltäglicher schwerer Arbeit. Es war unmenschlich schwer. Es hieß ja nicht umsonst — Wirtschaftsfront. Die Lebensverhältnisse hier glichen sich denen der Kriegsfront an, auch hier forderte die Front zahlreiche Opfer, nur daß hier keine Kugeln sausten.

Als Eduard im Frühjahr 1944 in sein LSO zurückgekommen war und ihm die eingetroffene Post eingehändigt wurde, war darunter auch diese Meldung: Die Mutter ließ durch die Hauswirtin Marfa mitteilen, daß Eduards Frau Emma nun auch an die Wirtschaftsfront mobilisiert und nach dem fernen Norden mit noch anderen jungen Frauen und Mädchen abgefahren sei. Marfa übermittelte Grüße und versicherte Eduard, er solle sich weniger Gedanken machen, denn sie, Marfa, wird schon mit der Babuschka gut auskommen. Die kleine Lida besuche mit Nadja die Schule. Beide Mädels seien unzertrennbare Freundinnen und machen zusammen ihre Schulaufgaben.

Eduard schrieb in der Nacht noch bei Laternenlicht einen Brief an Marfa und bedankte sich für das Entgegenkommen. Von sich schrieb er, daß er gesund sei, die Mutter und sein Töchterchen sollen sich keine Gedanken um ihn machen. Sie soll auch weiterhin ihm über Emma berichten und ihm ihre Anschrift schicken, sobald sie diese haben wird.

Die Nachricht über die Einberufung von Emma wirkte auf Eduard stark ein. Er hatte nun eine gute Vorstellung, was Wirtschaftsfront bedeutet. Wie wird es nun den Frauen ergehen, zumal im fernen Norden? Welche Arbeit werden sie dort ausführen?

Am nächsten Tag ging in der Baubrigade ein Gerede umher, daß in dem neugegründeten Sowchos hier im Wald auf dem Lagerterritorium eine Gruppe junger Frauen und Mädchen angekommen seien, sie sind Deutsche und kommen aus dem Altai, aus den deutschen Dörfern dort. Die Frauen seien ebenfalls an die Wirtschaftsfront mobilisiert und hierher in den Kaisker Wald geschickt wor-

den. Holzfällerarbeit ist für eine Frau dennoch zu schwer. Im Sowchos soll jetzt verschiedenes Gemüse angebaut werden. Auch eine Milchfarm sei in diesem Sowchos entstanden.

Da wurde es Eduard klar, welches Los seine Frau betroffen hat. Sie kam nach dem Norden und die Altaier Frauen und Mädchen kamen hierher.

Die Baubrigade baute jetzt in einem entlegenen LSO neue Baracken und verschiedene Hilfsgebäuden auf. Auch hier hatte sich Eduard schnell eingearbeitet und mit seinen neuen Kollegen befreundet.

Elftes Kapitel

Die Baubrigade erhielt den Auftrag, in dem neugegründeten Sowchos einige Wohnräume sowie eine Reihe von Nebengebäuden zu errichten. Diese Wirtschaft, die nebst verschiedenem Gemüse auch Kartoffeln anbauen sollte, war für die Lagerorganisation eine große Hilfe.

Die Skorbutkranken erhielten jetzt in den Stationären des öfteren bekeimten Roggen und Erbsen, so auch durchs Reibeisen geriebene rohe Kartoffeln zu essen, die Vitamin C enthielten. In den Baracken hatten man inzwischen gründliche Änderungen vorgenommen. Die Innenwände wurden verputzt, auf die Pritschen kamen Strohsäcke und Kissen, mit Stroh gefüllt. Die Betten waren mit weißen Laken und Decken überzogen. Eine kleine Elektroanlage spendete elektrisches Licht in der Nacht. Kurzum, es gab nun bessere Verhältnisse. Die Wanzen hatte man ausgerottet und die Sterblichkeit bis auf Null gebracht. Die Tagesleistungen der Forstarbeiter stiegen jetzt von Tag zu Tag, von Monat zu Monat. Eine große Rolle spielte dabei auch der Umstand, daß inzwischen die alten und kranken Menschen ausgeschieden waren und die gebliebenen Trudarmejzy hatten sich an das nasse, raue Klima angepaßt, sich akklimatisiert.

Als die Brigade im Sowchos ankam, gab es da für die jungen Männer eine Überraschung. Auf dem Sowchos arbeiteten nur Frauen und junge Mädchen. Doch kein freundiges Begegnen gab es. Statt zu jubeln und zu lachen, brachen die meisten Frauen und Mädchen in lautes Weinen aus. Sie sahen keinesfalls heiter und sympathisch aus. Der zwölfstündige Arbeitstag hatte die Frauen ziemlich heruntergebracht.

Die Baubrigade begann ihre Arbeit. So allmählich gab es Bekanntschaft zwischen den Männern und den Frauen. Eduard beobachtete seit einigen Tagen schon ein braunäugiges, schlankes Mädchen mit dem Rufnamen Annchen. Sie schien auch an Eduard Gefallen gefunden zu haben.

Es war im September, an einem sonnigen Nachmittag, was für diese Gegend eine Seltenheit war. Die Baubrigade war emsig am

Werk. Der Ruf des neuen Wohnhauses war schon etwa einen Meter emporgewachsen. Da erschien auf einmal Annchen mit einem Korb und begann Späne aufzulesen. Sie wollte schon mit dem Korb voll Späne weitergehen, da sprang der maulfertige Fritz Becker vom Baumgerüst, eilte auf das Mädchen zu und begann laut in schelmischem Ton zu singen:

*«Liesje, Liesje, wart mol bißje!
Bleib mol bißje steje!
Ich will dir mol ä Kufße gewe,
no kannst aach wiedr geje.»*

Annchen blieb stehen und lachte wie ein Silberglöckchen laut auf und ließ den Korb mit Späne auf die Erde nieder. Sie sah Fritz lächelnd an und sagte:

«Ich heiß ja gar nicht Lieschen, ich heiße Annchen, Anna Friesen heiße ich.»

«Ach, mein Goldkind! Das macht doch gar nichts aus! Ich kann das Lieschen doch nicht aus dem Liedchen herausschmeißen, Kind!»

Annchen sah sich um, und ihr stieg auf einmal die Röte ins Gesicht, denn sie war von einer Gruppe Männer umringt. Sie schaute an sich herab, als wollte sie sagen: In solcher Ausstattung empfängt man keine Kavaliere...

Fritz hatte ihre Gedankengang erraten und platzte heraus:

«Da brauchst du dich nicht zu schämen, Annchen! Wir alle sehen nicht besser aus. Unsere Gewänder kommen aus demselben Kaufhaus. Wo sind denn die Frauen heute alle, man sieht ja keine in der Nähe?»

«Unsere Frauen sind alle draußen im Feld, sie graben Kartoffeln aus. Ich aber habe heute Küchendienst. Da hat mich die Köchin hierhergeschickt, ich soll Späne auflesen, das erspart uns das Holzspalten.»

Zehn Paar funkelnde Männeraugen waren auf das Mädchen gerichtet, gleichsam umringen zehn hungrige Wölfe einen Karnickel. Annchen schaute mit ihren etwas schräggeschnittenen braunen Augen bald auf das eine, bald auf das andere Männergesicht. Ihr frisches, etwas errötetes Gesicht verlieh ihr ein reizendes Aussehen. Auf den roten, etwas zu vollen Lippen lag ein freundliches Lächeln. Und obgleich sie eine gesteppte Jacke (Fufaika) und Männerhosen trug, war ihre schlanke Gestalt darunter dennoch leicht zu erraten, und unter der gesteppten Jacke erhob sich ein üppiger Mädchenbusen. An den Füßen trug sie schwere Schuhe aus Kunstleder, mit dicken Gummisohlen und mit schwarzen Schnürsenkeln versehen. Dieselben Schuhe trugen auch die Bauarbeiter. Nur auf dem Kopf hatte Annchen ein weißes Kopftuch, nach Bauernart die Zipfeln eng um den Hals gebunden. Obzwar Annchen alle Männer

der Reihe nach angelächelt hatte, blieb ihr Blick etwas länger auf Eduards Gesicht haften. Er lächelte ihr ebenfalls freundlich zu.

Dann raffte sich Annchen mit einem Male auf, packte ihren Korb mit den Spänen und eilte davon, wobei sie beim Abgehen entschuldigend sagte:

«Ich muß gehen, sonst gibt's einen Wygowor von Tante Lore. Auf Wiedersehen, Mannsleut!»

«Auf Wiedersehen!» riefen ihr die Männer nach und verfolgten sie mit gierigen Blicken, bis sie hinter dem nächsten Gebäude verschwunden war. Fritz Becker schlug mit der Mütze auf den Boden, stieß verärgert in seinem Dialekt hervor: «Platze könnt mr vor Ärger! Dart schmachte die junge Weibslait un Mäderjen, und do sein mir obgesperrt vun dem Weibervolk!... Sein mir woll im Kloster vrdammt noch ä mol!»

Niemand der Männer reagierte auf diesen Ausfall von Fritz Becker. Alle gingen mit gesenkten Köpfen zu ihren Arbeitsstellen. Längere Zeit wurde drauflos gehackt und gewirtschaftet, ohne ein Wort zu verlieren.

An einem Abend nach Arbeitsschluß traf sich Eduard mit Annchen in der Speiseshalle. Sie erzählte ihm, daß sie und alle die anderen Frauen und Mädchen aus dem Altai kommen, aus den deutschen Dörfern, die es dort in einigen Rayons gibt. Aus dem weiteren Gespräch ergab sich, daß Annchen Vollwaise ist, sie wohne bei ihrer Tante und arbeitete im Kolchos. Sie war jetzt neunzehn Jahre alt.

Bei der ersten Begegnung sagte Eduard ganz wenig von sich. Sie fragte ihn nach diesem, nach jenem. Ob er auch verheiratet sei. Nein, danach hatte Annchen nie gefragt. Ihr gefiel er, dieser lebenswürdige, junge und aufgeschlossene Mann.

Die Frauen und Mädchen im Sowchos hatten schnell begriffen, daß man sich hier in den Lagerverhältnissen nicht zu zieren braucht mit verschiedenem Putz und schönen Kleidern. Das verlor man auch nicht von den Männern.

Aus der flüchtigen Bekanntschaft mit Annchen und Eduard war bald darauf eine aufrichtige Freundschaft geworden. Eduard dachte zwar des öfteren an Emma, und dennoch zog es ihn immer mehr zu Annchen.

Bis die Baubrigade im Sowchos ihre Bauobjekte fertiggestellt hatte, hatte fast jeder junge Mann ein Techtelmechtel mit einem Frauchen oder Mädchen. Das Leben verlangt eben das Seine, magen die Verhältnisse gut oder schlecht sein. Schwer war deswegen die Trennung, als die Baubrigade nach einigen Monaten auf ein anderes Bauobjekt versetzt wurde.

Da gab es Beteuerungen, Versprechen, manchmal ein Ehrenwort oder auch Tränen...

Dann erhielt Eduard den langersehten Brief. In einem Brief von Marfa lag auch ein Schreiben von Emma.

Nachdem Eduard Emmas Schreiben aufmerksam gelesen hatte, war er wie vor den Kopf geschlagen. Emma teilte ihm mit, daß sich ihr Schicksal im Leben nun mal so gestaltet habe und sie notgedrungen war, den Vorschlag eines Mannes anzunehmen, seine Frau zu werden. Er soll ihr diesen Schrift nicht übelnehmen, denn anders sei es nicht möglich gewesen, um nicht gänzlich zu verkommen... Somit soll er sie fernerhin nicht mehr als seine Frau zählen. Nach Kriegsende könnte sie alle Formalitäten in bezug auf ihre Ehescheidung erledigen, wenn beide bis dahin noch am Leben sein werden...

Den ganzen Tag über trug sich Eduard mit schweren Gedanken herum. Dann zog er einen seiner Kameraden zu Rate. Der Mann sagte:

«Du bist nicht der erste und auch nicht der letzte, dem der verdammte Krieg dieses schwere Schicksal gebracht hat. Ich habe dich mehrmals mit Annchen im Sowchos zusammen gesehen. Mir scheint, sie ist ein ganz vernünftiges Mädchen. Paß auf, daß sie dir nicht ein anderer wegschnappt. Der Krieg muß bald ein Ende nehmen, dann richtet ihr euch ein neues Leben ein.»

Diese Worte wirkten beruhigend auf Eduard ein.

In den letzten Monaten des Jahres 1943 und im Verlaufe des Jahres 1944 gab es mehrere wichtige Ereignisse im Lande und an der Front.

Am Vorabend des Oktoberfestes 1943 erreichte die Trudarmee und das ganze Land die freudige Nachricht, daß an diesem Tag die Truppen der Sowjetarmee die Hauptstadt der Ukraine, Kiew, befreit haben. Dieser Oktoberfeiertag war einer der freudigsten, die im Lande gefeiert worden war. Auch hier im Lager hat man dieses wichtige Ereignis gehörig vermerkt.

Vom 28. November bis 1. Dezember 1943, wie später berichtet worden war, tagte in Teheran (Iran) die Konferenz der Leiter der drei verbündeten Staaten: UdSSR, Nordamerika und England.

Anfang März 1944 kam die Nachricht, daß große Einheiten der faschistischen Armee unterhalb von Leningrad und bei Nowgorod zerschlagen seien, daß das Leningrader Gebiet nun ganz von dem Feind befreit sei. Alle diese Nachrichten erheiterten die Menschen bei ihrer schweren Arbeit im Lager und im ganzen Hinterland.

Dann kam wiederum eine frohe Nachricht. Am 8. April 1944 erreichten die Einheiten der 1. Ukrainischen Front die Staatsgrenze von Rumänien und der Tschechoslowakei. Am 10. April wurde im Süden der Sowjetunion die Hafenstadt Odessa von den deutschen und rumänischen Okkupanten befreit. Kurz erfolgte die Befreiung der Halbinsel Krim. Am 9. Mai wurde Sewastopol zurückerobert. Die wichtigste Nachricht für den Sommer 1944 jedoch war, daß am 6. Juni langersehnte zweite Front im Westen eröffnet worden war. Die Truppen der Alliierten haben den Kampf gegen die deutsche Wehrmacht nun vom Westen aus begonnen. So kamen

immer wieder freudige Nachrichten von der Front. Die Menschen lebten auf. Jeder fühlte, daß der Sieg über den verhaßten Feind sich nahte.

Eduard Weiß besuchte bei jeder günstigen Gelegenheit — an den wenigen Ruhetagen — seine Freundin Annchen. Das Mädchen freute sich jedesmal überaus, wenn Eduard ankam. Die Leute aus dem Sowchos kannten Eduard noch von der Zeit, als er hier als Zimmermann gearbeitet hatte.

Es war Ende August 1944, als Eduard wiederum sich die Erlaubnis eingeholt hatte, um seine Freundin, die er jetzt schon offen seine Braut nannte, zu besuchen. Er fuhr mit dem kleinen Lagerzug der von einem Ende des Lagerterritoriums bis an das andere seine Laufbahn hatte. Eduard fiel dabei auf, daß die Holzlager bei den kleinen Stationsgebäuden jetzt leer waren. Als er zum erstenmal im Februar 1942 diesen Weg gefahren war, lagen da große Stapel von Nutzholz. Das ganze Holz haben die Trudarmeizy in die Waggonen verladen. Die Lagerorganisation hatte jetzt den Auftrag, das große Kraftwerk in der Stadt Kirow mit Heizmaterial zu versorgen, weil das Donez-Becken vom Feind besetzt war, von wo die Kohle für dieses Werk früher eintraf. Auch jetzt noch war die Zustellung der Kohle vom Süden noch nicht geregelt, und das Kraftwerk in Kirow wurde mit Holz aus dem Lager gespeist. In Kirow, wie auch in anderen Städten im Hinterland der Sowjetunion, arbeiteten die Betriebe für die Front. Somit war die Holzfertigstellung eine wichtige Hilfe für die Front. Einer nach dem anderen gingen die Züge mit Holz beladen nach Kirow. Alle Trudarmeizy wußten, welche große Hilfe sie mit ihrer Arbeit der Front erwiesen.

Im Waggon traf sich Eduard einem älteren Mann, der auch mit dem Lagerzug fuhr. Der Mann erzählte, daß auf dem Gelände zwischen der Station Phosphoritnaja und der Station Jar mehrere Kriegsgefangenenlager funktionierten. Er sagte unter anderem:

«Da gab's auch ein Lager mit Italienern. Nach kurzer Zeit ihrer Verweilens fingen sie an, wie die Fliegen zu fallen. Der schroffe Klimawechsel kam ihnen nicht gut. Eiligst mußten die Italiener nach dem Süden gebracht werden. Unsere Menschen aber leben und arbeiten hier...»

«Es gibt wohl keine deutschen Kriegsgefangenen hier?» fragte Eduard.

«Mehr als genug», erwiderte der Alte. «Die Deutschen fühlen sich ganz wohl hier und sind froh, dem Tode entronnen zu sein. Sie arbeiten auch bereitwillig. Es gibt unter ihnen ganz anständige Menschen. Die abgefemten Faschisten hat man in besonderen Lager untergebracht. Die deutschen Kriegsgefangenen haben unter sich ein Komitee 'Freies Deutschland' gebildet. Sie wollen den Hitler nicht mehr, der nicht nur für das deutsche Volk, sondern für ganz Europa so viel Unglück und Millionen von Menschen den Tod gebracht hat.»

«Und an der Front? Was gibt's Neues?»

«Ha, junger Mann! An allen Fronten rückt die Sowjetarmee vor! Bei Jassy und Kischinjow toben erbitterte Kämpfe. Rumänien ist aus dem Bund mit Deutschland ausgeschieden und hat Deutschland Krieg erklärt. Alle rumänischen Kriegsgefangenen wurden vorfristig nach Hause entlassen und kämpfen heute gegen die Faschisten. Für das faschistische Deutschland gibt es keine Rettung mehr!»

Solche Nachrichten brachten stets gute Stimmung unter den Soldaten. Jeder hoffte, daß er nach Kriegsende vom Dienst befreit wird und zu seiner Familie zurückkehren kann.

Diese freudigen Gedanken nahmen auch Eduard ganz in Bann. Schon lange hatte er keine Nachricht mehr von der Mutter und seinem Kind. Um Emma machte er sich schon keine Gedanken mehr. Er dachte jetzt oft darüber nach, wie er mit Annchen sein weiteres Leben einrichten wird. Zur Zeit konnte keine Rede sein vom Zusammenleben, man hatte sie ja beide mobilisiert. Da überkam ihn einmal das eifersüchtige Mißtrauen, jemand könnte ihm unverhofft Annchen wegschnappen. Aber was konnte er unternehmen?

An der Haltestelle verließ Eduard den Waggon und ging eiligen Schritts den Sowchosbaracken zu. Hier hatte man eine große Landstrecke schon vor zehn Jahren vom Wald gerodet. Jetzt baute man Kartoffeln und so manches Gemüse an.

So in Gedanken versunken, betrat Eduard den Hof der Sowjetwirtschaft. Da lief ihm auch schon Annchen entgegen und fiel ihm an den Hals. Ihr standen Freudentränen in den Augen. Sie sagte mit stockender Stimme:

«Da bist du nun! Ich habe dich herbeigesehnt, Edik! Auch wir haben heute Ruhetag. Morgen sollen die letzten Kartoffeln ausgegeben werden.»

«Und wie ist die Ernte?»

«Ach, frag nicht! Das Land ist unfruchtbar hier. Es sieht wie Asche aus und bringt keine Ernte ein. Es muß Dung drauf. Die Kartoffeln schmecken nicht mal gut. Aber es muß sein, sonst bleiben wir ganz ohne Kartoffeln. Dort, wo wir den Boden mit Düngemittel gedüngt hatten, sind die Kartoffeln besser geraten. Auch die Kohlen Weißkohl und Rüben besser hier als Kartoffeln.»

Eduard hörte ihr aufmerksam zu und dachte dabei, daß aus dem Mädchen mal eine tüchtige Hausfrau werden wird.

Sie gingen etwas weiter ins Freie und ließen sich auf einen Baumstamm nieder. Nach einer Weile richtete Eduard an Annchen die Frage:

«Wir kennen uns jetzt schon eine geräume Zeit, Annchen. Bist du bereit, meine Frau zu werden?»

Annchen schwieg erst vor Überraschung. Sie wußte schon, wie wichtig Eduards Familienangelegenheiten stand. Eduard faßte ihr die Hand und sagte nach seiner Art auf und fragte:

«Oder hast du Angst, eine Stieftochter zu pflegen und eine Schwiegermutter über dir zu haben?»

Annchen riß den Kopf hoch und sagte ernst:

«Wie kannst du so denken von mir, Edik! Vor nichts habe ich Angst. Du gefällst mir, und das ist für mich sehr wichtig. Deine Tochter wird bestimmt bei der Mutter sein wollen. Übrigens wird mich das Mädchen auch nicht hindern. Daß du noch eine Mutter hast ist mir doppelt recht. Du glaubst nicht, wie ich mich nach einer Mutter sehne, die ich so früh verlieren mußte... Im Gegenteil, ich werde die alte Frau wie die eigene Mutter ehren und lieb gewinnen. Aber...» Annchen hielt in ihrer Rede inne und starrte vor sich hin.

«Was aber?» Eduard umarmte Annchen zärtlich, «was ist dir nicht klar bei der Sache?»

Und das Mädchen begann zaghaft:

«Wird deine Frau nach dem Krieg nicht wieder zu dir zurück wollen?...»

Eduard überlegte eine Weile, dann sagte er ernst und entschlossen:

«Und wenn sie es auch wollte, es ist ausgeschlossen! Sie hat als erste unseren Ehebund zerrissen... Ich hab sie sehr geliebt... Um so mehr verachte ich sie jetzt.»

Annchen schmiegte sich an Eduard und sagte vorwurfsvoll:

«So streng darfst du auch nicht urteilen, Edik! Du weißt ja nicht in welchen Verhältnissen sie sich befand, als sie den ersten Schritt begangen hat. Du solltest eine hilflose Frau nicht mit einem Mann vergleichen, Edik.»

«Nein, Annchen. Über diese Frage wollen wir lieber nicht mehr reden. Sie ist für mich für immer erledigt!... Ich habe dich getroffen und fühle mich glücklich mit dir.» Er umarmte und küßte sie herzlichst.

Annchen kamen wiederum die Tränen. Eduard wischte ihr die Tränen weg und sprach weiter auf sie ein:

«Alles hängt nun davon ab, mein Täubchen, wann wir von hier befreit sein werden. Und sollte es morgen geschehen, so würdest du morgen schon meine gesetzliche Frau werden... Und man scheint, daß der Krieg nicht mehr lange andauern kann. Man wird uns dann sicherlich nach dem Krieg hier nicht länger halten, und wir registrieren unsere Ehe und fahren zu meiner Mutter.»

Annchen schwieg und schmiegte sich fester an Eduards starke Schulter. Nach einer Weile sagte sie:

«Komm mit in unsere Baracke! Ich will dich bewirten mit dem was ich besitze. Es ist Zeit, zu Abend zu essen.»

Langsamem Schrittes ging das junge Paar edler Menschen, das das Schicksal so hart getroffen, den Wohnräumen zu.

Die Sonne stand noch am Horizont, als Eduard sich auf dem Rückweg begab. Die Tage hatten schon ziemlich abgenommen. In den Wintermonaten kommt die Sonne hierzulande nur für kurz

Zeit zum Vorschein und verschwindet gleich wieder. Dagegen ist es im Juni hier die ganze Nacht über hell, daß man im Freien Zeitungen lesen kann, wenn es nicht regnet. Bei hellen Tagen schüpft die Sonne für kurze Zeit hinter den Horizont und kommt sofort wieder hervor sogar die Abendröte verschwindet nicht.

Im Dezember sind die Tage kurz wie ein Lämmerschwanz, wie Eduard stets zu sagen pflegte.

Mit schwerem Herzen verließ Eduard diesmal spät am Abend sein Liebchen und kehrte in seine Brigade zurück. Er schmiedete verschiedene Pläne, wie er nach dem Krieg sein Leben mit Annchen einrichten wird. Arbeit wird sich auch in Sibirien finden. Nur muß man sich jedenfalls in einer Stadt niederlassen. Auf dem Lande wird sein Beruf als Tischler für schöne Möbel kaum gefragt sein. Auch ist es möglich, daß nach dem Krieg die Wolgadeutschen wieder zurück an die Wolga kommen. Dann sind alle Probleme für ihn gelöst.

Zwölftes Kapitel

Bei den Trudarmeizen herrschte das ganze Frühjahr 1945 übergehobene Stimmung. Die Sowjetarmee stürmte unaufhaltsam Berlin zu. Im inneren Lande hatte man bereits begonnen, die zerstörten Städte und Betriebe wiederherzustellen und instand zu setzen. Die Residenzstädte von Polen und Ungarn waren Anfang des Jahres schon befreit worden. Jeder Tag brachte jetzt freudige Nachrichten von der Front. Die Menschen im Hinterland arbeiteten aufopfernd, auch die mobilisierten Trudarmeizen an der Wirtschaftsfrent taten ihr Bestes. Am 13. April wurde wiederum eine europäische Hauptstadt, und zwar Wien, von den Faschisten befreit.

Und endlich kam die langersehnte Nachricht! Am 8. Mai hat das Oberkommando der faschistischen Armee in Karlshorst bei Berlin das Protokoll der bedingungslosen Kapitulation unterschrieben. Das ganze Land jubelte vor Freude! Eduard Weiß, und nicht er allein, sagte später, daß der 8. Mai 1945 der freudigste Tag in seinem Leben war und auch weiterhin sein wird.

Bei der Lagerverwaltung trafen jetzt Gesuche der Trudarmeizen ein wegen Entlassung aus der Trudarmee. Einigen wurde auch erlaubt, zu ihren Familien zu fahren. Den meisten aber hatte man die Gesuche abgelehnt und vorgeschlagen, ihre Familienangehörigen wiederherzuholen. Einige der Mobilisierten folgten dem Vorschlag. Andererseits hieß es in der Verordnung über die Spezpereselenzy, daß die Spezkommandantur nach ihrem Gutdünken größere Gruppen der Spezpereselenzy von einem Ort zum anderen übersiedeln könne, wo diese als Arbeitskraft gebraucht werden. Damit war gesagt, daß die während des Krieges mobilisierten Trudarmeizen bis jetzt hier am Nötigsten gebraucht werden.

Ende Mai erreichte Eduard Weiß wieder eine traurige Nachricht, die ihn wie ein harter Schlag traf: Marfa schrieb, daß seine Mutter so plötzlich an einem heftigen Herzanfall verschieden sei. Sie sei mit großer Sorgfalt auf dem örtlichen Friedhof bestattet worden. Die kleine Lida habe man in einem Kinderheim untergebracht...

So ist das menschliche Leben eingerichtet. Manche Menschen treffen die Schicksalsschläge einer nach dem anderen.

Drei Tage lang fand sich Eduard keinen Platz vor Kummer und Leid. Sein Chef erlaubte ihm, seine Braut zu besuchen und befreite ihn für drei Tage von der Arbeit.

Jetzt war der letzte Faden, der ihn noch mit seiner Familie enger verband, gerissen. In das Dorf zu fahren, wo seine Mutter begraben war, hatte für ihn jetzt keinen Sinn mehr. Sein einziger Trost war nun Annchen für ihn geblieben. Er wollte aber in keinem Fall in dieser Waldgegend für immer verbleiben. Und noch ein Umstand machte ihm jeden Tag immer mehr Sorgen: er sehnte sich mit jedem Tag mehr nach seiner Lieblingsarbeit als Tischler. Hier würde er niemals eine solche Arbeit ausführen können.

Annchen war über seine Ankunft sehr erfreut. Sie tröstete ihn und versuchte auf verschiedene Art, seinen Kummer zu lindern. Für Eduard war es wirklich ein großer Trost, dieses Mädchen in seiner Nähe zu haben, er überschüttete sie mit Zärtlichkeiten.

Diesmal machte Eduard bei der Sowchosleitung den Versuch, hier Anstellung zu bekommen, damit er ständig in der Nähe seiner Frau sein könnte. Er nannte jetzt schon offen Annchen seine Frau. Der Sowchosdirektor versprach, die Kaderabteilung anzufragen, denn er selbst könne diese Frage nicht entscheiden.

Mit schwerem Herzen kam Eduard diesmal zu seinen Kameraden in die Baubrigade zurück.

Nach einigen Tagen fragte ihn sein Chef, ob er denn wirklich versucht habe, die Baubrigade zu verlassen. Eduard bejahte. Darauf sagte der Mann:

«Ich verstehe dich ganz gut, Genosse Weiß. Aber gerade jetzt kann ich dich nicht entbehren. Unsere Brigade braucht man wiederum für eine Arbeit, und zwar für Wegebau. Die Eisenbahnstrecke, die durch den Waldmassiv hier geht, soll eiligst weiter in nördlicher Richtung gezogen werden. Ich vermute, daß man diese Strecke mit der Bahnlinie, die nach Kotlas führt, verbinden will.»

So endete der Versuch Eduards, sich mit Annchen zu verbinden, wenigstens in ihrer Nähe zu arbeiten. Sein Chef aber gab ihm zu verstehen, daß, womöglich in nächster Zeit, andere Einstellungen eintreten werden, denn er vermute so etwas.

Am 9. August kam die Meldung durch das Radio, daß die Sowjetunion mit dem kapitalistischen Japan im Kriegszustand stehe und bereits die manshurische Grenze überschritten habe, wo eine große japanische Armee konzentriert war und die ganze Manschurei in Okkupation hielt. Dieser Krieg dauerte nicht mal einen Monat

lang. Bereits am 2. September 1945 war in Tokio das Protokoll der bedingungslosen Kapitulation unterschrieben worden. Diese Operation der Sowjetarmee war eine gewaltige Unterstützung für die chinesische Freiheitsbewegung, die nach der Okkupation Nordchinas von den Japanern immer wieder unterdrückt wurde.

Eduard Weiß arbeitete nun mit seinen Genossen am Bau der Eisenbahn. Für diese Arbeit waren noch einige Brigaden eingesetzt worden. Es waren schon weit bessere Lebensverhältnisse für die Arbeiter geschaffen worden. Sie erhielten jetzt einen bestimmten Monatslohn. Auch waren Brotkarten und Karten für andere Nahrungsmittel eingehändigt worden. In der Speisehalle hatte man jetzt andere Regel eingeführt. Jeder bestellte nach Wunsch und bezahlte bar. Man konnte auch nach Belieben Zeitungen bestellen. Sie unterschieden sich von den Arbeitern in der Stadt nur dadurch, daß sie ihre Arbeitsstelle nicht nach Belieben wechseln konnten.

Am 20. November kam die Nachricht, daß in Nürnberg der Prozeß über die Hauptkriegsverbrecher begonnen hat, der sich dann fast für das ganze Jahr 1946 hingezogen hatte. Also hat man einige der Hauptschuldner an dem großen Elend der Menschen zur Verantwortung gezogen. Nicht nur die Sowjetunion, sondern die ganze Welt verfolgte in den Zeitungen diesen Prozeß. Es war gleichzeitig ein gutes Warnungssignal für die künftigen kriegslustigen Militaristen.

Mit der Arbeit an der Eisenbahnstrecke ging es zügig voran. Jetzt nach Kriegsende wurde wiederum der achtstündige Arbeitstag eingeführt. Dann ereignete sich wiederum eine Begebenheit, die großes Aufregen bei den Trudarmeizen hervorgerufen hatte. Nur war es diesmal eine freudige Aufregung.

Im Lande bereitete man sich auf die Wahlen zum Obersten Sowjet der Sowjetunion vor. Die ersten Wahlen nach dem Vaterländischen Krieg. In den Kaiser Wald zu den deutschen Trudarmeizen kam ihr Kandidat, für den sie ihre Stimme bei den Wahlen abgeben werden. Es war einer der namhaftesten Sowjetschriftstellern der Sowjetunion. Die Begegnung mit ihm verlief sehr stürmisch und freundschaftlich. Dem Treffen wohnten Vertreter der Lagerverwaltung und Politabteilung bei. In seiner Rede wandte sich der Schriftsteller auch direkt an die Vertreter der Lagerverwaltung mit den vorwurfsvollen Worten, daß man ihn informiert hätte, hier, im Bereich des Lagers, arbeiteten auch freie Sowjetbürger deutscher Nationalität, seine Wähler. Aber zu seinem Bedauern habe er feststellen müssen, daß seine freien Wähler in umzäunter Zone wohnen, mit Wachtürmen an den Ecken, der Ein- und Ausgang der Trudarmeizen sei bewacht wie bei Sträflingen.

Ein stürmischer Beifall brach aus. Die Vertreter der Lagerverwaltung machten schiefe Gesichter. Und am nächsten Tag schon begann man die Wachtürme abzutragen, die Umzäunung wurde beseitigt und die Wache an der Pforte war auf einmal verschwunden.

Die ehemalige Zone hatte sich in eine kleine Siedlung verwandelt. Es gab aber noch wenig gut eingerichtete Wohnräume.

So verlief auch das Jahr 1946, ohne daß für Eduard Weiß und Annchen sich etwas zum Besseren geändert hätte. Eduard fragte des öfteren seinen Chef, wie es um die Änderung seiner Lage stehe. Der Mann antwortete ihm, er solle nicht verzagen, er habe seine Bitten nicht vergessen.

Das Jahr 1947 begann wie gewöhnlich, aber schon in Friedensverhältnissen. Eduard und Annchen trafen sich zwei-dreimal im Monat und hofften stets, daß dennoch bald eine Änderung eintreffen müsse. Während einer ihrer Zusammenkünfte gestand Annchen zaghaft und etwas beschämt Eduard, daß sie ein Kind erwartete. Eduard war freudig erregt, er umarmte und küßte sie herzlich, wobei er sagte:

«Das ist sehr gut, mein Schatz! Da wirst wenigstens du bald von hier wegkommen.»

Beide wußten, daß man schon einige Frauen, die hochschwanger waren oder schon geboren hatten, von dem weiteren Dienst an der Arbeitsfront befreit hat, und sie waren zu ihren Angehörigen nach Altai gefahren.

«Damit rechne ich auch», sagte Annchen.

Zufrieden verließ Eduard diesmal seine junge Frau. Für ihn war Annchen schon seine Frau, wenn sie auch amtlich noch nicht registriert waren. Für beide war das nur noch eine Formalität, die sie später zu beliebiger Zeit nachholen würden.

Man schrieb Februar 1947. Da kam der Befehl, daß die ehemalige Baubrigade in ihrem früheren Bestand wieder Bauarbeiter ausführen wird, und zwar außerhalb des Lagers.

Dieser Umstand erfreute die Zimmerleute. Nur wußten sie noch nicht, wo das sein wird und was für ein Bauobjekt es sein soll.

Bald darauf hat man die Baubrigade zusammengerufen. Der Bauchef erläuterte, die Lagerverwaltung hätte mit der Eisenbahn einen Vertrag abgeschlossen, an der Bahnstation Jar, die jeder der Anwesenden gut kannte, ein neues Stationsgebäude aus Holz aufzubauen. Für Baumaterial und Arbeitskraft werde die Lagerverwaltung aufkommen, ebenso auch für die Verpflegung der Arbeiter, was zu der Zeit auch kein leichtes Problem war. Weiter sagte der Chef, das Fundament sei schon fertig und der Baustelle habe man bereits Bauholz zugestellt. Die Arbeit könne im Verlaufe einer Woche beginnen.

Die Versammelten waren freudig erregt, da sie für die Zeit der Arbeit an diesem Bau wenigstens aus der Lagerumgebung herauskommen werden. Da meldete sich der maulfertige Fritz Becker und fragte, in welcher Frist laut Plan dieses Bauobjekt zu errichten sei. Der Chef antwortete:

«Laut Plan und Projekt soll das Gebäude in sechs Monaten schlüsselfertig sein, d. h. aber ohne die innere Einrichtung. Das ist schon Sache der Eisenbahner.»

«Ich hätt do n Vorschlag», sprach Fritz weiter. «Mir verflichte uns, den Bau in fünf Monat fertigzumache mit guter Qualität. Nor soll uns die Lagerverwaltung, die ganze Baubrigade mahn ich, zu unsre ne Familie haarnfahre losse...»

Lauter Beifall erschallte. Der Bauchef lächelte zufrieden und sagte:

«Gut. Ich werde euren Vorschlag dem Vorstand unterbreiten. Beide Organisationen sind daran interessiert, den Bau vorfristig fertiggestellt zu sehen. Es gäbe dabei nicht wenig Ersparnisse, und besonders an Arbeitslohn, weil ihr doch nicht auf Stückerarbeit arbeiten werdet. Ich denke, die Verwaltung wird darauf eingehen.»

«Wir können unsere Verpflichtung sogar schriftlich geben», warf noch Eduard Weiß ein.

Damit endigte die Versammlung und alle Teilnehmer gingen zufrieden auseinander.

Dreizehntes Kapitel

Der Vorschlag der Baubrigade und ihre schriftliche Verpflichtung, den Bau mit Planvorlauf auszuführen, wurden von der Lagerverwaltung gutgeheißen. Zu den Bauarbeitern sagte man: «Sofort nach Abschluß der Arbeit und Übergabe des Gebäudes werden wir euch allesamt von der Mobilisation aus dem Lagersystem befreien, damit ihr zu euren Familien fahren könnt.»

Zu den zehn Zimmerleuten kamen noch vier Hilfsarbeiter dazu, und die Baubrigade fuhr mit dem Bauingenieur an die Station Jar.

Schlafräum mit Bettwäsche und gute Verköstigung war der Baubrigade gesichert. Es gab gute Arbeitsverhältnisse. Die Tageration sah täglich Fleischspeisen vor, die aus amerikanischen Fleischkonserven bestanden. Das waren für die bestehende Lage im Lande zugleich nach dem Krieg ausgezeichnete Verhältnisse. Die Arbeit am Bau wurde sofort begonnen.

Sowohl der Bauingenieur als auch der Vertreter der Eisenbahn waren mit der Qualität der Arbeit vollkommen zufrieden. Die Männer staunten nur darüber, daß man so flink und so geschickt arbeiten konnte. Auch die Arbeiter selbst waren zufrieden. Sie waren nun gut aufeinander eingespieltes Kollektiv, und die Arbeit schritt lustig voran.

Abgesehen davon, daß es mit dem Bau eilte, haben die Arbeiter die Ruhetage streng eingehalten. An den Ruhetagen rasierte man sich, ging ins Bad und ruhte sich gehörig aus. Eduard opferte dennoch jeden Monat einen Tag für Annchen und besuchte sie im Sowchos. Beide zählten jetzt die Tage und Stunden, wann sie für immer zusammen sein werden können. Annchen nahm mit jeder Woche sehnlich an Umfang zu. Sie war aber stets in Bewegung und ertrug die Schwangerschaft ohne besondere Beschwerden.

Eduard wiederholte nicht einmal, wenn er bei Annchen weilte die Redewendung, die sein Großvater oft gebrauchte:

«Die Zeit ist nicht an den Stock gebunden, sie bewegt sich stets vorwärts, mag dir es gut ergehen oder schlecht. Unser Bau kommt gut voran. Wir erfüllen unsere Verpflichtung pünktlich. O, Annchen, mein Herzblatt! Wir werden dann ein glückliches Leben führen! Und wenn wir gleich von hier mit bloßen Händen wegfahren Arbeit werden wir in deiner Heimatstadt schon finden. Und wer arbeitet, der bekommt auch Kleider und Schuhe, nicht wahr, Frauen?»

Annchen hielt Eduard an der Schulter umschlungen und strahlte vor Freude und Glück.

Eduard malte sich in Gedanken die Zukunft aus: wie er sich ein Eigenheim einrichten wird; wie er sein Söhnchen erziehen wird... daß Annchen ihm einen Sohn schenken wird, darin war er sich sicher, denn anders konnte es auch gar nicht sein; dann wird er seine Töchterchen aufsuchen und zu sich nehmen... Emma kann dem Kind nicht die nötige Erziehung bieten, sie ist zu leichtsinnig, zu flattrig, Annchen ist ganz anders im Charakter...

Gutgelaunt erschien dann Eduard früh am Morgen auf seiner Arbeitsstelle. Was macht es schon für einen jungen Mann aus, wenn er die halbe Nacht nicht geschlafen hatte. Er erinnerte sich an seine Landsleute zu Hause an der Wolga noch, in Grüntal. In der heißesten Arbeitszeit im Sommer schliefen die Bauern überhaupt nicht mehr als drei-vier Stunden in der Nacht.

(Fortsetzung folgt)

Юбилей Гауптмана

РАССКАЗ

Перетянуть на сторону национал-социализма немецких писателей, состоящих членами других партий и политических движений, является одной из главных ваших задач, — сказал Геббельс сидящему напротив Розенбергу.

Дело в том, что в последнее время на Розенберга было возложено много новых обязанностей: заведующий отделом внешней политики национал-социалистической партии, особо уполномоченный по делам религии и идеологическому воспитанию, имперский министр восточных оккупированных территорий, генерал войск СС и СА. В империи много министров, но не рейхсминистров. Геббельс задел самое слабое место, тем не менее он не упрекал, а выражал надежду на положительные результаты в этом деле. Альфред внимательно слушал.

— В Верхней Силезии проживает писатель-драматург Герхарт Гауптман. Осенью ему исполнится восемьдесят лет. Из немецких писателей он первый стал лауреатом Нобелевской премии. Думаю, что его юбилей надо отпраздновать на весь мир, — продолжил Геббельс.

— Господин рейхсминистр, он не проявляет никаких симпатий к нашему движению, несмотря на то, что остался на родине.

— Вам что-нибудь говорит тот факт, что, когда к власти пришла наша партия, Герхарт Гауптман находился в Италии. И находившихся за границей писателей мало кто вернулся, более того, сколько их уехало по разным каналам. А Гауптман вернулся.

— Тогда почему он не радуется победе национал-социалистов?

— Разве можно предъявлять претензии человеку в преклонном возрасте?

Геббельс и сам таил обиду на этого человека. С 1936 года министр пропаганды проводил ежегодно в городе Веймаре так называемый Конгресс немецких писателей. Он лично приглашал на них Гауптмана, однако всемирно известный писатель ни разу не удосужился принять в них участие. Министр пропаганды не знает, что известно об этом факте народу, не любит вспоминать. Рейхсминистр не справился с каким-то стариком! Позор! Он боялся, что Риббентроп напомнит об этом. Чтобы собеседник не мог открыть рта, Геббельс по своему обыкновению повысил тон и затараторил безостановочно:

— Дорогой мой Альфред, объединенные силы Германии, освободив Украину от большевиков, продвигаются на восток двумя группировками. Ожидается, что этой осенью правая группировка возьмет Кавказ, а левая группировка у Сталинграда перейдет Волгу. Именно в это время Герхарту Гауптману исполнится восемьдесят лет. Значит, надо восславить на весь мир великого писателя, победу немецкого оружия, славное руководство национал-социалистической партии, гений фюрера. Поэтому, начиная с «Фолькишер беобахтер», все газеты и журналы империи должны подготовить подборки про Гауптмана, радио должно выступить на весь мир с большой программой. В стране не должно остаться ни одного театра, не поставившего его пьес. Должны выйти новые тома его книг, вам же необходимо найти время, поехать в Силезию и лично переговорить с писателем. Конечно, об основной идее ему не говорите, это будет следствием самой логики победы. И Гауптман от этого никуда не деться! Посмотрим, что будут делать после этого всякие Манны, обливающие нас грязью!

* * *

В одну из поездок в Польшу в качестве министра восточных оккупированных территорий Розенберг направился в сторону Исполинских гор. Гауптман проживал в своей чудесной вилле на горе Визенштайн, отстроенной в стиле средневекового

замка. Асфальтобетонная дорога обвивала гору, чтобы можно было полюбоваться красотой замка со всех сторон. Розенбергу было не до пейзажей Исполинских гор. Он спешил к писателю. В зависимости от места обзора вилла выглядела то двухэтажной, то трехэтажной, а при входе островерхая красная крыша венчала одноэтажное здание.

В прихожей выставлены мраморные бюсты великих немецов, под потолком в готическом стиле развешаны люстры из майсенского фарфора. Перила ведущей наверх лестницы вырезаны из дуба в виде ползучих змей, драконов. На стенах развешаны олени, сайгачьи рога, головы кабанов, горных козлов. С ними перемежаются картины мастеров прошлого века на библейские темы. Все деревянные изделия покрыты черным лаком, даже красные кирпичи сверкают особенными красками. Огромный камин украшают два веселых ангела. Стоящие перед камином кресла с высокими спинками покрыты шкурами диких животных. На полу шкура медведя.

Беседа Розенберга с писателем проходила в рабочем кабинете с богатой библиотекой.

— Из новых руководителей Германии вы первый, кто ко мне приехал. Чем заслужил я такую честь? — спросил писатель, лицо которого было испещрено глубокими морщинами, а седые волосы покрывали только виски.

— Уважаемый писатель, на свете происходят великие события. На весь мир гремит слава немецкого оружия, поставившего на колени всю Европу. А вы, как патриот своего народа, молчите.

— Разве Европа раньше хуже жила?

— В окружении Исполинских гор вы совсем отстранились от политики.

— Завоевать силой оружия страну — значит стать ее врагом.

— Новые законы всегда встречали сопротивление.

— И что это за законы?

— Закон о превосходстве немецкой нации. Будущее должно принадлежать немцам.

Гауптман надолго задумался, грозно опершись о подлокотник кресла.

— В чем вина изгнанных из страны евреев? — приподнял он голову.

— Евреи вынудили немецкий народ к Версальскому договору. Евреи лишили нас колоний в Африке, и вообще евреи всегда притесняли наш народ.

— Евреи были и среди тех, кто прославил Германию. Сколько они дали стране талантливых сыновей и дочерей.

— С приходом к власти национал-социализма страну прославляют немецкие юноши и девушки.

— Оружием или пером?

— Дорогу перу прокладывает оружие.

После некоторой паузы Гауптман заметил:

— Сколько исчезло моих друзей евреев. Все они были талантливыми, трудолюбивыми людьми.

— И среди немцев много таких.

— Но и они не были бы лишними. Я вообще не понимаю, как можно построить рай одному народу за счет другого.

— Уважасмый господин Гауптман, это не ваши заботы.

— Может быть, может быть, — кивнул старый писатель. — Теперь вернемся к началу нашей беседы. Так чем я обязан столь высокой чести?

— В этом году вам исполняется восемьдесят лет?

В знак согласия Гауптман вновь кивнул.

— Руководство национал-социализма думает провести ваш юбилей соответственно вашей мировой известности, — начал Розенберг и повторил все слова, сказанные в кабинете Геббельса.

Гауптман не произнес ни звука, даже не шевельнулся.

— Поэтому вам следует приехать в Берлин, — закончил свою затянувшуюся триаду Розенберг.

Когда Розенберг, извинившись за беспокойство, ушел, Гауптман долго оставался в той же позе. У него были и свои дела в Берлине, из-за которых он собирался туда поехать, но об этом он ни слова не сказал гостю.

Розенберг доложил Геббельсу о своей беседе с Гауптманом.

— Настолько состарился, что не может толком разговаривать, — заключил Розенберг.

— Все зависит от настроения человека. Посмотрим, как он себя почувствует, когда народ будет скандировать: «Да здравствует Гауптман!» Его безмолвие враги используют против нас: «И Гауптман не признает национал-социализм». Я должен быть в курсе, когда он появится в Берлине.

Дальнейшие события неожиданно обрели быстрое развитие. Вскоре Розенберг сообщил Геббельсу, что Гауптман прибыл в Берлин и остановился в отеле «Адлон». Министр пропаганды накрыл богатый стол, рассчитывая, что это будет началом чествования великого писателя. С ними должен был быть лишь Розенберг. Помощник, посланный к Гауптману с приглашением, доложил, что писатель молча выслушал его и ничего не ответил.

Кто не мечтает отобедать с одним из великих персон империи?! Сколько людей хотели бы пригласить рейхсминистра в гости, не говоря уж о том, чтобы самим побывать у него в гостях. Поэтому Геббельс без малейших сомнений готовился к приему Гауптмана с супругой. Розенберг заявился загодя, часы пробили названное время — а писателя все нет. Нетерпеливый Розенберг позвонил в отель «Адлон», где сообщили, что Гауптман уехал в театр.

— Если этого потребуют интересы национал-социализма, то доктор Геббельс готов пойти на любые унижения, — жеманно произнес министр пропаганды, бессильный причинить что-либо великому драматургу.

На следующий день Геббельс заказал себе стол в отеле «Адлон», куда и направился с Розенбергом. Дверь «люкса» открыла супруга Гауптмана — фрау Маргарет. Писатель оставался сидеть в кресле, лишь окинул вошедших косым взглядом.

— Господин Гауптман, вас пришел приветствовать сам рейхсминистр, имперский министр пропаганды Иозеф Геббельс, — напыщенно представил Розенберг.

— В свое время ко мне приходил и Луначарский, — ответил Гауптман.

— Кто это? — спросил Розенберг.

— Министр пропаганды России, — нервно заметил Геббельс. — Вот вы, наш уважаемый соотечественник..

Но Гауптман перебил его:

— Он был не министром пропаганды, а народным комиссаром просвещения.

— Вот вы, наш соотечественник, — вновь начал было Геббельс, но Гауптман снова перебил его:

— Не старой России, а большевистской России...

— Вот вы, наш уважаемый соотечественник... — в третий раз обратился Геббельс к Гауптману.

Гауптман повернулся к жене:

— Маргарет, приближается время отправления Дрезденского поезда. Наверное, Кете заждалась нас.

Не обращая ни на кого внимания, словно и не руководитель империи перед ним, Гауптман по своему обыкновению стал расхаживать, сердито поторапливая жену.

— Ну что там готовиться, мой Герхарт возьмет портфели — и в путь.

— Каждому свое, но Кете не должна нас долго ждать, — настаивал старый писатель.

Гауптман взял в каждую руку по портфелю и вышел.

Еле сдерживая ярость, Геббельс круто повернулся к двери и, трипадая на больную ногу, пошел к машине, за всю дорогу не проронив ни звука. В кабинете он разразился руганью. Дав слово словам, он сильно побледнел, глаза сверкали, губы, горло пересохли, слова вылетали, как пули из пулемета.

— Мы все равно не отступимся. Мне нужно имя Гауптмана. Пусть он сидит взаперти в своем Визенштайне. Мы просто воспользуемся его именем. Мы его именем заткнем рот врагу. Его имя и сочинения будут служить национал-социализму! Пусть весь мир знает как национал-социализм уважает Гауптмана! Создана специальная комиссия по проведению юбилея Гауптмана. Его основная задача — сделать из пьес Гауптмана трибу-

ну по пропаганде идей национал-социализма. С этого дня Герхарт не пикнет. Поставлю охрану, ни души не допущу и сам буду выступать от его имени. Так мы достигнем еще одной победы.

С этого дня вся имперская пропагандистская система по подготовке к юбилею Гауптмана стала работать соответственно стремительному продвижению войск вермахта на восток.

***

В Берлине в это время проживал писатель Эрвин Дзингер. В 1915 году во время первой мировой войны он попал в плен к русским, был в Сибирских лагерях, в 1919 году на стороне Колчака воевал против Красной Армии. После крушения «правительства» Колчака бежал на Родину, где вмиг снюхался с нацистами и начал с ними сотрудничать. Он стал писать статьи, издавать книги о диктатуре пролетариата в России, большевиках, Советах, Красной Армии, своем побеге из Сибири и о самых разных событиях, происходивших в мире. Материалы только набирающей силы коммунистической партии Германии о Советском Союзе терялись среди лживых статей Дзингера. Поэтому как «специалисту по России» среди националистов решением министра пропаганды о проведении юбилея Гауптмана ему было поручено подогнать под идеи национал-социализма пьесу драматурга «На закате». Засучив рукава, он взялся за работу, но вскоре понял, что все не так просто. Классик драматургии выписал каждый образ, каждый диалог, каждое событие так, что невозможно было что-либо переиначить. Дзингер был в растерянности. Он понял, что не может выполнить задание, но и откровенно заявить об этом тоже не может, так как считался одним из авторитетнейших идеологов нацизма... Что же делать? Как спасти не только свое положение, но и голову? И тут его осенило. Да, да, это верное решение. Но об этом не должна узнать комиссия. Если они доложат Геббельсу, тот может обвинить Дзингера в нежелании выполнить поручение министра пропаганды. А что за этим последует... Поэтому надо использовать самого фюрера. Только как, через кого? И вот Дзингер обратился к начальнику канцелярии национал-социалистической партии, секретарю фюрера Мартину Борману, с которым был лично знаком. Разговор начался с вопроса о юбилее Герхарта Гауптмана.

— Своим творчеством он способствовал победе большевиков, — взял быка за рога Дзингер.

— Немецкий писатель помогал большевикам?

— Дело вот в чем: в начале века этот человек написал пьесу «Ткачи», повествующую о восстании Силезских ткачей 1844 года. В свое время сестра Ленина перевела ее на русский

язык и читала в рабочих кружках. Сам Ленин обязательно ходил на нее, в каком бы театре она ни ставилась. В своих же целях они издали ее отдельной книгой под редакцией Ленина. Первая пьеса Гауптмана называется «На восходе», последняя — «На закате». Если в первой говорится о пробуждении сознательности немецкого рабочего класса под влиянием социал-демократов, то в последней победу нацизма он преподносит как «закат» немецкого народа. (Дзингер вдохновенно врал, надеясь только на то, что Борман, как и остальные вожди нацизма, произведения Гауптмана не читал.) А в пьесе «Тьма», написанной в наши дни, при похоронах бургомистра, еврея, ариец со слезами на глазах говорит: «Из этого мира ушел лучший из лучших, много трудившийся на благо нашего города». После этого можно ли показывать народу пьесы Гауптмана?

— Известно ли обо всем этом министру пропаганды?

— Понятия не имею. Но считаю, что такие избранные люди империи, как вы, должны об этом знать. К тому же надо помнить о мнении, высказанном в «Фолькише беобахтер»: «При восхвалении таланта надо исходить с точки зрения географии».

— Как вас понимать?

— Гауптман — житель Силезии. Если его возносить, то возвысится репутация силезцев. А по нашей идеологии надо, чтобы дух Баварии был выше. Рождение национал-социалистического движения, его развитие непосредственно связано с городом, его столицей Мюнхеном. Об этой стороне дела ни в коем случае нельзя забывать.

На этом закончилась аудиенция Дзингера к Борману. Конечно, он не просил: «Доложите о сказанном фюреру». Он просто был уверен, что как только выйдет из этого кабинета — Борман тотчас же побежит к Гитлеру.

* * *

Как только Гитлер узнал о юбилее Гауптмана, тут же вызвал Геббельса. Канцлер говорил безостановочно, мелко шагая своими короткими ногами. А Геббельсу ничего другого не осталось, как только слушать, успевая крутиться за ним.

— Первая пьеса Гауптмана называется «На восходе», последняя — «На закате». Если в первой говорится о пробуждении сознательности немецкого рабочего класса под влиянием социал-демократов, то в последней победу нацизма он преподносит как «закат» немецкого народа. А в пьесе «Тьма», написанной в наши дни, при похоронах бургомистра, еврея, ариец со слезами на глазах говорит: «Из этого мира ушел лучший из лучших, много трудившийся на благо нашего города». К тому же Гауптман — житель Силезии. Если его восхвалять, то возвысит-

ся репутация силезцев. А по нашей идеологии надо, чтобы дух Баварии был выше. Рождение национал-социалистического движения, его развитие непосредственно связано с югом, его столицей Мюнхеном. Об этой стороне дела ни в коем случае нельзя забывать.

— Мой фюрер, — успел произнести Геббельс, но Гитлер разъярился еще сильнее.

— Когда я вам сказал перевезти Дрезденскую галерею в Мюнхен?

— Работа идет полным ходом, мой фюрер!

— Когда открытие?

— Как только армия Паулюса выйдет на восточный берег Волги, в тот же день состоится открытие мюнхенской галереи.

— Я лично поеду на открытие. Бавария, в целом юг, по сравнению с другими регионами должны быть по духу на голову выше. Если кого-то надо повысить по службе, то такого в первую очередь ищи среди баварцев. Возвышай южан. Немедленно прекрати возню с юбилеем Гауптмана. Мне более по душе юбилей любых штурмовиков — выходцев с юга.

Геббельс в тот же день распорядился свернуть все приготовления, связанные с восьмидесятилетием Гауптмана. Ни радио ни газеты не должны были говорить об этом ни слова, отменили издание книг, постановку пьес. По приказу Гитлера имя Гауптмана должно было быть забытым.

Сам же виновник несостоявшегося торжества спокойно проживал в окружении Исполинских гор. Однако одно событие все же напомнило ему о юбилее. В те же дни он получил с фронта два послания. В одной посылке находилась книга Гауптмана, изданная в России в начале XX века. Неизвестный солдат, отправивший ее, написал: «Эту книгу я нашел в русском окопе. Зачем же я стрелял в человека, любившего читать немецкого писателя?» Из второй бандероли извлекли один экземпляр советского журнала «Театр», изданного накануне войны. «Этот журнал я нашел в одном заброшенном селе под Смоленском. В нем статья о вашей пьесе, поставленной в России перед самым началом войны. Мы же не дали возможности русским посмотреть пьесу немецкого писателя. После этого, каков же будет конец нашего «спектакля»? — спрашивал безмянный солдат.

Гауптман, сильно упершись в спинку кресла, сказал жене:

— Меня, оказывается, одинаково почитают и русские, и немцы. Сегодня я в этом убедился. Что может быть дороже этого подарка к моему юбилею? Похоже автор последнего письма весьма умный человек. «После этого, каков же будет конец «нашего спектакля»? — спрашивает он.

В этот же день Гауптман был в прекрасном настроении.

июня 1946 года. Многие немецкие писатели, воевавшие на стороне Советского Союза, с Советской Армией вернулись на родину. Один из них — известный поэт Иоганнес Бехер получил из далекой Силезии печальную весть: вчера умер известный драматург Герхарт Гауптман, оставивший завещание: «Порроните меня на острове Хиддензее». С думой о том, что вчерашняя фашистская Германия наконец-то должна стать на путь демократии, воспрять от последствий жестокой войны, Бехер отправился к представителю Советской контрольной комиссии маршалу Жукову. Сомнения одолевали его. Легко ли отвезти тело умершего аж на север страны, когда кругом разруха, беспорядки? Нужно еще суметь вкратце объяснить маршалу, что такой Гауптман, что он значит для немецкой литературы. Такие слова дойдут до солдата? Объяснить подробно просто не будет времени. Нет! Не исполнить воли покойного! Вот уж воюют враги: вот они, коммунисты! Даже не могли исполнить последней воли покойного, известного писателя, лауреата Нобелевской премии...

Терзаемый сомнениями, Бехер еле плелся. «Была не была, скакну», — подумал он, хотя в успех мало верил.

Высокого, плечистого, с редкими волосами, в очках с толстыми стеклами, человека маршал встретил в центре просторного кабинета.

— В результате двенадцатилетнего фашистского гнета Германия превращена в пепел и руины. Национальное достояние захоронено под пеплом. Народ можно поднять лишь высокой моралью и духовностью, — начал Бехер, стараясь говорить как можно убедительнее. — В этих целях из числа прогрессивных немецких деятелей культуры мы создали союз «Культурбунд». Я председатель этого союза.

— Знаю, — ответил маршал. — Начальник отдела культуры контрольной комиссии полковник Тюльпанов принимал участие на презентации. Я помню слова из вашего доклада, которое сказал мне полковник: «Никто из известных немецких писателей не остался, чтобы помогать нацистам». Тем самым вы показали, по какую сторону баррикад был истинный дух нем-

Жуков, заметив замешательство Бехера, дрожащими руками протиравшего толстые стекла очков, продолжал:

— Мы с вами председатели двух больших организаций. Задачи у нас общие, права одинаковые. Говорите без стеснения, товарищ Бехер.

— Благодарю вас, товарищ маршал. В Верхней Силезии прожил старейший немецкий писатель Герхарт Гауптман. Вчера он умер, — далее Бехер рассказал о завещании покойного.

Маршал приказал адъютанту срочно собрать начальников управлений и вновь повернулся к Бехеру.

— Примите мои соболезнования, — протянул маршал руку поэту.

— Благодарю вас, товарищ маршал, — успел снять и одеть очки Бехер.

— Понимаю, почему вы пришли ко мне. В стране разруха. Мы еле восстановили железную дорогу.

Открылась дверь, стали входить начальники управлений и рассаживаться вокруг стола.

Жуков встал.

— Товарищи, вы знаете, что в немецкой литературе был период затишья. Я не говорю о затишье в период фашизма. Можно сказать, что немцев не было слышно в европейском литературном оркестре, особенно во второй половине прошлого века. Если в России Тургенев, Толстой, Достоевский, во Франции Флобер, Золя, Мопассан, в Англии Диккенс и Теккерея весь голос заявили о расцвете своего таланта, то Германия молчала. Этому было много причин. Я хочу сказать, что в конце прошлого века, наконец, раздался голос одного немца. Это был Герхарт Гауптман. Во второй мировой войне есть победители и побежденные, но есть еще и несдавшиеся врагу. Одним из таких борцов был Герхарт Гауптман.

Маршал стал говорить о жизни и творчестве Гауптмана, том, что его особенно ценил Ленин, с ним дружили Горький, Луначарский, Станиславский и Немирович-Данченко, его пьесы постоянно ставились в театрах нашей страны, да и сам смотрел некоторые из них, а Бехер сидел и изумленными глазами смотрел на советского солдата. Этот солдат своим маленьким докладом не только удивил Бехера, но и обогатил даже его знания.

— На второй день после освобождения Силезии маршал Рокоссовский доложил мне, что поставил Гауптмана на довольствие фронта. Вчера, в возрасте 84 лет, Гауптман умер, — сидевшие в кабинете маршала встали на минуту молчания, затем в очереди стали выражать соболезнование Бехеру. После того как офицеры вновь расселись по своим местам, Жуков продолжил:

— Гауптман завещал похоронить его на острове Хиддербее, находящемся в Балтийском море. Положение с транспортом известно. Для советских людей, коммунистов, и ничего важнее исполнения воли покойного. Во что бы то стало мы должны это сделать. Какие предложения будут по этому счету?

Офицеры загудели, один полковник встал и доложил, что можно выделить одну грузовую машину для гроба с телом усопшего и две легковые машины для членов его семьи.

— Мало! — оборвал его Жуков. — В данном случае надо помнить о следующем: согласно Потсдамской конференции Силеция возвращена Польше. Понятно, что в будущем соотечественники в Берлине откроют ему мемориальный музей. Поэтому необходимо доставить сюда все имущество Гауптмана.

Бехер лишь кивал головой, не отрывая взора от маршала.

— Начальник Управления железной дороги! — Сидящий у окна полковник вскочил. — Найдите один паровоз с десятком вагонов и отправьте по маршруту Берлин — Лигниц.

— Товарищ маршал, в том направлении много разрушенных мостов.

— Кто есть из саперов?

Встал сидящий поодаль полковник.

— В связи с демобилизацией старых солдат осталось мало людей.

— Остановить работы на других объектах, но мосты срочно должны быть восстановлены.

Встал начальник управления культуры полковник Тюльпанов.

— Товарищ маршал, имение писателя в некотором отдалении от станции Лигниц.

— Понятно! — произнес Жуков. — Во-первых, поручаю вам возглавить эту процессию. Во-вторых, от моего имени попросите маршала Рокоссовского организовать доставку имущества писателя в Лигниц.

— Есть!

Офицеры стали расходиться, а Бехер, не в силах удержать ручьем текущие слезы, сидел, утираясь носовым платочком.

Через два дня тело великого немецкого писателя было доставлено в разрушенный Берлин, в один из наспех отремонтированных залов. Среди пришедших проститься была и группа советских людей во главе с маршалом Жуковым.

К вечеру в сторону Балтики направился специальный поезд...

Перевел с казахского Т. АХМЕТОВ

Elf

GHASELEN

Nachdichtungen von
Nora PFEFFER

Dein geliebtes Gesicht, halb von seidigen
Locken verdeckt,
gleicht dem brennenden Licht, dessen Docht aus dem
Palmöl sich reckt.

Hast geopfert mein Herz und dein Antlitz mit
Blüten geschmückt?
Oder ist es mit Blutspritzern aus meinem
Herzen bedeckt?

Deine Wimpern verletzten wie Pfeile mir
Seele und Herz.
Du begannst sie zu heilen, dich hatte mein
Stöhnen erschreckt.

Allah schenkte dem Opfer der Liebe ein
buntes Gewand,
als an ihm ward das irdische grausame
Urteil vollstreckt.

Vom Gesicht hob den Schleier sie tückisch und
blendete mich,
um mein Herz mir zu stehlen, hat sie zu der
List sich erkeckt!

Hast gelegt in mein Herz deine tödliche
Liebe zu mir.
Der Wesir wird enthauptet, der Gold seines
Schahs zu sich steckt!

Warum spuckst du denn Blut, Nawoi, wenn dein
Herz noch nicht krank?
Warum ist dein Gesicht schon mit blutigen
Tränen befleckt?

* * *

Duftende Blüten streut der Maiwind über
die Gartenwege hin.
Nähert sich etwa leichten Schrittes meine
geliebte Königin?

Als ich erwachte aus der Ohnmacht, fragte
ich voller Pein und Qual,
wo sie herumirrt, denn mein Leben hat
ohne sie ja keinen Sinn.

Hab meine Seele in der Schänke treulos
verlassen, als ich trank.
Wird nun die arme Verstoßene wieder
zurück ins Herz mir ziehn?

Sagt nicht, die Stolze sei gekommen, die mich
erdolcht mit ihrem Blick!
Solch eine Tat kann zumuten man einer
gemeinen Mörderin.

Sagt nicht, daß ich im Sterben liege, daß mir
Mahsi zu Häupten steht!
Sagt lieber, ob die Schöne da ist, meine
bewährte Medizin?

Dir kam zu Ohren, ein Verliebter wollte
dich sehen heute nacht.
Dir aber kam's nicht in den Sinn, daß ich es
vielleicht gewesen bin!

Hat nicht mein Herz bereits gewählt den Weg des
Verzichts auf Liebesglück?
He, Nawoi! Wird sie auch kommen wie sie
versprach, die Heuchlerin?

* * *

Soll ich ihre gebogenen Brauen besingen?
Da weiß ich Bescheid.

Oder etwa den Schmerz, den die Augen mir bringen,
mein trostloses Leid?

Soll vielleicht ich die grausamen Blicke besingen,
der Lidwimpern Gift?

Oder etwa das Lächeln der schwellenden Lippen,
das mich hat erfreut?

Sollte ich nicht den Schmerz unsrer Trennung besingen,
der mich hat ereilt?

Oder etwa das Wiedersehn, das mich von all meinem
Gram hat befreit?

Soll vielleicht ich die seidigen Locken besingen,
ein zärtliches Wort?

Oder sei ihrer schlanken Gestalt, ihrer Anmut
mein Lied heut geweiht?

Soll vielleicht ihren schwebenden Gang ich besingen,
die zierlichen Schuh?

Oder etwa den weinroten Samtmantel über
dem hellblauen Kleid?

Soll vielleicht ich den lastenden Himmel besingen,
die Schmerzen der Welt?

Oder etwa die Qualen, die sie mir bereiten
zur Nachtwächterzeit?

Nawoi, warum willst du beschreiben der Augen
verschleiertes Schwarz?

Überlaß es doch mir, zu enträtseln der Augäpfel
Abgründigkeit!

* * *

Die arme hoffnungslose Seele mein ist
schon darauf gefaßt,
die Steppe der Verleumdung zu durchwandern
ohne Ruh und Rast.

Beworfen wird mit Steinen sie, aus Wunden
rinnt ihr heißes Blut.

Noch lebt sie, die so innig liebt, den
Eifersüchtigen verhaßt.

Ihr Haupt schlägt gegen Felsgestein, ihr schwindelt
von dem jähen Schmerz.

Schier unerträglich ist ihr Los, wie zentnerschwer –
die Liebeslast!

Liegt eine Seele liebeskrank dort auf des
Unglücks hohem Berg,
so dient als Kissen ihr ein Stein, als Lager —
Erde unbegrast.

Die Schöne hat in Finsternis verwandelt
meinen Lebensweg,
doch sind die Farben ihres Glücks vielleicht dadurch
auch schon verblaßt!

Die Schale ist anstatt mit Wein mit heißem
Sonnenblut gefüllt,
drum werden auch die Tränen mein zu riesigen
Planeten fast.

O Nawoi, sprich nicht so viel von deiner
Ausweglosigkeit.
In ihr gerade liegt der Weg, den du für
dich gefunden hast.

* * *

O Morgenwind, eil zu der Schönen, sag, ich wäre
liebeskrank.
Wer ist gleich ihr so schwarzäugig, so lieblich und
zypressenschlank?

Vor Kummer werde ich vergehn, wenn ich sie nicht mehr
sprechen kann.
Wie leuchteten die Augen schön, als sie vom süßen
Weine trank!

Die Lippen süß; voll Doppelsinn die Worte, die sie
damals sprach.
Seitdem ist meine Ruhe hin, ich bin wie auf der
Folterbank!

Frag nicht, warum die Trennungsnacht mein Lebenslicht
verdunkelt hat,
warum die tiefste Finsternis auf meine Seele
niedersank.

Die Schöne hat mir angetan so manche Schande,
manche Schmach.
Es bohrt der Schmerz sich mir ins Herz, gleich einem
Dolche
spitz und blank.

Wenn du, Prophet, mir sagen kannst, daß bis zu meinem
letzten Tag
das Gnadenlicht mir leuchten wird, so sage ich dir
vielmals Dank!

O Freund, erzähl der Grausamen, wie Nawoi sich
grämt und barmt,
denn seine Ruhe ist dahin, in Schmerz und Trauer
sie versank.

* * *

Ich wünsche keinem anderen, daß ihn wie mich
die Liebe plagt,
daß er berühmt wird durch die Schmach, die stur an seiner
Ehre nagt.

Als heimatloser Wanderer will singen ich
mein Liebeslied,
damit nur ja kein anderer die Schöne nach
dem Namen fragt.

O Allah, gern ertrage ich die allergrößte
Liebespein,
damit nur ja kein anderer die Grausame
zu lieben wagt.

Mag sein, daß mich der Tod ereilt, do bleib ich
meiner Liebe treu.
Drum bitte ich, daß keiner mich an meinem Grab
beweint, beklagt.

Errichte keinen Tempel mir im Herzen durch
dein Wort, o Freund!
Gebrochen hat sie längst mein Herz, weil nur das
Böse ihr behagt.
O Morgenwind, man munkelt, sie verbringe oft
die Nacht beim Wein.
Paß auf, daß sie nicht trunken wird, erzähl von mir
ihr, wenn es tagt.

O Nawoi, mag keiner sich des Reichtums
rühmen, den er hat:
Ich war der Glücklichste, als ich sie traf, doch
wurde ich verjagt.

* * *

Würde die Nachtigall singen, vom blühenden
Garten getrennt?
Würde der Papagei plappern, der keinen
Gesprächspartner kennt?

Würden die Flammen der Sonne von Seufzern
des Leids nicht gespeist,
ließen verlöschend, erkaltend, im Stiche
sie das Firmament.

Wundre dich nicht, daß in Stunden der Trennung
versiegt mein Gestöhn,
denn, ohne Seele geblieben, kein Körper
noch stöhnt oder flennt.

Hätte ich Tausende Seelen, so gäbe ich
alle sie her,
wär mir nur immer die Nähe der holden
Geliebten vergönnt!

Töte mich lieber, o Himmel, bloß nimm die
Geliebte mir nicht!
Gerne verzichtet aufs Leben der, der sich
zur Liebe bekennt!

In das verlockende Kerzenlicht stürzt sich
der Falter bewußt,
weil ja am hellichten Tage für ihn keine
Kerze mehr brennt.

Herrenlos würdest du streunen durchs Land,
Nawoi, wie ein Hund:
Ohne Geliebte, o, Allah, der Mensch ins
Verderben nur rennt!

* * *

Ob du mir treu bist oder nicht, mein Herz doch
immer für dich glüht.
Ob du mich tötest oder nicht, die Seele
niemals dir entflieht.

Rück von mir ab, du Zauberin, daß mir die
Seele nicht verbrennt.

Nein, rücke näher, denn kein Mensch, Geliebte,
dich hier mit mir sieht.
Wie soll ich offenbaren dir, was mein
Gemüt so tief bewegt?
In meinem Herzen für und für bleibst du
mein heimlich Liebeslied.

O lächele mir freundlich zu, schreck nicht
zurück vor dem Gestöhn;
der glühend heiße Liebstrank hat mir
mein armes Hers verbrüht.

Wenn deine Lippen rosarot sich öffnen
wie ein Blütenkelch,
so ist für einen Augenblick die schönste
Blume mir erblüht.

Für einen Narren hältst du mich und meinst, ich
wäre ganz verrückt,
weil es zu keiner anderen, zu dir allein
mich immer zieht.

Vor Liebe stirbt bald Nawoi, den du der
Treulosigkeit zeihst.
Wie irrst du dich, Verführerin, wie mißtrauisch
ist dein Gemüt!

* * *

Zu meinem eignen Unheil hab ich dich
tagein, tagaus begehrt.
Den Liebeskummer haben nun die schwarzen
Augen mich gelehrt.

Das Feuer deiner Augen hat mich plötzlich
siech und krank gemacht.
Doch als Arznei für mich hat sich ihr wunderbarer
Glanz bewährt.

Es haben ihre Liebe Hunderte zu
Füßen dir gelegt,
und leichtfertig hast Hunderte von Leben
du bereits zerstört.

Wie leicht hast du entfremdet dich dem, der dir
treu und nahe war.

Nun bist du einem Fremden nah, der findet
dich begehrenswert.

Im Traume seh ich dein Gesicht, das mich zu
einem Sklaven macht.
Die Sehnsucht nach der Treulosen an meiner
Seele grausam zehrt.

Die Seele suchte Ewigkeit, umsonst auf
dieser Erdenwelt.
Vergänglich wird die Ewigkeit, weil sie nun
mal nicht hergehört.

Gedichte über Liebe schrieb der
liebeskranke Nawoi.
Verliebte singen sie als Lied, als
Liebesmelodie verklärt.

* * *

Längst verlassen hat mich die Geliebte; mein
Glück ist versiegt.
Nur die zärtliche Stimme sich noch an die
Ohren mir schmiegt.

In Ruinen verwandelt hat sich meiner
Liebe Palast,
denn die Tränen der Einsamkeit haben die
Hoffnung besiegt.

In dem Netz deines lockigen Haars hat
verstrickt sich mein Herz,
einem Vögelchen gleich, das gefangen, schon
nirgendhin fliegt.
Wenn die Seele dir singt, alle Sträucher der
Freude erblühen,
und die schlanke Zypresse bezaubernd im
Tanze sich wiegt.

Das Geheimnis der Liebe bewahr ich in
mir bis zum Tod.
Auch Farhad hatte einst über dieses
Geheimnis verfügt.

Um zu stöhnen wie ich vor Verzweiflung und
brennendem Schmerz,

das Gerücht vom gebrochenen Herzen den
Leuten genügt.

Nawoi, danke Allah für das dir
beschiedene Los,
denn ein liebendes Herz sich mit Krümeln der
Freude begnügt.

* * *

Wozu brauch ich die Blume, wenn feuriges Wein in die
Adern mir dringt?
Wozu brauch ich den Wein, wenn es nicht meine Blume ist,
die ihn mir bringt?

Wozu brauch ich das Fest, wo in Sternschalen perlender
Wein mir gereicht,
wenn des Abendsterns Liebesgesang mich beim üppigen
Mahl nicht beschwingt!?

Wozu gehen am Himmel denn Sonne, Mond, Venus und
Jupiter auf,
wenn der rötliche Mars mir vom sternweiten Zelt nicht
verheißungsvoll winkt?

Wozu brauch ich denn all die Gestirne, die ich mir voll
Schnsucht gewünscht,
wenn ein Plätzchen zu finden im Wirtshaus gemütlich, mir
diesmal mißlingt?

Warum hat denn so früh schon geschlossen der Schankwirt sein
gastliches Haus?
Gibt es denn einen Mann in der Welt, der sich nicht auch mal
gerne betrinkt?

Eine Wohltat — am Tage zu ruhen, von ehrlichen
Freunden umringt,
bis verraten du wirst von dem Himmel, der leicht in die
Knie dich zwingt!

Nie vergessen wirst du diesen Tag ohne Sorge und
Kummer und Leid,
und begleiten wird er dich durchs Leben, sei es auch vom
Kismet bedingt.

Wenn Musik klingt beim Festmahl des Lebens, wird einem die
Seele erfrischt.

Möge nichts diese Klänge gefährden, daß das Lied nicht auf
einmal verklingt!

Wenn als einsamer Pilger du ewig zu leben
gedenkst, Nawoi,
so bewahre in deinem Gedächtnis nur Allah, so
dir es gelingt!

Адам ВИЛЬГЕЛЬМ,
Курт ВИЛЬГЕЛЬМ

Роль немцев в деловой жизни России

В собственности российских немцев было значительное число маслобоен, в том числе одна из значительных в Орехове, Таврической губернии, принадлежавшая Розенштейну. Крупнейший производитель сыра был В.И. Бландов (1844–1906), дворянин, землевладелец, бывший морской офицер. Вместе с Н.В. Верещагиным «отцом молочной кооперации» и братом знаменитого художника-баталиста Бландов отдал дань «хождению в народ». В 60–70-х гг. XIX в. Бландов организует сыроваренные артели. В 80-х гг. у него появляются собственные предприятия в Костромской, Ярославской, Тверской и Новгородской губерниях. В 1890 г. он имел до 25 сыроваренных заведений, и под его руководством действовали 14 артелей. Позднее Бландов организовал сыроваренное дело на Кавказе, экспорт масла на Урал и в Сибирь, наладив в широком масштабе производство молочного инвентаря. Харьковский фабрикант земледельческих машин Гельферих-Садде организовал в своем имении близ Харькова молочный и сыроваренный заводы для переработки молока от 200 дойных коров.

* Окончание. Начало в номере Зима, 1998.

Предприниматель Петерс совместно с братьями Жуковскими основал в 1873 г. в Керчи один из первых рыбоконсервных заводов.

Одним из лучших в бывшем Советском Союзе сортов пива считалось «Жигулевское». Его «крестным отцом» был Альфред фон Вакано — владелец крупного пивоваренного завода в Самаре, а по совместительству — любитель и собиратель восточного искусства. Основанное им в 1880 г. товарищество пивзавода стало вскоре торговать за пределами губернии, а самарцы получили к своему столу венское пиво, а затем и жигулевское. Пресса писала о предприятии Вакано, выделяя его как образец для подражания: «Самый завод отличается чистотой и порядком, доселе на наших заводах подобного рода не виданным... Само здание завода, имеющего германский тип, может служить украшением города». В Казани пивоваренный завод принадлежал фирме «Петцольд и К°». Крупнейший пивзавод в Москве был в собственности немецкой фирмы «Южная Бавария». В Киеве переработкой меда и производством пива занимались два предприятия, принадлежавшие Киево-Печерской лавре и германской подданной Х. Марр. Кроме того, здесь располагались пивзаводы К. Вейсе, В. Рихарта, Шульца. В Лубнах Полтавской губернии имел пивзавод австрийский подданный Брыниг, а в селе Широком Екатеринославской губернии такой завод построил местный предприниматель Штеккель. Список владельцев пивоваренных предприятий можно было бы продолжить. Из собственников винокуренных заводов можно отметить А.А. Гагенмейстера (брата известного экономиста Ю.А. Гагенмейстера), которому принадлежало несколько таких заводов в Тульской губернии.

Предприниматель из Германии Карл Раух построил в 1858 г. мощный сахарный завод в Корюковке Черниговской губернии, на котором работали 350 человек, практически все взрослое население села. Скупив в Чугуевском уезде Харьковской губернии значительные участки земли в 70–80-х гг. XIX в. и используя дешевую рабочую силу, немецкие капиталисты Роттермунд и Вейсе организовали крупное капиталистическое хозяйство — экономии по производству сахарной свеклы, пшеницы и ячменя, построили завод в селе Лебяжьем.

Вскоре после своего вступления на престол император Александр II разрешил курение в общественных местах, что безмерно обогатило табачных фабрикантов Миллера и Гупмана, выпускавших папиросы, чисто российское изобретение, трех сортов: тонкие и длинные — фerezли; толстые и короткие — мажеские; наконец, специально для театралов появились папиросы на две затяжки, называемые — антракт. Из предприятий,

работающих на сырье, общем с пищевой промышленностью, наибольшими оборотами отличались мыловаренный завод Санценбахера и Енни в Одессе и стеариновая фабрика Финка в Киеве.

* * *

Российские немцы успешно занимались препринимательством и в других видах производства материальных благ. А. Циглер содержал в Александровске каретную фабрику, К.К. Вагнер изготовлял экипажи в Петербурге. Здесь же трудился К. Вейдель, известный мастер по дереву, специализировавшийся на изготовлении рам для картин, расходившихся по всей России. В Донбассе имели фарфоровую фабрику братья Эссен. Во второй половине XVIII в. в Петербурге основали первую переплетную мастерскую в России: Белке, Вебер, Шелле. В Петербурге, Москве, Самаре, Саратове, Одессе, Риге, Казани, Ревеле и ряде других городов немцы усердно трудились, в сфере «малого бизнеса». Это были многочисленные часовщики, ювелиры, шляпники, фотографы, переплетчики, бондари, колесники, столяры, слесари и другие представители ремесленных профессий,

* * *

Но особой славой в России пользовались немцы как изготовители музыкальных инструментов, и в первую очередь фортепиано, роялей и других клавишных. Как известно, лучшие в мире рояли делались в Германии. Их популярность была также велика, как смычковых инструментов, изготовленных руками итальянских мастеров. Эта традиция была перенесена и в Россию.

Основателем первой в России фабрики по изготовлению роялей и пианино был Фридрих (Федор Федорович) Дидерихс (1779—1846). Фабрика вступила в строй в Петербурге в 1811 г. и первоначально на ней изготовляли копии венских фортепиано. С расширением производства Дидерихс стал выпускать инструменты собственных моделей. После смерти основателя фабрики ею в течение 22 лет руководила его вдова. Затем дело унаследовал старший сын Дидерихса — Роберт, имевший специальное техническое образование и усовершенствовавший производство и качество инструментов. В 1878 г. совладельцем фабрики стал его младший брат Андрей, и в том же году фабрика стала называться «Братья Р. и А. Дидерихс». Рояли и пианино этой фирмы отличались тщательной внеш-

ней отделкой, отличными звуковыми качествами — силой, полнотой и гибкостью тонов. В 1896 г. на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде фирма получила высшую награду — Российский герб, а на Всемирной выставке 1900 г. в Париже была удостоена Гран-при. В 1914 г. фирма прекратила свое существование.

Крупнейшая русская фортепианная фирма была основана Яковом Давидовичем Беккером в 1841 г. также в Петербурге. Первоначально это была небольшая мастерская, но постепенно она расширялась, и в 1861 г. младший брат основателя Франц унаследовал уже фабрику. В 1871 г. фабрика перешла в собственность П.Л. Петерсона и М.А. Вителаха, который в 1889 г. после пожара на фабрике стал ее единовластным хозяином. При этих владельцах деятельность фабрики приобрела наибольший размах. Она была переведена в обширное здание. В производство были внедрены различные машины, созданы чугуно- и меднолитейные отделы, механические мастерские. Рояли фирмы «Беккер» (а это название сохранилось за ней до конца ее существования) отличались высоким качеством звука, певучестью и сочностью тона и пользовались признанием не только у известных пианистов России, но и за границей. На них концертировали такие виртуозы фортепианной игры, как А.Г. и Н.Г. Рубинштейны, М.А. Балакирев, К. Шуман, Ф. Сен-Санс и др. На Нижегородской выставке фирма удостоилась Государственного герба. За 50 лет существования фабрика изготовила 11 400 инструментов, преимущественно роялей. В 1903 г. фабрика была куплена К.К. Шредером, одним из соинициаторов фирмы, а в 1918 г. она была национализирована, сейчас это фортепианная фабрика «Красный Октябрь».

В Петербурге была еще и третья фабрика роялей, принадлежавшая Йоганну Вирту, а кроме того — мастерская клавишных инструментов Мейера, выпускавшая недорогие инструменты. В Киеве владельцем фортепианной фабрики был И. Стробль.

Известным скрипичным мастером был Анатолий Иванович Неман (1859–1913), один из родоначальников современного искусства смычковых инструментов в России. Его концертные скрипки, альты и виолончели отличались высоким качеством. Неман был одновременно и автором первых в России научных трудов о скрипке — «Акустика скрипки» и «Русская скрипка». Мастером изготовления гитар была семья Архузен. Отец Иван Яковлевич (1785–1870), служил в музыкальной фирме «Брель». Одна из его гитар была отмечена премией на международном конкурсе гитаристов в Брюсселе в 1856 г. Гитары, сделанные его сыном и учеником Робертом (1844–1920),

неоднократно отмечались призами на всероссийских промышленных выставках. Разнообразные музыкальные инструменты создавались на фабрике Юлиуса Генриха Циммермана (1851–1922) в Петербурге.

* * *

С немецкими именами связано в России и начало производства граммофонов и грампластинок. В начале XX в. граммофонный бизнес в стране сильно отставал от зарубежного и основывался на импорте. Первыми в Российской империи начали торговлю «говорящими машинами», валиками и пластинками немцы и англичане, затем американцы. А вскоре новинками стали торговать и отечественные купцы: Рапгоф, Мюллер, Циммерман, Морозов, Банковский. Одному из них — И.И. Рапгофу пришла идея создания мощной русской компании по производству граммофонов и грампластинок. Финансировали проект миллионеры П.Ф. Коровин и С.Н. Захаров, возглавил фирму инженер В.И. Ребиков. С 1902 г. работа закипела. В кратчайшие сроки на Фонтанке в Петербурге выросла громадная фабрика, в которой была мастерская по сборке аппаратов, гальванический цех, отделение прессов, студия звукозаписи и лаборатория. Все делалось с чисто русским размахом и бесшабашностью. Миллионеры требовали от Ребикова, чтобы он производил дорогие граммофоны с рупорами из чистого серебра и пластинки по цене зарубежных. Пластинки были выпущены, получили даже на одной из выставок золотую медаль, но производство их не наладилось. Все было продано на аукционе. К счастью, за год до банкротства Ребикова в Москве открылась фабрика грампластинок «Якоб-рекорд». А в 1910 г. в подмосковном поселке Апрелевка открылась полукустарная фабрика по производству грампластинок с громким названием «Метрополь-рекорд». Основали ее немецкие предприниматели И. Молль, А. Кибарт и Фогт. В 1912 г. на ней работало 100 человек и было выпущено 500 пластинок (ныне это крупнейший завод грампластинок в России).

Великий русский писатель Н.В. Гоголь как-то сказал: «В России три напасти: дороги, дураки и власти». Не беремся судить о дураках и власти, но дороги в России действительно были в ужасном состоянии, что дружно отмечали все иностранцы, особенно прибывшие из более благополучной Западной Европы. Создание надежной транспортной системы становилось все более насущной задачей для страны с необъятными и бездорожными территориями. Работа эта началась по-настоящему только с XIX в.

В 1820 г. в России возникла первая акционерная компания по перевозке пассажиров в дилижансах между Москвой и Петербургом. В состав ее учредителей вошли придворный банкир Л.И. Штиглиц и представители петербургской придворной знати. На остальных дорогах сохранялась старая система перевозки: пассажиров — ямщиками и грузов — различными обозами, по ужасным дорогам.

Проблему нужно было решать кардинально. Железные дороги в то время были практически единственным и наиболее эффективным средством ее разрешения, принимая во внимание просторы страны. Еще в 1805 г. крупный русский инженер и ученый Л.С. Ваксель издал в Петербурге свой труд «Описание чугунной дороги». Эта работа была первой книгой в мировой практике, где подробно анализировались проблемы развития рельсового транспорта и его перспективы, особенно актуальные для России. На историческом открытии Ливерпуль-Манчестерской железной дороги 15 сентября 1830 г., положившей начало эре железнодорожных сообщений на земле, был и представитель от России — профессор Института корпуса инженеров путей сообщения француз Г. Ламе, который представил подробнейший отчет, освещающий историю строительства этой дороги. В России появляется больше людей — поборников рельсового транспорта, среди них и передовые инженеры-путейцы (О. Крафт, П.П. Мельников и др. Строителем первой железной дороги в России стал Франц Антон фон Герстнер (1795—1840). В 20-х гг. он принял участие в строительстве первой железной дороги в Австрии, а в 1834 г., по приглашению начальника штаба корпуса горных инженеров И.В. Чевкина, приехал в Россию для обозрения уральских горных заводов. Здесь он задумал приступить к постройке железных дорог. Объехав несколько губерний, он составил план сооружения железных дорог от Петербурга до Москвы и от Москвы до Казани. Осуществил нивелировку Московского шоссе. В декабре 1836 г. Герстнер получил разрешение составить акционерное общество для сооружения железной дороги из Петербурга до Царского Села и Павловска. Он лично произвел изыскания и нивелировку. В мае 1836 г. начались работы по строительству, а в октябре открылась первая русская железная дорога. По мысли Герстнера, в конечном пункте дороги — в Павловске был построен пышный вокзал, в котором столичная публика могла бы получить приятный отдых и разумное развлечение на лоне природы. В 1838 г., не получив одобрения царского правительства на новое строительство, Герстнер уехал в Америку. Небезынтересно отметить, что среди акционеров первой русской железной дороги были немецкий предприниматель из Франкфурта

И.К. Плит, директор первого страхового от огня общества и российско-американской компании, крупный петербургский промышленник Бенедикт Крамер и церемониймейстер царского двора граф А. А. Бобринский.

Русский император Николай I, по утверждению Ф. Вейера петербургского управляющего конторой уральских магнатов Демидовых, «каждый раз, когда ставился вопрос о железных дорогах, проявлял неприятие». Но технический прогресс стран Западной Европы и Америки брал свое. В конце 30-х гг. ведущие инженеры путей сообщения П.П. Мельников, Н.О. Крафт и С.В. Кербедз были командированы за границу для всестороннего изучения железнодорожного дела. Вернувшись из Северной Америки в 1840 г., Мельников и Крафт непосредственно от царя, минуя военно-бюрократические руководящие инстанции, получили разрешение на официальную разработку проекта железной дороги между Петербургом и Москвой. В 1842 г. был учрежден специальный Комитет по устройству железной Петербургско-Московской железной дороги, председателем которого был назначен наследник престола, будущий царь Александр II. Но фактически главой комитета был генерал П.А. Клейнмихель. Техническое руководство строительством целиком было возложено на выдающихся русских инженеров П.П. Мельникова и Н.О. Крафта; первый осуществлял руководство северным участком, второй — южным. В 1851 г. магистраль была официально открыта. В 1842 г. было также создано Особое общество горнозаводчиков для поставки рельсов и мрамора и устройству Санкт-Петербургско-Московской железной дороги, куда вошли все остальные железозаводчики во главе крупным южноуральским магнатом, российским немцем генерал-адъютантом Н.О. Сухозанетом, владельцем Юрюзанского чугуноплавильного завода. В Петербурге общество открыло «Образцовое рельсовое заведение» на основе переданного в казны старого петербургского чугуноплавильного завода для прокатки рельсов из уральского металла, где были прокатаны первые рельсы в России.

А.Л. Штиглиц — одна из важнейших фигур петербургского финансового мира и денежной биржи — в 1853 г. решил построить на свой капитал пригородную железную дорогу из Петербурга в Петергоф. Издержки по строительству он решил возместить себе после постройки путем выпуска акций. Дорога была построена в 1857 г., а в 1864 г. продолжена до Красного Села и Ораниенбаума. В 1857 г. по инициативе Штиглица было учреждено Главное общество российских железных дорог для постройки и эксплуатации первой сети русских железных дорог, которая должна была соединить крупнейшие города и порты

россии. Это было крупнейшее частно-государственное железнодорожное предприятие с широким привлечением не только русского, но и иностранного капитала, который в общей сумме составил 275 млн. рублей серебром. Во главе общества был учрежден Совет управления из 20 человек, который делился поровну на два комитета: русский и парижский, позднее праздничный. Первый комитет возглавил сенатор А.И. Левин, которого через год сменил обер-гофмейстер двора барон К.К. Мейендорф, а вице-председателем был барон А.Л. Штиглиц. В состав совета входили также российские немцы Б.К. Данас, С.С. Гвейер, Н.М. Ламздорф, Е.Е. Брандт. Российские немцы и в дальнейшем принимали активное участие в железнодорожном строительстве страны в качестве подрядчиков, концессионеров, руководителей строительства и эксплуатации железных дорог. Одним из подрядчиков строительства Московско-Нижегородской дороги был барон А.Б. Фитингоф. Строитель Московского и Нижегородского водопроводов барон А.И. Дельмг (1813—1887) вместе с представителями крупной московской буржуазии И.Ф. Мамонтовым, Н.Г. Рюминым, Д.П. и В.П. Шиповыми получил концессию на строительство Московско-Ярославской железной дороги. В число учредителей общества Московско-Саратовской железной дороги входили банкиры К.Г. Капор, Г.А. Марк, Ф.М. Вогау. Строительство Одесской железной дороги было осуществлено бароном К. К. Унгерн-Штернбергом. У Г. фон Дервизом впервые был применен метод строительства частной железной дороги только за счет гарантированно облигационного капитала. Он был учредителем общества Казанско-Козловской и председателем общества Московско-Рязанской железной дороги и сумел добиться целого ряда финансовых льгот по концессии, пользуясь широкой поддержкой председателя Комитета финансов великого князя Константина Николаевича и министра финансов М.Х. Рейтерна. В 1866 г. фон Дервиз совместно с К.Ф. фон Мекком и членом Государственного совета князем С.А. Долгоруким добились от царского правительства концессии на строительство Московско-Курской железной дороги. В 1868 г. эстляндский губернский предводитель дворянства барон Павел и управляющий Украинским банком Е.И. Ломанский получили концессию на строительство Галицкой дороги. К.К. Унгерн-Штернберг руководил строительством казенных железных дорог на Украине и в Молдавии Киевско-Балтийской дороги, а позднее вместе с министром финансов А.А. Абазой стал концессионером Харьковско-Николайевской дороги. Среди частных подрядчиков строительства Сибирской магистрали был Кнорре. Должность председателя правления общества Курско-Харьковско-Азовской железной дороги

занимал барон Ган. Держателями крупнейших пакетов акций Главного общества российских железных дорог были члены царской фамилии — герцог А.П. Ольденбургский и герцогиня Е.М. Мекленбургская. Управляющим Курско-Киевской, затем Московско-Курской и Николаевской (между Петербургом и Москвой) железных дорог был Н.К. Шауфус (Шаффгаузен-Шенберг-эк-Шауфус), будущий министр путей сообщения.

Одним из самых известных строителей русских железных дорог был Карл Федорович фон Мекк (1821—1876), инженер-путеец, миллионер, выходец из курляндского дворянства. Он был подрядчиком на строительстве Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской, а несколько позднее — концессионером Курско-Киевской и Либаво-Роменской железных дорог. Его жена Надежда Филаретовна (урожденная Фроловская, 1831—1894) была меценаткой и оставила заметный след в истории русской культуры. Она слыла большой поклонницей П.И. Чайковского и его музыки. Узнав, что у Петра Ильича очень неважное материальное положение, она решила поддержать его. Дабы не оскорбить композитора, она заказала ему несколько музыкальных композиций и, получив их, с великодушной щедростью оплатила труд музыканта. Это положило начало дружбы между Чайковским и Надеждой Филаретовной и их переписке, длившейся без перерыва 13 лет. По взаимному согласию они наложили на себя жесткое табу: никогда у них не будет ни свиданий, ни рукопожатий. Только переписка! Она назначила композитору ежегодную денежную субсидию, давшую ему возможность плодотворно, не думая о завтрашнем дне, заниматься музыкой, создавая непревзойденные шедевры, выдвинувши русскую музыку, на авансцену мира. Сын К.Ф. и Н.Ф. фон Мекк — Николай (1863—1929) возглавил правление общества Московско-Казанской железной дороги. Кроме того, он состоял членом ряда промышленных и страховых компаний, значительно приумножил богатство отца. В советское время он работал в Народном комиссариате путей сообщения, а в 1929 г. был обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян.

Широкую известность приобрела деятельность барона Рудольфа Васильевича Штейнгеля (1841—1892), который был главным инженером на строительстве крупнейших и важнейших железнодорожных магистралей России: Московско-Рязанской, Московско-Курской, Орловско-Витебской, Грязе-Царицынской, Балтийской, а затем начальником строительства Ростово-Владикавказской железной дороги и Новороссийской ветки от нее. Под его руководством в Новороссийске был сооружен в короткие сроки и по последнему слову техники коммерческий порт с элеваторами, эстакадами и другими приспособлениями. Штейн

гель был также способным математиком и оставил несколько работ из этой области, в частности: «Теорию ветряных двигателей», «Исследование по центробежным машинам».

Инженер Егор Егорович Нольтейн (1854–1934), преподаватель Московского инженерного училища, работал одновременно на Московско-Казанской железной дороге, сконструировал надежные в эксплуатации товарные паровозы с 4-цепными осями, был инициатором применения на паровозах жаротрубных перегревателей. Под его руководством был разработан проект сцепленного паровоза. Он же был автором ряда теоретических работ по динамике паровоза, исследователем вопросов работы рессор, устойчивости вагонов, рабочего процесса машин паровозов. Заметный след оставил в решении транспортных задач генерал-инженер Федор Иванович Рерберг (1791–1871). Он был автором проекта порта Таганрога, также проекта всех мостов и шоссейных дорог между Петербургом и Новгородом. Он же учредил первую в России школу по подготовке телеграфистов.

* * *

Гурхард Кристоф Миних (1683–1767), родом из Ольденбурга, будущий генерал-фельдмаршал, начинал службу в России в должности генерал-инженера. Под его руководством были построены шлюзы на реке Тосна, Обводной и Ладожский каналы длиной в 104 версты. Инициатором создания одного из крупнейших на юге России порта в Ростове-на-Дону был Ю.А. Ганнмейстер. Когда в связи с активным железнодорожным строительством стала падать роль речного транспорта и начали загораться даже крупные акционерные судостроительные общества, производившие колесные тихоходные пароходы, инженер А. А. Зевеке предложил в 70-х гг. внедрить принципиально новую технику, так называемые американские пароходы. Новые железные пароходы с винтовым двигателем стали строиться на Сормовском судостроительном заводе. Они быстро вытеснили колесные пароходы и вновь подняли престиж речного флота. Петр Гергардович Гемп руководил сооружением морских портов в Мурманске, Архангельске, Мезени, Индиге, Печенге и Игарке, длинным ожерельем увенчавших значительную часть северного побережья России.

* * *

Многие российские немцы были заняты в торговле, имели свои магазины, лавки, рестораны, кондитерские, аптеки, товарные

склады, торговые дома во многих городах и селах России. Останемся лишь на некоторых, более известных.

Значительная часть петербургских немцев жила на Васильевском острове, где находился тогда столичный порт, многие из них, пользуясь его близостью, занимались торговлей и предпринимательством. Очень известным местом в Петербурге была кондитерская Вольфа и Беранже. 27 января (по старому стилю) 1837 г. в день дуэли именно здесь назначил встречу А.С. Пушкин со своим секундантом Данзасом, который вспоминает: «Было около четырех часов дня. Выпив стакан лимонаду, Пушкин вышел, мы сели в сани и отправились...» А через три дня в задней комнате этой кондитерской посетители списывали текст стихотворения «Смерть поэта», под которым стояло в ту пору неизвестное имя — Лермонтов.

Знаменитый немецкий археолог и предприниматель Генрих Шлиман (1822–1890) около 20 лет прожил в Петербурге, где числился купцом первой гильдии. Он оказал России неоценимые услуги во время Крымской войны 1853–1855 гг., когда ее торговля была блокирована Англией и Францией. Шлиман покупал на мировом рынке и доставлял в Россию такие остро необходимые, стратегического характера товары и сырье, как селитра, порох, свинец, пшеница, шерсть, чай и другие. О масштабе таких поставок говорит такой факт: в 1853 г., когда началась злополучная война, 33 корабля, зафрахтованные Шлиманом, доставляли в Россию товары со всех концов света, а из Кенигсберга и Мемеля по суше нескончаемой вереницей шли тысячи подвод с грузами, все по заказам торговой фирмы Шлимана.

Объединение прибалтийских хозяйств «Помещик», в которое входили преимущественно остзейские землевладельцы, раскинуло по Петербургу 40 магазинов. Кроме того, фирма развозила молочные товары по квартирам. У кондитерской фабрики Конради было 7 магазинов. Живые цветы во все времена год продавала фирма Эйлерса, ей принадлежало 5 магазинов. Немецкая часовая фирма «Омега» только на Невском проспекте располагала 20 магазинами. Крупными виноторговцами были Шитт и Клуге. Большой магазин по торговле антиквариатом был у А. Фельтена, он же был владельцем нескольких книжных магазинов. Другими значительными книготорговцами были О. Кранц и Н. Зандрок. Музыкальный магазин содержал Бенард. Роскошными ресторанами владели Ф. Демут, Родэ, Лехе. Каролина Юргине содержала столовую, очень популярную среди художников. Очень крупными столичными негодантами считались К.К. Вульферт, Михельц, Мюллер, И.П. Рапгоф. 1805 г. основал в Москве свой торговый дом В.И. Кистер, ур

женец герцогства Брауншвейгского. Кроме него, торговыми делами в старой русской столице владели Циммерман, В.Я. Гопнер, Ф. Гакситель. Хозяином крупного нотного и музыкального магазина здесь же был Э. А. Эбер.

В Самаре один из первых книжных магазинов открыл П. Грау. На центральной улице города — Дворянской — располагался большой, так называемый «Сарептский магазин» Христензена, где среди прочих товаров, можно было приобрести знаменитую ткань — сарпинку. На этой же улице братья Клодт, строители первого водопровода в Самаре, открыли первый магазин по торговле сантехникой. Учредителем первой аптеки в Нижнем Новгороде был Е. Эвениус. Торговый дом Кунста и Альберта во Владивостоке держал громкую славу по всей Тихоокеанской окраине. Заморские страны считали за честь поставлять ему свои лучшие товары. Капитан парусно-паровой шхуны русского торгового флота «Утренняя заря» Д.И. Шваненберг совершил в 1877 г. первое в истории коммерческое плавание из Ар. Енисей в Петербург через моря Западной Арктики и вокруг Скандинавии, тем самым открыв путь вывоза северосибирских товаров через море.

* * *

Одним из богатейших людей в России был банкир Людвиг (Любим) Иванович Штиглиц (1778—1843). Родился он в Германии, из купеческой семье из Гамбурга. В молодые годы в поисках счастья покинул родину и приехал в Россию. Устроился биржевым маклером в Петербурге с приличным капиталом в 100 тыс. рублей. В 1803 г. Штиглиц был принят в первую Санкт-Петербургскую купеческую гильдию. Вскоре он основал банкирский дом «Штиглиц и К°». Неутомимым трудолюбием, умелыми финансовыми операциями и прочими коммерческими качествами он сумел завоевать солидную репутацию в деловом мире, стал придворным банкиром. Значительные капиталы были им вложены в железнодорожное строительство, промышленное и сельскохозяйственное производство. Штиглицу принадлежали сахарные заводы, бумагопрядильная мануфактура, несколько прекрасно оборудованных свечных заводов, крупное овцеводческое хозяйство. По его инициативе и при его непосредственном участии было налажено регулярное пароходное сообщение между Петербургом и Любеком, создано страховое общество на случай пожаров, организовано общество по приготовлению искусственных минеральных вод и многое другое. За услуги перед государством ему в 1826 г. было пожаловано баронское достоинство. Следует отметить щедрую благотвори-

рительную деятельность Штиглица. Он содержал бедных студентов, выделял средства на стипендии, построил трехэтажное каменное здание для коммерческого училища. Особенно значительны были его пожертвования на военные нужды России в 1812 г. и содержание сирот. Дело отца достойно продолжил сын Александр (1814–1884). Он также был банкиром императорской фамилии и известным меценатом. В 1879 г. им было создано Центральное училище технического рисования, черчения и лепки (ныне Высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной), которое готовило преподавателей рисования и декоративно-прикладного искусства для художественно-промышленных школ. Барон Александр был также владельцем фабрики суконных изделий, самых лучших в России. Торговцы, например, так зазывали покупателей: «Господа, для вас только что получены брюки гвардейского сукна — самолучшая диагональ барона Штиглица...» В 60-х гг. А. Л. Штиглиц был управляющим Государственным банком России.

Другими крупными банкирами немецкого происхождения в России были А.А. Каль, придворный банкир Александра I, К. Гессер, К.Г. Каптер, Ф.М. Вогау, И.В. Юнкер и П.Л. Барк, банковский делец и предприниматель, председатель и член правления крупнейших коммерческих банков, в годы первой мировой войны — министр финансов России. Председателем правления Сибирского банка был Э.К. Грубе.

* * *

Многие немцы в России были владельцами крупной недвижимости, а также частных учебных и зрелищных заведений. Известными домовладельцами были в Петербурге: Шмидт, сдававший дома в аренду, Альбрехт, Бремме, Крокизиус, Крузе Науман, Брискорн, в доме которого жил Т.Г. Шевченко; в Москве — В.И. Миллер, Мецкер; в Пензе — И.И. Вальц и т. д.

Одной из самых крупных и популярных гостиниц в Петербурге первой половины XIX в. была гостиница Ф.Я. Демута или, как ее еще называли, Демутов трактир. В ней часто останавливался А.С. Пушкин. Именно здесь он за три недели написал свою поэму «Полтава». Тут, в гостинице Демута, у Пушкина собирались гости. Однажды сошлись поэты В.А. Жуковский, И.А. Крылов, П.А. Вяземский, А.С. Хомяков и польский поэт А. Мицкевич. И просидели всю ночь. Адам Мицкевич по-французски импровизировал и всех поразил. Вяземский записал: «Мы слушали его с трепетом и слезами». Через несколько лет Пушкин вспоминал встречу с Мицкевичем:

*...Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...*

Весной 1828 г. в Демутовом трактире в одно время с Пушкиным жил А. С. Грибоедов, прибывший в Петербург из Персии с текстом Туркманчайского мирного договора. В этот период они виделись часто. Многие-многие знаменитости были клиентами гостиницы Демута. Он же содержал при гостинице лучший в то время в Петербурге ресторан.

Владельцем богатой дачи под Петербургом был Резих. Жители немецкой деревни Гражданка, как и других немецких колоний под Петербургом, сдавали свои чистенькие домики на лето городским дачникам. Большие дачные хозяйства в столичной губернии содержали барон Фредерикс и Ю. Шперер. Первую контору по перевозке грузов для жителей Петербурга построил на свои деньги Ленц, пользовавшийся большим уважением у своих клиентов. Юридическую контору по обслуживанию населения содержал в столице популярный юрист Рудольф Минцлов. В центре Санкт-Петербурга было очень много вывесок зубных врачей с плодовитыми фамилиями Вагенгеймов и Заленштейнов.

* * *

Несеть открытия частных учебных заведений принадлежала поселившимся в России немцам. Скорее всего их к этому вынудили на первых порах два обстоятельства: отсутствие государственных школ, работавших на иностранных языках, и желание дать образование своим детям на родном языке. Такие школы стали возникать еще в эпоху Петра I. В 1710 г. открылась Петришуле с пансионом, имевшая отличную репутацию, в 1735 г. начала учить детей Аннешеуле, а в 1854 г. — Екатерининское училище (все — в Петербурге). Наряду с немецким языком обучения создавались школы и пансионы смешанного типа, а затем и частные школы, работавшие на русском языке. В конце XVIII — начале XIX в. в Петербурге был пансион Мейера, который закончили декабрист А.Ф. фон-Бригген и другие известные лица. Собственную гимназию в столице империи имел Я.Н. Герд. Доктор римского права А.Я. Адольф (1857—1905) после ухода в отставку в 1903 г. основал частную гимназию, в основу которой положил «принцип свободы, а к свободе должен быть приучен и воспитан питомец с ранних лет через самостоятельность и самовоспитание».

Частные пансионы возникли и в других городах, в частности Майера — в Москве и Брингмана — в Верро (Выру) Эстляндской губернии, в последнем учился поэт и декабрист В.К. Кихельбекер. В селе Федоровка Таврической губернии открыл в 1901 г. на свои средства двухклассную школу для крестьянских детей известный земский деятель и педагог Н.А. Корф. Она располагала хорошими помещениями и учебными отделениями, была в 1916 г. преобразована в гимназию. Во второй половине XIX в. стали возникать частные женские гимназии, среди них — классическая гимназия С.Н. Фишера, которая соответствовала курсу мужской гимназии.

Появились и профессиональные частные учебные заведения. Дервиз открыл такую школу в Петербурге. Выше упоминалось училище технического рисования и черчения А.Л. Штиглица. В самом начале XIX в. К. И. Арнольд основал в Москве коммерческий пансион, который в 1866 г. был преобразован в Практическую коммерческую академию.

* * *

Самым знаменитым частным учебным заведением в России была школа Мая. Ее основателем и многолетним директором был выдающийся педагог Карл Иванович Май (1820–1895). Он закончил в 1838 г. Петришуле, отмеченный вручением золотого кольца, учрежденного в этой школе в качестве эквивалента золотой медали правительственной гимназии. Некоторое время после окончания школы молодой Карл давал частные уроки, чтобы заработать деньги, необходимые для получения высшего образования. В 1845 г. он с отличием закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Сразу после этого ему предложили оплачиваемое место домашнего преподавателя и воспитателя Андрея Дашкова, младшего сына бывшего министра юстиции Д.В. Дашкова. Вместе с семьей Дашковых Май неоднократно выезжал во Францию, Германию, Австрию, где часто посещал лекции в различных университетах, расширяя и углубляя свои знания. Особое впечатление произвели на него лекции известного географа Карла Риттера, что позднее сыграло решающую роль в выборе педагогической специальности. Специалист-филолог, он отдал предпочтение географии. С 1852 г. он стал преподавать науку в Петербургском лесном институте. По окончании последней лекции в первый год своей работы со студентами он был вынесен ими из аудитории на руках вместе с креслом под крики «ура!», чем немало был смущен, незнакомый ранее со столь непривычным способом выражения признательности. При р

ставании с институтом ему была прочитана и вручена небольшая поэма, названная «Голос сердца». Не очень профессиональная, но искренняя, она начиналась словами:

*О, люди, все от нас берите,
Мы даже жизнь отдали б вам,
Хоть географию возьмите —
Оставьте Мая только нам.
Кто будет нас, так одиноких,
Разнообразно научать,
Уроки мудрости глубокой
Шутя нам в голову вбивать.*

А заканчивалась эта любительская поэма так:

*Умел он скучную науку
Веселой сделать и живой —
Мы никогда не знали скуки,
Уча урок его большой.
О, век бы целый не расстались,
Учитель милый наш, с тобой.
К тебе мы сердцем привязались,
Но что поделаешь с судьбой!*

И оставил институт Карл Иванович для того, чтобы основать собственную школу. Он понял, что созрел для своего будущего поприща. И в 1856 г. эта школа была открыта. При этом основании школа была немецкой. Первые ее ученики принадлежали к немецким семействам, во множестве живших в то время на Васильевском острове еще со времени основания города Петром Великим. На этом острове и возникла школа. Основывая собственную частную школу, Май, как он писал позднее, «чувствовал потребность применить некоторые теоретические вопросы педагогики к делу, некоторые опыты, введенные ранее, при одиночном обучении... произвести в более широких размерах». В основу деятельности школы Май положил следующие педагогические законы: первое — уважение к личности ученика, индивидуальный подход к каждому, стремление оказать любую поддержку ученику, развивая его способности; второе — демократический стиль жизни во всем; третье — стабильность педагогического коллектива, соответствие его действий педагогическим принципам школы. Школа прошла долгий путь развития и совершенствования, была приравнена сначала к реальному училищу, а затем — к классической гимназии, в 1890 г. заменила немецкий язык обу-

чения на русский. Было построено великолепное собственное здание с прекрасными мастерскими, учебными кабинетами, гимнастическим и актовым залами, отличной библиотекой. В нем преподавали прекрасные педагоги, в том числе и известные ученые. После ухода в 1890 г. по причине возраста и болезни поста директора Н.И. Мая, его в этой должности сменил Василий Александрович Кракау (1857—1935), прекрасный педагог, организатор, сам закончивший эту школу в 1876 г. В 1900 Кракау на одном из заседаний педагогического совета сделал глубоко продуманный доклад, в котором очень тщательно проанализировал состояние преподавания в школах того времени и разработал основной путь по его совершенствованию. Его доклад во многом актуален до сих пор. С точки зрения Кракау школа должна подготовить ученика так, чтобы он:

1. Усвоил полностью программный курс каждого предмета.
2. Развил свои мыслительные способности: память, логическое рассуждение, способность видеть и перерабатывать учебный материал.
3. Получил умственные интересы к вопросам жизни, науки, литературы, сознательно и живо относился к экономической и социальной жизни.
4. Расширял бы дома свой кругозор и свои познания внеклассным чтением книг.
5. Занимался бы музыкой и другими искусствами: ручным трудом, ремеслом.
6. Выработал способность к труду.
7. Выработал характер.

Школа просуществовала до 1918 г., сделав 55 выпусков, окончили свыше 1000 человек. Но не эти цифры главные в деятельности. Многие гимназии имели более внушительные показатели в этом отношении. Впечатляют качественные результаты работы школы. Аттестат выпускника Майской гимназии или реального училища был весьма авторитетным для любого университета не только России, но и Европы. Школу М закончил целый сонм выдающихся людей в самых разных сферах науки, искусства, государственной и хозяйственной деятельности. Назовем хотя бы некоторых из них: это ученые-ректоры Петербургского университета братья Д.Д. и Э.Д. Гримм; академик А.А. Заварзин, основатель отечественной гистологии; Н.И. Качалов, создатель отечественного производства оптического стекла; А.А. Кракау, один из основоположников отечественной электрохимии; академик Д.С. Лихачев, литературовед, хранитель Пушкинского фонда; Л.В. Модзалевский, академик; М.Ю.Ф. Фасмер, известный немецкий языковед, создатель 4-томного «Этимологического словаря русского языка»; физи-

теоретики О.Д. Хвольсон и Я.И. Френкель; ректор Академии художеств Э.Э. Эссен; художники — отец и сын А.Н. и Н.А. Бедняков, В.М. Добужинский, отец и сын Н.К. и С.Н. Рерихи, В.А. Серов, К.А. Сомов; архитекторы Г.Д. Гримм, В.О. Мунц, И.И. Фомин, А.А. Бруни; писатели К.В. Буренин, Л.В. Успенский; министр внутренних дел Д.С. Сипягин; петербургский губернатор Д. Зиновьев; адмиралы, генералы, крупные предприниматели — таким блестящим созвездием выпускников не могло похвастаться ни одно среднее учебное заведение России. Была, значит, великая созидательная сила и гуманизм Мая, который говорил: «Тот, кто не может сказать сперва — люблю, не должен говорить — учу».

* * *

Российские немцы сыграли значительную роль в становлении и развитии театрального и циркового искусства в России. Помимо выдающихся актеров и режиссеров, из их среды вышли основатели и владельцы театров, цирков, концертных залов. В время царствования Екатерины Великой в Петербурге было много театров, из них два немецких и один русский. Известный антрепренер И.Ф. Штейн открыл в начале 30-х гг. XIX в. первый театр в Екатеринославе. В 1870 г. в Харькове начала работать оперная группа Бергера. Актриса и антрепренер Мария Григорьевна Абрамова (настоящая фамилия Гейнрих, 1865–1892) выступала в провинциальных театрах Перми, Самары, Минска, Тамбова, Нижнего Новгорода, главным образом в героико-романтическом амплуа, у нее нередко проявлялось стремление к сценическим эффектам и патетике. Возможно, ее имя вошло бы в длинный список заурядных актеров конца прошлого века, но в 1889 г. она получила богатое наследство и организовала в Москве собственный театр, который просуществовал всего лишь около года, но явился ярким метеором в русской театральной жизни. Абрамова сумела создать талантливую труппу, в которой играли такие замечательные актеры, как М.Н. Соловцов, В.В. Чарский, Н.А. Мичурин-Самойлов, М. Глебова. В театре успешно шли пьесы А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, А.И. Гоголя, А.Н. Островского. Постановкой «Лешего» театр положил начало сценической истории пьес А.П. Чехова. В начале нынешнего века большой популярностью пользовался театр Корша, основанный предпринимателем и культурным деятелем Ф.А. Коршем (1882–1932). Его прославили блестящие мастера сцены В.О. Топорков, М.М. Блюменталь-Тамарина, М.И. Попова, А.П. Кторов и выдающийся режиссер Н.Н. Синельников. В 1886 г. Н.М. Парадиз основал в Москве Театр оперетты.

В 1828 г. одно из импозантных зданий, построенных В. Растрелли, на Невском проспекте купил В.В. Энгельгардт. Он и пользовал его для балов, маскарадов и концертов. На здешних бал-маскарады любил приезжать Николай I с семьей, сюда съезжалась высшая знать. В этом доме происходит действие трагедии М.Ю. Лермонтова «Маскарад». Арбенин предлагает Звездичу:

*— Рассеяться б и вам и мне не худо.
Ведь нынче праздник и, верно, маскарад
у Энгельгардта...*

Сейчас в этом здании находится Малый зал Петербургской филармонии.

Содержателем циркового балагана на Адмиралтейской площади в Петербурге был Леман. Представления здесь отличались большой роскошью обстановки. Балаган сгорел в 1836 г. при этом погибло много народу. А.П. Лейферт был владельцем балаганного театра «Развлечение и польза» (1880–1890) на Царицыном лугу (Марсово поле) столицы. В его репертуаре наряду с феерическими представлениями входили инсценировки произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М. Сервантеса русских народных сказок.

Предприниматель, дрессировщик лошадей, наездник, исполнитель пантомим Альберт Саломонский (1839–1913) родился в Германии в цирковой семье, дебютировал в знаменитом Берлинском цирке Э.Я. Ренца. В 1873 г. он создал в Берлине собственный цирк. Семь лет спустя он, приехав в Россию, выстроил на Цветном бульваре в Москве свой цирк, в здании которого долгое время при советской власти работал Московский госцирк. Он же построил римский цирк в Риге. Цирк Саломонского успешно гастролировал по России и странам Западной Европы. В 1888 г. Саломонский организовал в Москве школу верховой езды.

Самым богатым балаганщиком на знаменитой Нижегородской ярмарке был обрусевший немец Герман. О нем в одном из своих очерков рассказывает советский журналист М.Н. Додополов. Этот «миллионщик», как называли его завистники-конкуренты, был главным воротилой на ярмарке, он цепко держал в свои руках всю актерскую гольтьбу, набирая перед ярмаркой себе труппу. Герман владел двенадцатью каруселями, музеем из трехсот восковых фигур, которые он выписал из Парижа. Ему принадлежало также солидно построенное деревянное здание с «кабинетами женской и мужской красоты», в которых демонстрировались, с благословения полиции, пикантные представления. В балагане не только давались дивертисменты,

и ставились пантомимы «Великий генерал» («Взятие Плевны»), «Ведьмы с Лысой горы» и другие, в которых порой участвовало более 100 человек. Солидный доход приносил Герману паноптикум. У его входа стояло несколько добротных выполненных фигур — итальянский мальчик в широкополой шляпе, коротких брюках и курточке держал в руках шарманку. Когда в нее опускали монетку, мальчик начинал вертеть ручку шарманки, раздавались звуки мелодической музыки. Неподдалеку красовалась фигура русской барышни в душегрейке и кокошнике. Здесь пятак приводил механизм в движение — и «красавица» начинала дриплясывать. Вблизи от барышни, у стенки, стоял французский барабанщик в красном мундире, который за монетку барабанил, привлекая толпы зевак. В паноптикуме, кроме сборки всяких уродов — женщин с усами и бородами, девушек со змеиными хвостами и прочими чудовищами, находился Музей лосковых фигур. Особенно привлекательна была «спящая красавица», покоившаяся в одном из гротов. Там стоял саркофаг, прикованный к камню массивными цепями. В гробу лежала красавица в одеянии, усыпанном драгоценностями. Грудь красавицы мерно поднималась, кукла «дышала». Вокруг гроба были расставлены семь гномов с фонариками в руках, застывших в неподвижности. Соответствующее освещение, таинственное оформление грота и самой «красавицы» создавали полное впечатление, что она жива и ждет не дождется принца, который разбудит ее поцелуем. В другом гроте, представлявшем собой тропический лес, чудовище-горилла похищала красивую блондинку. По соседству была еще одна «живая» картинка, приводившаяся в движение механизмом (опять-таки за пятак): большая змея, подняв голову, подползала к царице Клеопатре и жалила ее. Было и множество других развлечений, автоматов и живых картин, превосходно сработанных спившимися талантливыми техниками и художниками. Осмотр паноптикума и Музея восковых фигур стоил 20 копеек. Это приносило Герману огромный доход. Среди других хозяев балагана на ярмарке были Злобин, Филатов, Вуккерт, но они значительно уступали Герману по размерам дохода и фантазиям.

Местом ярких вечерних развлечений для зажиточной петербургской публики служили искусственные минеральные воды в Сосновом Деревне, где изобретательный И.И. Излер открыл увлекательный сад с концертным залом, в котором пели тирольский и цыганский хоры. Ярко иллюминированный сад и концерты привлекали множество горожан. В центре столицы открыл свое заведение Зам.

В 1991 г. в Москве, в фотоцентре открылась выставка «Карл Лангелла и сыновья». О трех великих фотографах России. Полто-

ры сотни снимков, бесценные реликвии. «Комсомольская правда» писала по этому поводу: «Удивительно: дожили все-таки (не все, конечно) до этой крохотной выставки, не вымерли вместе с фотолетописцами величия и драмы нашего Отечества. Удивительно: было — разбивали и топтали сапогами уникальные стеклянные негативы, возами вывозили эти осколки истории на свалку. А сколько все-таки сохранилось. Удивительно, наконец: и замалчивали вклад и национальное наше самосознание, в мировую культуру трех Булл (даже строчки нет о них в БЭС); и выворачивали их биографии наизнанку, врали о них, походя в разных статьях. Нет, ничто недоброе не пристало их именам. И мы в выставочном зале склоняли головы перед подвигом жизни Карла, Александра и Виктора». А все началось в русском варианте американской сказки о чистильщике сапог, ставшем миллионером. Основатель фотографической династии Карл Карлович Булла (1853—1929), выходец из Гамбурга, работавший «мальчиком на побегушках» в петербургской фирме фототоваров, стал к концу XIX века владельцем фотосалона в сердце Северной Пальмиры — на Невском. С малым творческую интеллигенцию, важных сановников и даже императорскую фамилию, был пожалован Высочайшим указом в дворянство. А сыновей, овдовев, воспитывал «чистильщиками»: они готовили в лаборатории растворы, мыли посуду — это платил Карл Карлович Александру и Виктору жалованья. Карл Булла был родоначальником русского фоторепортажа: деревянной камерой на треноге он поспевал и на пожары, и на спортивные состязания, и в ночлежки, и на рынки. Кадры охотно брали и русские, и заграничные иллюстрированные журналы: петербургская «Нива», берлинская «Die Woche», французская «Иллюстрасьон». «Снимки на злобу дня! Всего, что интересно! Для вас, кому интересно!» — так отзывалась современная ему пресса.

Сыновья встали на ноги, и Карл Булла, женившись вторично, в 1916 г. ушел от дел и поселился с супругой-эстонкой на острове Сааремаа. Старший сын — Александр Карлович (1883—1943?) продолжал дело отца как мастера павильонной съемки. С отменным профессионализмом снимал все: от портретов жестяной балерины Анны Павловой, сцен с Шляпиным до военной кинохроники. Был фронтовым корреспондентом журнала «Солнце России» с первых месяцев мировой войны. Конечно снимал события Февральской и Октябрьской революций. В советское время — он ведущий фотограф петроградских — ленинградских иллюстрированных журналов. Был репрессирован, умер в нищете и безвестности. Младший — Виктор Карлович (1883—1944) продолжил другую линию отца — репортера.

04 г. он отправился фотокорреспондентом журнала — крупнейшего иллюстрированного журнала России «Нива» — на русско-японскую войну. Не только уникальную летопись той неслыханной для России войны оставил Виктор Булла, но и вытаскивал раненых с поля боя. Прошел фоторепортером через огонь мировой и гражданской войн. Много и увлеченно снимал Лени-на. Неистово документировал события 1917 г., съезды партии Советов, конгрессы Коминтерна и все прочее, что требовала советская пресса и пропаганда. И тем не менее от дворянского происхождения его не спасло ни то, что фотографировал Ленина, ни хорошие отношения с Кировым. Несколько раз его арестовывали, а последний раз за ним пришли в ночь на 11 июня 1938 г. Именно тогда на его глазах при обыске бросали с размаху на пол, топтали бесценные стеклянные негативы. Двадцать лет никаких вестей, пока не сообщили родным о смертной реабилитации. А отец, потерявший вторую родину, не свободу и благополучие, снимал, учил эстонцев искусству светописа, мирно умер в 1929 г., и за могилой его ухаживали прихожане костела.

* * *

еще одна отрасль была сферой активной деятельности российских немцев. Это издательство книг, журналов, газет и музыкальной литературы. Одним из первых основателей и припекаемых содержателей частной большой словолитни и типографии в Петербурге в царствование Екатерины II был Эрнст Фридрих Брейткопф, который, кроме того, с 1795 г. издавал ежемесячный «Журнал Санкт-Петербургского итальянского театра». Е.А. Фигнер владел типографией и издавал юридические сборники «Памятники искусства». Имели свои типографии в столице также Эдуард Прац, Н.Л. Тиблен, отставной артиллерийский офицер, близкий к народнической организации «Земля и воля», книготорговец журнала «Современное обозрение», и К.И. Вульф, заведующий конторой журнала «Современник». В Москве содержал в XIX в. типографии и словолитню Теодор Рио, типографию — В. Рихтер.

* * *

ими значительными книгоиздателями в России, наряду с Д. Сытиным и братьями Сабашниковыми, были М.О. Вольф и А.Ф. Маркс.

Маврикий Осипович Вольф (1825–1883) до приезда в Россию, в 1848 г., был хорошо знаком с деятельностью лучших

книжных магазинов Западной Европы. Приехав в Петербург поступил на работу в книжный магазин Я.А. Исакова в качестве заведующего французским отделом. А в 1853 г., оставив службу, открыл собственную «Универсальную книжную торговлю» и одновременно стал издателем книг на русском языке. Вольф чутко реагировал на запросы книжного рынка, хорошо знал потребности русского читателя, особенно, что касалось научно-популярной и детской литературы. Его издательская деятельность была чрезвычайно разнообразной. Он издавал произведения крупнейших писателей, поэтов, историков: Бюшера, Шлоссера, Кунофишера, Лермонтова, Пушкина, Даля, Писемского, Лескова, Мельникова-Печерского. Одним из первых в России он издал крупные произведения мировой литературы: «Божественную комедию» А. Данте, «Фауста» И.В. Гете, комедии Г. Лессинга, Г. Гейне, А. Мицкевича. Вольф стал впервые в России издавать детскую литературу сериями. Это были знаменитые «Золотая библиотека» и «Зеленая библиотека», куда вошли произведения Ф. Купера, В. Скотта, Майн-Рида, Ж. Ерна. Всего он выпустил свыше 1000 наименований книг. Кроме издания книг, он основал несколько популярных журналов «Вкруг света», который издается с 1861 г. по настоящее время, «Новый мир», «Задумчивое слово» (два издания — для детей младшего и среднего возраста). В 1882 г. он учредил «Товарищество М.О. Вольф», которое после его смерти перешло в руки его сына Людвига Маврикиевича. Он достойно продолжил дело отца. Завершил роскошное иллюстрированное многотомное издание «Живописная Россия» под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского. В 1884 г. фирма основала двухнедельный иллюстрированный журнал «Новь». Л.М. Вольф также редактировал «Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф». Издательство существовало до 1918 г., внося большой вклад в просвещение народа.

* * *

У М.О. Вольфа начинал свою деятельность в России Адольф Федорович Маркс (1838—1904), выходец из Германии, знаменитый русский издатель, книготорговец и просветитель. В 1869 г. издал под своей маркой первую книгу, а со следующего года начал выпускать популярнейший в дореволюционной России иллюстрированный журнал для семейного чтения «Нива». В качестве бесплатного приложения к нему подписчикам рассылались репродукции картин, олеографии и литературные сборники. На работу в свою фирму «А.Ф. Маркс» он пришел в 1807 г. — «Товарищество издательского и печатного дела».

аркс») он привлек в качестве сотрудников высокообразованных талантливых людей, среди которых была целая плеяда двоклассных русских писателей, журналистов, ученых. В 191 г. он начал издание собрания сочинений крупнейших русских писателей. Толчком к этому послужила его встреча с Д. Сытиным. Иван Дмитриевич в своих воспоминаниях «Жизнь для книги» так рассказывает об этом: «На выставке 33 рядом с моим павильоном была расположена витрина Маркса, издателя «Нивы». До этого времени мы не были знакомы и только тут впервые столкнулись. (Сытин имел свое дело в Москве). Симпатичный с дурным русским произношением немец-издатель очень мне понравился, и мы разговорились.

— Очень хороши ваши картины — премии, которые вы приносите к «Ниве», — сказал я. — Но, как иностранец, вы, мне кажется, делаете одну ошибку.

— Какую?

— Да ведь каждый год всё картины и картины, так вы совсем перегрузите подписчика. У него и стен не хватит, чтобы в ваши картины развесить.

Он подумал, пожевал губами и сказал:

— Когда все стенки завесят, я альбом буду делать...

— Да почему же все картины? Вашему подписчику — вы знаете меня — совсем не то нужно.

— А что ему нужно?

— Книга ему нужна! Мы народ безграмотный и картинами грамотными не сделаешь.

— А какая же книга ему нужна?

— Да мало ли книг-то. Вам разве не приходила в голову мысль, что при «Ниве» можно было бы в виде приложения присылать наших классиков?

— Нет, эта мысль не приходила мне.

— Произведений наших классиков народ не знает, а ведь большое дело можно бы сделать...

Немец подумал, помолчал, потом посмотрел на меня лукавыми загоревшимися глазами и с напускной небрежностью ска-

— Нет, едва ли... Дорого стоит... Едва ли...

На том мы расстались, и я совсем забыл про наш разговор. Через год в лавку ко мне пришел приказчик и неожиданно сообщил:

— Господин Маркс просят вас обедать в «Славянский ба-» (ресторан в Москве).

Меня это очень удивило, но, чтобы не обижать собрата, я пошел.

Маркс, весь сияющий и радостный, праздничный, встретил меня торжественно, точно юбиляра, и на своем дурном русском языке начал:

— Ну, Иван Дмитриевич, ты мой большой гость сегодня. Желаю угощать... Самое большое и лучшее угощение... Вот что ты хочешь...

— Да по какому же случаю. Что такое произошло?

— Ты помнишь нашу встречу на выставке?..

— Как же...

— И наш разговор тоже помнишь?

— Конечно...

— Так вот смотри!

Маркс вынул бумагу и протянул мне. Читаю и глазам верю: он купил у Салаева полное собрание сочинений Гоголя за 100 тысяч рублей.

— Теперь понимаешь, почему я желаю угощать? Эта наша дружеская беседа дала мне дорогу. Я теперь знаю, что делать и какие приложения давать при моей «Ниве».

Я с завистью поздравил милого немца, а он дружески хлопнул меня по плечу.

Так из простого разговора, из случайно оброненного замечания выросло огромное дело, приблизившее к народу во всех русских классиков».

Маркс купил у Чехова право на издание его сочинений, платив за это 75 тысяч рублей. Это позволило больному писателю переселиться в Крым, в Ялту, и построить собственную дачу по своему вкусу.

После русских классиков Маркс стал издавать собрания сочинений и западноевропейских крупнейших мастеров словесности. Чтобы сделать издания доступными для массового читателя, Маркс установил низкую цену, вместе с приложенной библиографической классикой журнал в год стоил всего пять рублей.

Широкую известность получили изданные Марксом «Большой всемирный настольный атлас», «Всеобщий географический и статистический карманный атлас», атлас «Петри».

***

К. Л. Риккер (1838–1895) выпускал преимущественно книги по медицине, а также по технике и учебники, владел книжными магазинами. Издавал газету «Врач» и журнал «Зодчий». А.Ф. Девриен служил в издательских фирмах Вены, Парижа, Берлина. В 1872 г. основал собственное издательство в Петербурге, из которого в основном выходила в свет научная литература по сельскому хозяйству, естествознанию, географии.

оже детская и юношеская литература. Наиболее известные издания: «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства» в 11-ти томах, «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (вышло 19 томов), «Жизнь моря» К. Келлера, «Животный мир Европы» в трех томах. Книги Девриена отличались высоким уровнем полиграфического исполнения. Всего им было выпущено около 1500 названий книг. В 1917 г. эмигрировал в Германию. Московский издатель и книготорговец И.Н. Кнебель (1854–1926) с 1895 г. выпускал богато иллюстрированные художественные издания русской классики, детские книги и наглядные пособия. В 1906 г. В.М. Антик (1872–1962) организовал издательство «Польза», реорганизованное в 1915 г. в издательское акционерное общество «Универсальная библиотека», имевшая культурно-просветительное направление и отличавшаяся дешевизной книг. Первым издателем украинского поэта Т.Г. Шевченко (в переводе на русский язык) был его товарищ — поэт и переводчик Н.В. Гербель (1827–1883). Из других книгоиздателей заслуживают быть названными И.И. Кланг, основатель журнала «Москва»; Е.И. Конрад, редактор газеты «Неделя»; М.К. Лемке, редактор собрания сочинений А.И. Герцена; А.И. Моргенрот, а также Блюменберг. Немножко слов следует сказать о таких мастерах переплета, как Г. Мейер и А. Шнель, в руках которых книги становились настоящими произведениями искусства. Например, книга В.В. Станислава «Славянский и восточный орнамент по рукописям древности и нового времени» была заключена в исключительный по красоте переплет вишневого цвета с богатыми восточными орнаментами, состоящими из инкрустаций синего, оранжевого, красного, зеленого и голубого марокена.

Крупнейшая немецкая издательская и книготорговая фирма Гукгауза с 1890 г. приняла участие в издании первого русско-энциклопедического словаря универсального назначения, выступив вместе с русским издателем Ефроном 82 основных и дополнительных прекрасно оформленных полутома. Кроме того, фирма выпустила серию «Библиотека великих писателей» под редакцией С.А. Венгерова.

***

Первый русский журнал разнородного чтения издавался Миллером в 1755–1764 гг. под названием «Ежемесячные сочинения к пользе и удовольствию служащих». Журналист, писатель и филолог Н.И. Греч (1787–1867) издавал и редактировал совместно с Ф. М. Булгариным в 1812–1839 гг. литературный журнал «Сын Отечества» и газету «Северная пчела» (1831–

1859 г.). Известный поэт, ближайший друг А.С. Пушкин А.А. Дельвиг (1798–1831) выпустил литературные альманахи «Северные цветы» и «Подснежник», вместе с О.М. Сомовым он явился основателем в 1830 г. первой русской «Литературной газеты». Сотрудник этой газеты и журнала «Современный драматург» Е. Ф. Розен (1800–1860) издавал альманахи «Царское село» и «Альциона». М.П. Розенгейм (1820–1887) был редактором-издателем сатирического журнала «Заноза». А.Н. Аллендинген (1855–1908) обратил свое внимание на детей и юношество, издавая для них отличный журнал «Родник» (с педагогическим приложением «Воспитание и обучение»), а с 1905 г. — специальный журнал для сельских школ «Солнышко». Он также заведовал изданием «Энциклопедия семейного воспитания и обучения». Генерал-майор А.Ф. Гейрот (1817–1882) был редактором-издателем периодических изданий «Чтение для солдат» и журнала для народа «Мирской вестник». Этот журнал открыл дорогу в печать многим поэтам из народа.

Писатель-водевильист и театральный критик Ф.А. Кони (1809–1879) был издателем одного из первых театральных журналов в России «Пантеон и репертуар русской сцены», в котором отдел «Летопись русского театра» вел Н.А. Некрасов. В 1840–1844 гг. Кони был также издателем «Литературной газеты». В течение 21 года (1897–1918) выходил в свет журнал «Театр и искусство», издававшийся литературным критиком и драматургом А.Р. Кугелем (1864–1926), одновременно руководившим театром «Кривое зеркало». Один из основателей «Старинного театра» Н. В. Остен-Дризен (1868–1936) был издателем «Ежегодника императорских театров». Художник Ф.Ф. Нотгафт (1896–1942) был главой частного издательства «Аквилон».

* * *

Особенно велика была заслуга российских немцев в пропаганде музыкальной культуры, изданий музыкальной литературы нот. Основателем (в 1791 г.) одного из первых музыкальных издательств был Йоганн Даниель Герстенберг (1758–1841). Оно называлось «Герстенберг и сотоварищи»; его совладельцем через два года стал Ф.А. Дитмар. Фирма издала русского композитора И.Е. Хандошкина, обработки русских народных песен, а также впервые познакомила россиян с произведениями И. Гайдна и В.А. Моцарта, а также стала издавать первые русские альманахи «Карманные книжки для любителей музыки». Фирма имела типографию, нотопечатню, музыкальную и книжную торговлю.

М.И. Бернад (1794—1871) в 1829 г. приобрел музыкально-издательскую и нототорговую фирму Дальмаса, превратил ее в одну из ведущих в стране. Его брат — композитор Александр издавал музыкальный журнал «Нуввелист», а сын Николай впервые выпустил некоторые романсы М.И. Глинки, большинство романсов А.С. Даргомыжского, фортепианные произведения А.Г. Рубинштейна.

Военный дирижер, руководитель оркестра войск гвардии А.А. Дерфельдт (1810—1869) издавал журнал военно-оркестровой музыки «Альбом для военной музыки». М.М. Эрлангер (1811—1873) владел в Москве музыкальным магазином «Лира» и выпускал «Музыкальный вестник». В Москве же основал музыкально-издательскую фирму А.Б. Гутхайль (1818—1882). Его сын Карл (1861 — после 1914) значительно ее расширил и открыл нототорговлю. Фирма выпускала оперные клавиры, опубликовала романсы А.Е. Варламова и А.А. Гурилева, многие сочинения С.В. Рахманинова.

Братья В.В. и И.В. Бессель основали в 1869 г. в Санкт-Петербурге музыкальное издательство «В.В. Бессель и К°», а в 1871 г. — крупную нотопечатню. Первыми среди издателей России стали выпускать оперные партитуры с хоровыми и оркестровыми партиями. Благодаря им увидела свет опера А.С. Даргомыжского «Каменный гость», многие произведения выдающихся русских композиторов — М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, М.А. Балакирева, А.П. Бородина, Ц.А. Кюи, П.И. Чайковского, А.И. Глазунова, А.К. Лядова, А.Г. Рубинштейна. Василий Васильевич был редактором журналов «Музыкальный листок» и «Музыкальное обозрение», организовал музей А.Г. Рубинштейна в Петербургской консерватории, был автором работ по нотной издательскому делу и воспоминаний о музыкальной жизни России.

Владелец фабрики музыкальных инструментов Ю.Г. Циммерман (1851—1922) основал в Петербурге в 1876 г. нотное издательство, которое имело свои отделения в Москве, Риге, Вейпциге, Лондоне. В 1929 г. Лейпцигское отделение стало самостоятельным, а после второй мировой войны издательство Циммермана продолжает свою деятельность во Франкфурте-на-Майне. Издательство сыграло заметную роль в развитии русской музыки, впервые опубликовало многие произведения М.А. Балакирева, С.И. Танеева, С.М. Ляпунова, Т.Т. Гречанинова, Н.К. Метнера. Циммерман открыл нотно-музыкальный магазин, магазин музыкальных инструментов и мастерские по изготовлению медных и деревянных духовых инструментов.

Н.Ф. Финдейзен (1868–1928) сыграл большую роль в развитии русской музыкальной библиографии. Он был основателем и редактором журнала «Русская музыкальная газета» и периодического сборника «Музыкальная старина». Он является также автором «Очерков по истории музыки в России с древнейших времен до XVIII века» в двух томах и обширной работе о М.И. Глинке.

* * *

Но даже на фоне всех предыдущих крупных и неординарных музыкальных издателей особым размахом и масштабностью выделяется деятельность знаменитого П.И. Юргенсона. Его старший брат Иосиф Иванович создал торговлю нотными произведениями в Петербурге. Петр Иванович Юргенсон (1836–1903) развернул свою деятельность в Москве, где он в 1861 г. создал крупную издательскую фирму и нотопечатню, на базе которых в 1918 г. было открыто Государственное музыкальное издательство (Музгиз), преобразованное в 1964 г. в издательство «Музыка». Благодаря поистине неутомимой деятельности Петра Ивановича его фирма стала одной из лучших в мире. Её ноты продавались по всей России, фирма имела отделение в Лейпциге. Юргенсон издавал книги по музыке, торговал роялями и пианино. У него впервые появились полные и очень дешёвые издания произведений Мендельсона, Шумана, Шопена и также А.Г. Рубинштейна и других русских композиторов. Ему же принадлежало право собственности на сочинения Глинки, Даргомыжского, Серова и Верстовского. Юргенсон был первым и практически единственным издателем в дореволюционной России произведений П.И. Чайковского, с которым был связан многолетней дружбой. Им было издано полное собрание сочинений в 12-ти томах украинского композитора Бортнянского, около 2000 духовно-музыкальных сочинений других авторов. Настоящее время издательский каталог Юргенсона насчитывает около 29 тысяч номеров. Петр Иванович принимал активное участие в музыкально-общественной жизни страны, являлся одним из директоров Московского отделения русского музыкального общества, был одним из основателей Московской консерватории. После его смерти фирма перешла к его сыновьям Борису и Григорию. Борис Петрович (1868–1935) возглавлял её до 1918 г. Он много сделал для совершенствования нотопечатания, составил тематический указатель произведений П.И. Чайковского, написал книгу «Очерки истории нотопечатания». В советское время был заведующим нотной секцией Музыкального отдела Наркомпроса РСФСР.

Среди прочих музыкальных издателей России не менее крупного масштаба следует назвать Х.Л. Вебера, Б.Т. Брайткопфа, Д. Дитмара, Ф. Нерлиха, К. Гольца, Затценгофа, П. Веймарна.

* * *

Деятельность российских немцев по изданию научных и научно-популярных журналов началась с 60-х гг. XVIII в., когда профессор Московского университета Рейхель стал издавать журнал с научной целью «Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к производству удовольствия». И.В. Адольф и В.Г. Аппельрот издавали и редактировали журнал классической философии и педагогики «Философское обозрение». Первым журналом, специально посвященным вопросам педагогики в России, был «Педагогический журнал», основанный Е.О. Гугелем, П.С. Гуреевым и А.Г. Обоневским в 1833 г. в Петербурге. В нем развернулась критика воспитания и школы того времени с позиций научной педагогики, освещались вопросы теории и практики воспитания, истории педагогики. Журнал отстаивал передовые взгляды, боролся за всеобщее элементарное народное образование, пропагандировал идеи воспитывающего образования. К сожалению, журнал просуществовал немногим более года. Следующим шагом в пропаганде педагогических знаний в стране стало основание в 1861 г. И.И. Паульсоном и Н.Х. Весселем двухнедельного журнала «Учитель» либерального направления, выходившего 10 лет. В 1864 г. Вессель совместно с Е.К. Альбрехтом начали выпускать «Педагогический сборник», действовавший до 1882 г. В 70-х гг. издавала журнал «Семья и школа» Е.И. Апрелева (урожденная Бларамберг), а в начале 1900-х гг. редактором журнала «Наука и школа» был Н.Н. Кнорринг. Известный общественный деятель П.Б. Струве редактировал журнал «Русская мысль». В 1818–1822 гг. первый химический журнал в России издавал академик А.И. Шерф.

С 1860 по 1871 г. выпускал еженедельный журнал «Современная медицина» на собственные средства анатом и физиолог А.И. Вальтер.

В сфере научно-популярной журналистики заметным явлением были журналы: «Вокруг света» издательства М.О. Вольфа; «Вестник знания», редактировавшийся В.В. фон Битнером; «Свет», издававшийся известным зоологом и писателем П. Вагнером, автором популярных среди детей «Сказок Кота-Прыльки»; «Мир Божий» (позднее «Современный мир»), который издавала М.К. Куприна-Иорданская, жена крупного писате-

ля А.И. Куприна, немка по национальности. Известный петербургский издатель Г.Д. Гоппе на протяжении 18 лет выпускал ежегодный «Всеобщий календарь».

* * *

П.П. Пезаровиус (1776–1847) увековечил свое имя в памяти России изданием газеты «Русский инвалид». Основал он ее в 1813 г., газета намного пережила своего первого издателя, продолжив существование вплоть до 1917 г. По долговечности она уступала только правительственным «Ведомостям». Газета была одной из самых популярных, в 1862 г. она стала органом военного министерства России. Примечательно, что вся чистая прибыль от газеты использовалась на помощь инвалидам, солдатским вдовам и сиротам. Журналист и переводчик Е.Ф. Корш (1811–1883) был редактором «Московских ведомостей» и издавал либеральный журнал «Атеней». В.Ф. Корш (1828–1893) принял редакторство «Московских ведомостей» от старшего брата, и переехав в северную столицу, арендовал «Санкт-Петербургские ведомости», которые при нем стали либеральной газетой и вели активную полемику с редакционной прессой. В конце 70-х В.Ф. Корш редактировал «Северный вестник». Газету «Русская правда» — орган либералов с демократическим оттенком издавал писатель и журналист Д.К. Гирс (1836–1886). В Москве В.Ю. Скалон (1846–1901) — либеральный публицист, сотрудник «Русских ведомостей» и «Русской летописи» — издавал (при участии А.И. Кошелева) и редактировал еженедельную политическую и общественную газету «Земство». Газета в короткое время объединила видных земских деятелей и либеральных публицистов, но получив два предостережения от цензуры, на втором году (1882) прекратила свое существование. Профессор Московского университета И.К. Бабст (1823–1884) вместе с Чижовым издавал газету «Акционер» и журнал «Вестник промышленности», а С.М. Проппер — широкоизвестную газету «Биржевые ведомости». Писатель Л.П. Блюммер (1846–1888) издавал в Саратове газету «Волга». Вынужденный эмигрировать за границу, он издавал там либерально-конституционный журнал «Свободное слово», а затем газеты «Весть» и «Кропеец». Недоброй славой пользовалась газета «Московские ведомости» в начале XX в., когда ее редактором стал черносотенец В.А. Грингут. Российские немцы были также издателями и ряда других газет, но в основном выходивших недолго и оставивших заметного следа в истории русской журналистики.

Aus der Kinderwelt

DIE SCHULE UMGEKEHRT

Habt ihr irgendwann gehört
von der Schule UMGEKEHRT?

Jeder Schüler mit Elan
schreibt sich selbst
den Stundenplan.
Jeder hat das Ziel gefunden:
lange Pausen, kurze Stunden.
Eine Schlaueit noch dabei:
drei-vier Wochentage frei.
Gibt es viele Ruhetage
ist das Lernen keine Plage.
Und was noch zugunsten spricht:
Hausaufgaben gibt es nicht.
Liegen alle Sorgen fern,
geht man auch zur Schule gern.

Wahrlich, sie ist Goldes wert,
diese Schule UMGEKEHRT.

FURCHT HAT TAUSEND AUGEN

Fragt die Mutti:
— Was ist los,
du mein kleiner Gernegroß?
Kommst ja heut so früh nach Haus.
Ist die Schule denn schon aus?

Sagt der Schulanfänger still:
— Was ich dir erzählen will!
Als ich heut zur Schule kam,
wurde ich vor Angst fast lahm.

Lag da vor dem Schulhoftor
gar ein toller Hund davor,
der so tat, als ob er schläft.
Doch ich merkte, wie er kläfft
und die großen Zähne bleckt.
Hatte mich so gern versteckt,
denn mir war so bang, so bang!
Beißt der Hund mich,
werd ich krank
und werd nimmermehr gesund,
so wie dieser tolle Hund.
Ha! ich wich dem Hunde aus,
rannte schnell zu dir nach Haus.
Mutti, hab ich recht getan,
daß ich schnell nach Hause kam?

WAR ES WIRKLICH LÄCHERLICH?

Auf dem Fenster saß mein Kätzchen,
wärmte sich das schmucke Frätzchen.
Rief ich laut dem Kätzchen zu:
MUH — MUH — MUH!

Meine Freundin kam herbei,
machte auch ein groß Geschrei.
Schrien wir beide immerzu:
M U H — M U H — M U H!

Kätzchen blickte komisch drein:
Ach, die müssen närrisch sein!
Schnell sprang es vom Fensterbrett
unters Kindergitterbett.
Liefen wir dem Kätzchen nach,
machten fürchterlichen Krach,
muhten wie im Stall die Kuh:
M U H — M U H — M U H!
Doch das Kätzchen war gescheiter —
es verkroch sich noch viel weiter.
Lachend hielt ich mir den Bauch,
meine Freundin lachte auch.
Lachten uns beinahe tot
über diese Katzennot.
«Laßt das Kätzchen mir in Ruh!»
rief uns Oma böse zu.
«Über solche dumme Sachen
können Dümmlinge nur lachen.»

Gingen wir beschämt hinaus
zu der Torbank vor dem Haus,
und die Freundin fragte mich:
«War es wirklich lächerlich?»

ESSEREI

Fertig ist der süße Brei!
Gleich beginnt die Esserei:
essen wird Klein Jutta
süßen Brei mit Butter.

Die Familie steht dabei,
lobt den süßen Mannabrei.
Klein Jutta in der Mitte
läßt sich lange bitten:
— Dieses Löffelchen für Omi,
dieses für den Papi.
Dieses Löffelchen für Mami,
dieses für den Tschapi.
Und machst du nicht
das Mäulchen auf,
dann frißt das Kätzchen
alles auf!

Aus dem Kleinchen,
daß ihr's wißt,
wächst ein großer Egoist.

DIE BRILLE

Seine Neugierde zu stillen,
nimmt Antoscha Omas Brille,
setzt die Brille auf das Näschen,
schickt sich an laut vorzulesen.
Guckt die Bilder ohne Eile,
sagt verdutzt nach einer Weile:
— Omalein, was ist denn los?
Deine Guckgläser sind groß,
aber diese dummen Wesen
können keine Märchen lesen.
Nimm die Brill und lies mir vor.
Schau, ich bin ganz Aug und Ohr!

DER FLÜCHTLING

Schimpft die Mutti ihren Klaus,
nimmt der Klaus
sofort Reißaus
und verkündet, daß der Klaus
nimmer wieder kommt nach Haus.

Opa eilt dem Enkel nach,
Oma eilt dem Enkel nach,
auch die Mutti eilt hinaus
hinterher dem kleinen Klaus.

Und der Flüchtling
macht sich wichtig,
legt ins Zeug sich
übertüchtig,
läuft,
so schnell er laufen kann.
Keiner kommt an ihn heran!

Sagt der Vater klug und wach:
— Rennt dem kleinen Bub nicht nach.
Ist's mit seinem Sturzkopf aus,
kommt der Klaus
von selbst nach Haus.

IM KINDERGARTEN

Hänsel mußte lange warten
auf einen Platz
im Kindergarten.
Erst nach vielem her und hin
kam die Reihe auch an ihn.
Über diese Neuigkeit
hat sich Hänsel sehr gefreut,
und er fragte unterwegs,
was im Kindergarten wächst.
Lächelt da die junge Mami,
dichtet einen Reim zusammen:
«Im Garten wachsen Blumen,
im Garten wachsen Beeren.
Im Garten wachsen Jungen,
im Garten wachsen Gören.»

Sie holt ihr Söhnchen ab,

wie's abends sich gehört.
Da ist der kleine Mann
enttäuscht und höchst empört:
— Ach Mutti,
treibst wohl Spaß mit mir?
Das sind mir schöne Faxen!
Den ganzen Tag war ich nun hier —
sah keine Kinder wachsen!

GRETELAUS DEM MÄRCHENLAND

Brennt ein Feuer?
Blüht der Mohn?
Strahlt die Morgenröte?
Vorm Hoftor steht
im neuen Kleid
die kleine Margarethe.

Die Freundinnen umringen sie
und tun am Kleidchen zupfen:
«Wie schick ist dieses rote Kleid
mit den weißen Tupfen!»

«Bist wohl aus dem Märchenland,
Margareth, gekommen?
Sag, woher hast du den Stoff
und den Schnitt genommen?»

«Den Stoff hat Mutti mir geschenkt»,
sagt Gret mit stolzer Miene.
«Genäht hab ich das Kleidchen selbst
mit der Nähmaschine.»

Die Mädchen sind begeistert:
«Die hast du fein gemeistert!»
Nur Regina Hase
rümpft hochmütig die Nase:
«Ha! Die Ärmel passen schlecht,
krumm sind auch die Taschen.
Dieses rote Kleid verblaßt
gleich beim ersten Waschen!»

Im Nu entsteht ein Heidenlärm,
als streiten sich die Spatzen:
«Seht mal da! Das Häselein
tut vor Neid schier platzen!»

Alle reden durcheinander,
die eine unterbricht die andre:
«Was? Die Taschen wären krumm?
Bist wohl doof?»
«Bist selber dumm!»

«Gretel ist ein Molodez!»
ruft die Sweta Gorobez.
«Ein schönes Kleidchen
gibt es kaum —

es ähnelt einem Frühlingstraum!
Und wichtig ist —
die Margareth
hat ihr Kleidchen selbst genäht!»

Солнышко

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Про Илюшку и про мушку

Как-то раз сказал Илюшка:
«Мама, лапки моет мушка».
Если мушка моет лапки,
Значит с мушкой все в порядке.
Даже маленькая киска
Просит пряник лапкой чистой.
И не хочет даже мушка
Быть неряшкой и грязнушкой.

Хмельной петух

Ко-ко-ко да ко-ко-ко
Любят куры молоко.
Не откажутся-таки
Он него и петухи.
Как сегодня во дворе
Все в опилках и в пере,
Распугал червей и мух
Разгулявшийся петух.
Он кричал и всем грозил,
Квочку крыльями побил.
С молодого петушка
Он сорвал полгребешка.
И узнал я лишь теперь:
Ела Зорька в поле хмель.
От хмельного молока
Далеко ли до греха?
Два кота наоборот
В доме у меня живет
Два кота наоборот.

Два кота наоборот —
Черный кот и Белый кот.
Кот один похож на дым,
Белый очень даже,
А котенок Гуталин
Черный, будто в саже.
Любит мыться Черный кот,
А другой наоборот.
Не почистивши ушей,
Он разгонит всех мышей.
Любит Белый кот компот,
Черный кот наоборот.
На обед съедает кашу,
Молоко и простоквашу.
Любит Черный кот гулять,
А другого не поднять.
Он не прочь, как в билиарде,
Колобки весь день катать.
Так живут наоборот
Белый кот и Черный кот.
Только бабушка-соседка
С ними очень устает.

Мой дом

Если был бы я строитель
И волшебник был притом,
Я б построил из ирисок
Очень вкусный сладкий дом.
Плиткой выложил все ниши
Шоколадною, как мог.
И поставил вместо крыши
Пышный бабушкин пирог.
Вместо пакли сладкой ватой
Я б поправил пол дощатый.
Проложил бы ею окна,
Чтобы комната не мокла.
Длинной тонкою солодкой
Электричество провел.
И трубой водопроводной
Я б стущенку в дом завел.
В этом доме — номер пятый
Долго-долго б жил со мной
Молодой чудаковатый
Шоколадный домовый.

Солнышко

Крошка медвежонок вышел на лужок,
В высоте заметил желтенький кружок.
И спросил доверчиво серого зайчонка:
«Это небо носит теплую шапчонку?»
Рассмеялся зайчик, знал давно от мамы,
Что не носит небо кепки и панамы.
«Что ж тогда?» — с обидой крикнул косолапый
И побрел к берлогу разузнать у папы.
И медведь ответил, не тая от сына,
Что на небе что-то вроде апельсина,
Но нельзя, сказал он, им, сынок, наестся,
Можно лишь на солнце загорать и греться.

Каблучки-пяточки

В грязи Белые Бычки
Замарали каблучки.
И теперь они похожи
На свиные пяточки.
И у каждого Бычка
По четыре пяточка.
Как же снова пяточки
Переделать в каблучки?
В это время дождик грянул
И Бычки позвали маму.
Замычали: «Му да му».
Дождь подумал, что ему.
Он над ними тучкой встал
И, как клумбу, поливал.
Тут увидели Бычки,
Что пропали пяточки.
Снова стало у Бычков
По две пары каблучков.

Сказка про белого крокодила

Лежебока крокодил умываться не любил,
Потому что крокодил тот ленивый очень был,
Жил тогда еще на суше, не мечтал о жизни лучшей,
Комары — лесные князи — на спине увязли в грязи,
Стали все тогда трезвонить: крокодил в грязи утонет,
Стали дождик вызывать — крокодила умывать.
Грязи больше, чем полтонны, от нее он стал зеленым.

Неприглядная картина крокодиловая тина,
Зеленой любой травы, не отмыть его, увы.
Звери думали, как быть, как беду его избыть?
И тогда сова сказала: «Я слыхала от шакала —
Позабывшим умываться, сотни лет в воде валяться
С крокодильего хвоста жабам прыгать, как с моста
Так что срочно крокодила нужно в воду положить
Чтобы зелень крокодилью за столетия отмочить».
И с тех пор он под водой, стал от горя очень злой,
О судьбе его пропащей ходят слухи в старой чаще
Он живет одной надеждой — белым стать,

как было пре

Стоп! Внимание! Тревога! Подождите, ради Бога,
Не спеши закрыть страничку. Объявление! Публи
Все газеты сообщили, всех подружки обзвонили:
Где струится древний Нил, найден белый крокодил
Утверждают альбинос: я вранья того не снес,
Это по реке проплыл наш знакомый крокодил.
Он за сто тысячелетий наконец-то грязь отмыл.

Огород

Расскажу вам, как живет
В грядках овощной народ.
Здесь растут морковь и лук,
Огурец — их старый друг.
И алеет сквозь забор
Краснощечкий помидор.
Неприступный и вальяжный,
Овощ он ужасно важный.
А еще желтеет тыква,
Что огромной быть привыкла
И которую за это
В сказке сделали каретой.
И скучают там по ложке
Клубни спелые картошки.
Свекла, красная от злости,
К ней никто не ходит в гости,
И сосед ее укроп помириться
С ней не смог,
Да и родственник редис
Не поймет ее каприз.
Ну скажите, чем не люди?
Так же злятся, так же любят.
Это значит все в порядке
На огромной вкусной грядке.

Образованная мышка

Завелась под полом мышка.
Ходит мышка в гости к нам.
Для меня ее интрижки —
Просто горе и бедлам.
Думал, что она читает:
Все листками шелестит.
Глядь: на ужин доедает
Спешно книжку «Айболит».
А на утро подкрепилась
Сытно Агнией Барто
И исчезла, испарилась...
Может, мышка просветилась?
Поняла и застыдилась:
Книги есть нехорошо!

Theater — ein Ort, wo man sterben lernt...

EINE DOKUMENTATION ZUR GESCHICHTE
DES RUSSLANDDEUTSCHEN THEATERS
1975–1992

HISTORISCHE DATEN:

1672/1725	Bereits unter Peter I. gibt es in Rußland niveauvolle Liebhaberbühnen.
1929	In der Sowjetunion wird in Engels, der Hauptstadt der ehemaligen ASSR der Wolgadeutschen das erste staatliche Theater gegründet — das Akademisch-Deutsche Theater.
1929	Es erfolgt die Gründung eines staatlichen Kindertheaters.
1934	Deutsche Emigranten gründen die «Kolonie Links». Auf Befehl Stalins wird das Theater 1941 aufgelöst.
Bis 1941	In allen Gebieten, wo deutsche Kolonisten leben, spielen zahlreiche Volkstheaterensembles.
Von 1941–1980	Nach der Deportation aller Deutschen aus ihren Heimatgegenden und nach Auflösung der ASSR der Wolgadeutschen gibt es in der Sowjetunion kein deutschsprachiges Theater mehr.
26.12.1980	Gründung des Deutschen Schauspieltheaters im kasachischen Temirtau.
August 1989	Umzug des Theaters nach Alma-Ata

VORWORT

Am 26. Dezember, einem schönen sonnigen Wintertag ging zum ersten Mal der Vorhang des deutschsprachigen Theaters der Nachkriegszeit hoch. Für diesen Festakt der deutschen Bevölkerung in der UdSSR hat man eine Kleinstadt in Zentralkasachstan namens Temirtau gewählt. Hier sollte das Zuhause der jungen Schauspieler aufgebaut werden. So war es von der damaligen Regierung und den örtlichen Behörden bestimmt worden. Niemanden von uns fragte man damals, ob wir damit einverstanden waren. Diese Lösung war einfach und genial: in Temirtau gab es zufällig ein leeres Gebäude, ein Klubhaus, erbaut noch im zweiten Weltkrieg, und das man nun schon für die Truppe des Deutschen Theaters bestimmt hatte. Obwohl während unseres Studiums in Moskau in mehreren Gesprächen mit Vertretern des Kulturministeriums viele andere Städte aufgesucht waren, zeigten wir uns mit unserer Unterbringung doch einigermaßen zufrieden. Wir waren überzeugt, Temirtau werde für uns nur die Anfangsstufe sein. Das politische Klima gegenüber den Rußlanddeutschen im Lande wurde mit jedem Tag wärmer — als wir hatten wir von der Regierung schon einiges für unsere Entwicklung bekommen: muttersprachlichen Deutschunterricht in Schulen, Abteilungen für Heranbildung von Deutschlehrern an Hochschulen, Zeitungen, Rundfunksendungen — davon hatten die Rußlanddeutschen lange überhaupt nicht träumen dürfen, und auf ein solches — so ein großzügiges Geschenk! Die Truppe war überzeugt, dieses Theater allen Forderungen entsprechen wird und war bestrebt, ein echtes deutsches Theater zu schaffen, eines das es im Lande vorher gegeben hat und auch später nie geben wird. Dafür hatten wir genügend Lebenslust, Ausdauer, Kraft und Ideen, letzten Endes auch Ideen. Jung und zielstrebig wie wir waren krepelten wir die Ärmel hoch und... Ja, dann begannen auch Probleme.

Gleich nach der Eröffnungsfeier stellten die frischgebackenen Schauspieler fest, daß sie mutterseelenallein in ihrem neuen Zuhause dastanden. Während des Studiums fiel es niemandem ein, daß die Schauspieler auch mal einen Regisseur brauchen werden. Wie leicht hatte man keinen Extrabefehl dafür erhalten? Und jetzt fehlte die Hauptperson dafür, um eine echte Theateratmosphäre zu schaffen, eine Person, die sich völlig der Gründung der Theaterkultur der Rußlanddeutschen widmete. Mit einem Wort, wir waren ein Körper ohne Kopf, ein Theater ohne Leiter. Doch diese Lücke hat man schnell gestopft, und ein in der Theaterwelt unbekannter Regisseur, aber für uns ein «Gott», trat bald an die Spitze der jungen

Truppe. Und niemand machte sich etwas daraus, daß dieser R
gisseur überhaupt keine Ahnung von der Kultur der Rußlandde
schen, geschweige denn von den Theatern hatte, die sie vor de
Kriege besaßen. Oder spielte das damals für ein nationales The
ter gar keine Rolle? Wenn man sich heute an unser Gestern er
nert, sah alles sehr romantisch aus, wir waren sogar optimisti
gesinnt und sahen damals unsere Fehler bestimmt nicht. Wir war
im Volke beliebt, man trug uns, wie man sagt, auf den Händen u
las uns alle Wünsche von den Augen ab. (Natürlich, hat das
den Behörden nichts zu tun — es war unser Zuschauer, der uns
der ersten Zeit so verwöhnt hat.) Wir waren so in unser ehrgeizig
«Ich» vertieft, daß wir kaum die Wirklichkeit der Außenwelt wa
nahmen. Wir wollten unser eigenes Theater schaffen und versu
ten es. Das war es eben. Im nationalen Studio Moskau, an unse
Alma mater hatte man uns beigebracht, daß wir uns von al
anderen nationalen Studien dadurch unterscheiden, daß wir e
«europäische» Sprache sprechen. Nur sehr wenig hat man u
aber über den nationalen Wert und die Möglichkeiten unseres Th
ters im Leben der Rußlanddeutschen bei der Entwicklung ihrer K
tur unterrichtet. Miserabel waren auch unsere Kenntnisse der
schichte unseres Volkes. Niemand hat uns während des Studi
die Geschichte des Rußlanddeutschen Theaters der Vorkriegs
beigebracht. (Obwohl wir Prüfungen in solchen Disziplinen wie
schichte des Welttheaters und Geschichte des sowjetischen Th
ters abgelegt hatten.) Als Kinder der hochgepriesenen komm
schen Epoche sind wir auf der glatten Ebene des Patriotismus
Internationalismus in unserer Alma mater erzogen worden — o
Wurzeln, ohne Geschichte, ohne Identität, aber mit guten Fa
kenntnissen. Nein, eines tat man an der Hochschule doch gut,
muß man zugeben: für die Abschlußprüfung wurde das Stück
rußlanddeutschen Schriftstellers Alexander Reimgen gewählt
dem vielversprechenden Titel «Die Ersten». Es hatte genüg
Rollen für alle Absolventen und entsprach der Breshnew-Zeit.
schloß in das Stück sogar einige Auszüge aus dem «berühm
Werk «Malaja Semlja» des ehemaligen Generalsekretärs
KPdSU, ein. Der Autor selbst wäre auf diese Idee bestimmt r
gekommen, denn er hatte in seinem Leben unter dieser Reg
viel zu viel gelitten, um sie noch zu besingen, sogar von der BÜ
Auch die Schauspieler waren von dieser Idee nicht begeistert
hätten diese «Auszüge» besser sofort von der Drehbuchliste g
chen, aber im Kulturministerium bestand man darauf, weil das S
sozusagen, nicht sehr aktuell wirkte, man müßte es also «akt
sieren»...

Alexander Reimgen schrieb wirklich ein gutes Stück über u
Volk, über die schweren Zeiten der Neulanderschließung,

Freundschaft, über die Leiden und Freuden der Völker, die in Kasachstan zusammentrafen. Zum ersten Mal sprach man in der Öffentlichkeit über die Deutschen, die sich auch wie alle anderen Völker an allen «Taten» der sowjetischen Regierung beteiligten. Zum ersten Mal klangen in der Öffentlichkeit deutsche Namen. Allein dafür hat sich der Schriftsteller ein Denkmal verdient. Ob es ihm aber heute nutzen wird? An die satten Farben und die saftigen Charaktere dieser Aufführung erinnern sich die Zuschauer heute noch. Mit dieser Aufführung bespielten wir viele Bühnen Kasachstans und Sibiriens und bereiteten damit unseren Zuschauern über- und viel Freude...

Also, Temirtau — unerfahren, jung und hilflos, mußten wir für uns die Fragen beantworten: «Welche Bühnenstücke bewegen unseren Zuschauer am meisten? Versteht er uns in Hochdeutsch, oder nur, wenn wir im Dialekt zu ihm sprechen? Braucht er unsere Kunst, oder kann er sie schmerzlos entbehren?»

Gut, das Theater in Engels hatte einen eigenen Dramatiker und konnte schon die erste Saison mit einem rußlanddeutschen Stück ankündigen. «Die Quellen sprudeln» waren von Andreas Saks exakt für die Eröffnung der neuen Spielzeit geschrieben worden. Wie war es aber bei uns? Die Möglichkeit einer weiteren Zusammenarbeit mit dem Schriftsteller und Dramatiker Alexander Reimgen hatten wir längst verpaßt, die Zeit verging und niemand von unseren Schriftstellern wurde beauftragt, ein Stück für unser Theater zu verfassen. Ehrlich gesagt, war auch niemand im Theater daran interessiert. Wozu auch? Es gab ja eine Menge deutschsprachiger Klassik, und alle Regisseure (fast jedes Jahr ein neuer!) waren bestrebt, mit uns ein «großartiges europäisches Theater» aufzubauen. Für sie war es einfach sinnlos, sich mit den ungeschickten rußlanddeutschen Dramatikern abzuquälen, die so vage Vorstellungen von den Theatergesetzen hatten...

Im großen und ganzen war aber das Repertoire der ersten Jahrgänge nicht so schlecht — Schukschin, Lessing, Goldoni, Ostrowski, Dürrenmatt — alles war da, außer rußlanddeutschen Namen. Mehrere Möglichkeiten hatten wir als nationales Theater gerade in den ersten Spielzeiten versäumt. Edmund Günther, Andreas Saks, Friedrich Bolger — diese Namen hätten eigentlich auf unserem Spielplan stehen müssen... Auch das heutige junge Theater in Almaty wird nie an diese Namen kommen. Ihre Ideen für unser Theater nahmen diese Prominenten mit ins Grab, wie die große Zahl der anderen Schriftsteller — Debolski, Hollmann, Katzenstein etc...

Waren wir blind? Warum hatte niemand darüber nachgedacht? Wo waren denn alle diejenigen, für die das Theater eine große Bedeutung hatte? Ich glaube, das kam alles von unserer mangelhaften Bildung, von Unkenntnis. Die Aufführungen dieser Jahre, so

«Die Physiker» von Fr. Dürrenmatt, «Draußen vor der Tür» von Borchert, «Der Diener zweier Herren» von G. Goldoni — waren gut gelungen, und wir waren, ehrlich gesagt, darauf sehr stolz. Wir freuten uns auch in unserem letzten Bestehensjahr, daß wir unserem Spielplan diese Titeln hatten, aber... Warum spielten nicht gleichzeitig auch solche, die unsere Geschichte, das Leben unseres Volkes betrafen!? Ausgezeichnete Kritik des Schaffens im ersten Jahre, Erfolg bei den Zuschauern und allgemeine Zufriedenheit — diese Atmosphäre war Anfang der achtziger Jahre in unserem Theater vorherrschend...

Und plötzlich... Wie ein Blitz aus heiterem Himmel: Wozu alles?! Bittere Aussagen der rußlanddeutschen Intelligenz: «Theater für die Deutschen, aber nicht über die und von den Deutschen.» An zwei Fälle möchte ich mich heute erinnern, die ich nie vergessen werde.

Nach einer Aufführung in Nordkasachstan, wo wir 1982 auf Tournee waren (wir spielten an jenem Abend «Emilia Galotti»), fragte einen alten Mann nach seinen Eindrücken. «Ach, Kind, ich habe nichts verstanne, morje komm ich nett. Liewer guck ich mir e Kino-Televisor oh, dort versteh ich mehr». Was war das? Hätten wir nicht früher merken können, daß Lessings Sprache für unsere Deutschen, die über 40 Jahre überhaupt kein deutsches Theater sahen, zu kompliziert für die Bühne, wo man nur Dialekt sprach und wo man in den letzten fünfzig Jahren kein einziges hochdeutsches Wort hörte?

Den zweiten Schock erlebten wir, als Dominik Hollmann, ein bekannte Schriftsteller in einer großen Kritik im «Neuen Leben» schrieb: «Und nun noch eine sehr ernste Bemerkung: wir verstehen fast vollständig Bühnenstücke, die das Leben, die Geschichte der Sowjetdeutschen darstellen. Über die Ursache des Fehlsowjetdeutscher Stücke des Theaters muß man sich Klarheit schaffen. Es muß jedem, der über die Aufgaben des Theaters nachdenkt, auffallen: es ist dies ein deutsches Theater ohne Stücke sowjetdeutscher Autoren. Ist das nicht Paradox?» Für uns war das eine Katastrophe. Wir waren empört: wie konnte er, den wir doch alle kannten, uns so beleidigen, wußte er denn nicht, daß wir «großzügiges, tolles Theater mit den besten Titeln» auf dem Spielplan aufbauen wollten? Was sollten wir da in dieser Hinsicht mit bescheidenen Dramatik unserer Schriftstellern anfangen, sie waren ja außerdem auch nur für die Dorfbühne bestimmt, was nützte uns, einem Berufstheater mit so gut ausgebildeten Fachleuten so tollen Ideen im Kopf?!

Der damalige künstlerische Leiter des Theaters Wladimir Ioroff war bereit, sofort die Situation zu retten. Es stand auch gerade ein Stück zur Verfügung: «Die große Prüfung» von Alex Debolski.

Das Stück sollte als Anfang unserer künftigen Arbeit mit den rußlanddeutschen Dramatikern gelten. Leider mißlang dieser Versuch, und wir alle tragen heute noch die Schuld dafür. Völlig falsch hatten diese Arbeit begonnen: statt zusammen mit dem Autor am Stück zu arbeiten, sparten wir uns die Mühe und versuchten das selbst zu bestimmen. Bestimmt konnte aus solcher «Zusammenarbeit» nichts Gutes entstehen. Nach langen Überlegungen wandten wir uns der Kriegsdramatik zu. Bulat Atabajew, ein kasachischer Regisseur, der 1984 die Theaterhochschule in Alma-Ata absolviert hatte, äußerte die Idee, das Stück «Der eigene Herd» von Andreas Saks zu inszenieren. Seine Erstaufführung hatte 1940 am Akademischen Staatstheater Engels stattgefunden. Natürlich mußte daran vieles bearbeitet werden, denn einige Stellen darin klangen in unserer Gegenwart zu naiv, manchmal sogar lächerlich. Der Autor fehlte uns sicher. Aber wir konnten ihn nicht mehr für unser Theater gewinnen, der Tod riß ihn aus unserer Mitte. Ungeachtet dessen brachten wir die Arbeit an dieser Inszenierung viel Neues: Wir waren so tief in die Vorkriegsgeschichte unseres Volkes vertieft, und so von der Zeit hingerissen, daß wir kaum die Zeit merkten.

Diese Arbeit war für uns von einem doppelten Wert: damit begann auch unser Kampf um unsere Geschichte als nationales Theater. Die Inszenierung fand nicht nur positive, sondern auch negative Resonanz, war uns aber trotzdem sehr teuer. Obwohl wir später auch mehrere sowjetdeutsche Stücke inszenierten, lebte diese Aufführung viele Jahre auf unserer Bühne fort. Sie gehörte mit zum Beginn einer neuen Epoche unserer Existenz. Jetzt wußten wir, daß wir als nationales Theater existieren können und daß wir ein ganz eigenes, konkretes Bild unseres Daseins zu schaffen haben. Bis dahin sah dieses Bild noch ziemlich verschwommen aus. Bewußt wußten wir mit unseren Schriftstellern (weil es damals, übrigens auch heute, keine Berufsdramatiker gab) Stücke für das Theater zu entwickeln. Eine Reihe Schriftsteller war sofort bereit, uns in jeder Not zu helfen, darunter Ewald Katzenstein, Woldemar Eckstein, Friedrich Bolger, Peter Klassen... Zugleich mit der Entwicklung der nationalen Dramatik versuchten wir, auch Prosastücke unserer Schriftsteller zu inszenieren. Das war der Fall mit den Erzählungen von Konstantin Ehrlich und Karl Schiffner. «Nachklänge oder Andenken einer Biographie» und «Ballade von der Mutter».

Natürlich hatten wir durch diese Arbeit viel gewonnen. Mit der Arbeit an neuen rußlanddeutschen Stücken für unser Repertoire haben wir zugleich mit dem Studium der Geschichte unseres Volkes begonnen. Man muß dabei aber betonen, daß in dieser Hinsicht Anfang der 80er noch Tabus herrschten. Umso größer war unsere Freude, wenn wir ein neues Dokument entdeckten und nach mehreren Aufführungen auf Tournees alles, was wir fanden, unseren

Zuschauern mitteilen konnten. Es wurde für uns Gesetz, jede Führung mit einer Zuschauerkonferenz abzuschließen. Man mußte einfach die Leute sehen und hören, wie sie jede Information anhörten, wie hoffnungsvoll sie jedes unserer Worte aufnahmen. Wir sammelten Unterschriften unter Briefen, die wir an verschiedene Instanzen richteten: an das Zentralkomitee der KPdSU, an den Ministerrat, an... Wir übernahmen bewußt die Leitung der Bewegung für die Wiederherstellung der Staatlichkeit unseres Volkes. Als Kämpfer waren wir sehr stolz darauf, obwohl es damals sehr schwierig war. Man wollte uns mit aller Gewalt den Mund halten, aber als ein einheitliches Kollektiv waren wir sehr stark und es ist niemandem gelungen, unseren Kampf zu verhindern. Wir waren uns unseres Rechts überzeugt und bestanden sehr hartnäckig darauf. Viele KGB-Leute versuchten, uns klein zu machen, hatten sogar unseren eigenen ständigen Wächter unter uns — es gelang auch ihm nicht, uns in Zweifel zu bringen. Außer dem Theater spielte das Theater die führende Rolle beim Entstehen neuer Laienkunstkollektive, beim Durchführen von Meetings für die Wiederherstellung der Autonomie der Wolgadeutschen. Allein das Beispiel des ersten Festivals der Deutschen Kultur, daß wir 1988 in Krasnodar durchführten, ist ein gutes Zeugnis davon, wie die Perestrojka uns verhalf, unsere eigene Identität zu bewahren; bis zum letzten Augenblick gab es dafür keine Erlaubnis, nur Verbot. Die Laienkünstler waren schon unterwegs, viele durften ihre Dörfer überhaupt nicht verlassen, das Hotel in Temirtau war für die Festivalbesucher geschlossen. Ungeachtet aller Schwierigkeiten ist es gelungen, das Festival dennoch durchzuführen. Wie groß war die Freude und wie gesteigert das Selbstbewußtsein aller Teilnehmer, wie viele Lieder wurden damals gesungen, wie viele Aussprachen fanden statt, wie kurz waren die Nächte... Im Herbst 1991 trat das Theater (wir hatten uns schon in Alma-Ata eingerichtet und bereiteten uns auf unser Sommergastspiel vor) eine Nachricht aus Moskau ein. Irgendwelche «Initiatoren» luden uns zum ersten Festival der rußlanddeutschen Laienkunst ein. Unser Staunen hatte keine Grenze: wo waren denn diese Leute damals, 1988? Haben sie denn nichts von dem Festival gehört, daß im Oktober 1990 in Alma-Ata stattfand (wieder auf Initiative des Deutschen Theaters!) — um lesen sie letztendlich die deutschsprachigen Zeitungen nicht, es wurde ja sehr viel darüber berichtet, es gab sogar ausführliche Kritik von Robert Korn, Johann Windholz, die Autoren überlegten, wie man diesen Schatz der Volkskultur aufbewahren könnte... Und die zahlreichen Briefe der begeisterten Zuschauern auf den Seiten unserer Zeitungen «Deutsche Allgemeine Zeitung» und «Neues Leben» — die konnte man doch sicher als echter Rußlanddeutscher nicht übersehen! Oder waren diese Menschen blind?! Vielleicht

... sie sogar auf einer weiten-weiten Insel in einem unbekanntem Meer und wußten von nichts — Gott vergebe ihnen — sie sind doch heute noch an der Spitze der rußlanddeutschen Kultur, hoffentlich haben sie wenigstens mehr Ahnung von dem, was sie eigentlich versuchen, ins Leben umzusetzen...

Langsam, aber erfolgreich führten wir unsere Arbeit mit den rußlanddeutschen Schriftstellern weiter. 1987 folgte die Aufführung «Auf den Wogen der Jahrhunderte», die die Geschichte unseres Volkes widerspiegelte. Viktor Heinz, dem Dramatiker und dem Regisseur des Theaters Bulat Atabajew, war es gelungen, einige Seiten unserer Geschichte wahrheitsgetreu und exakt darzustellen. Das war unser erster Versuch. Aber wie gern arbeiteten wir an dieser Inszenierung! Ich möchte jetzt nicht über die Schwierigkeiten erzählen — darüber in einem meiner nächsten Kapiteln, — aber ein Detail möchte ich aus meiner Erinnerung doch noch hervorrufen: das Stück, auch die Inszenierung, endete mit dem grauenhaften Erlaß vom 1. September 1941. Wie viel Durchsetzungskraft mußten wir aufbringen, damit uns erlaubt wurde, diesen Erlaß am Schluß vorzulesen! Ende der 80er Jahre wurde er in Büchern und Presseausgaben gedruckt, aber damals, damals war es noch durchaus nicht erwünscht, daß man ihn auf der Bühne herab vortrug. Der Regisseur Bulat Atabajew und die Schauspieler waren da aber einmütig! Entweder — oder...!

Und wir hatten wieder gewonnen! Nach jeder Aufführung saßen die Zuschauer niedergeschlagen und wortlos auf ihren Plätzen und schliefen mit Tränen. Es dauerte immer paar Minuten lang, erst dann begann der nicht endenwollende Beifall. Und dann wieder die Ansprache, bis tief in die Nacht hinein. Auf das erste folgte dann das zweite — «Menschen und Schicksale». Als Viktor Heinz sein nächstes Stück ins Theater brachte, dachte er noch nicht, daß wir aus diesem Thema zusammen eine Trilogie schaffen werden. Erst zum Abschluß unserer Arbeit am Stück «Auf den Wogen der Jahrhunderte» kamen wir auf die Idee, das Thema weiter auszubauen. Der zweite Teil war noch offener als der erste. Die Schwierigkeiten der Trudarmee, die unsere Väter und Großväter durchgemacht hatten, standen im Mittelpunkt der Inszenierung... Wie besessen arbeitete das Regieteam daran! Als die Leute erfuhren, was im Theater inszeniert wird, kamen sie ohne viel Umstände zu uns und erzählten uns alles, was ihnen fort... Manche Proben fielen sogar aus, weil wir uns die Geschichten derer, die die Trudarmee hinter sich hatten, anhören wollten... Endlich war es soweit, und das Theater war wieder der alte Ort im Lande, wo man die schreckliche Geschichte unseres Volkes in den Kriegsjahren veranschaulichte... Dabei versuchten wir allmählich, auch die Lücke unserer Unkenntnis der rußlanddeutschen Geschichte auszufüllen. Eine Menge von Dokumenten und Unterlagen, die damals schon nicht mehr Tabu waren, wurde im

Theater vervielfältigt und unter den Zuschauern verbreitet. Eine große, anstrengende Arbeit, die uns unsere ganze Freizeit raubt.

Aber nicht nur die Geschichte sollten die Zuschauer kennen. Man sammelte Materialien über die Sitten und Bräuche unseres Volkes; man versuchte im Theater ein Institut der Volkskunst zu gründen. Von allen Seiten trafen Briefe unserer Korrespondenten mit Liedertexten, Erinnerungen, Schwänken und praktischen Vorschlägen ein. Irene Langemann schrieb anhand der Erinnerung ihrer Mutter und der Schwänke unserer Schriftsteller das Stück «Hab oft im Kreise der Lieben», das in die Geschichte unseres Theaters einfach als «Dorfhochzeit» einging. Dem Regisseur Alexander Hahn war es gelungen, die ansprechende Atmosphäre einer Dorfhochzeit, die Bescheidenheit und Klugheit unserer Dorfbewohner natürlich und humorvoll darzustellen. Diese Inszenierung war unserem Repertoire die einzige, die keine genau festgestellte Aufführungszeit hatte. Vor der Aufführung, in der Pause und noch lange nach dem Schluß wurde getanzt, gescherzt, gesungen und gelacht.

1989 waren wir auf Gastspielen im Wolgagebiet. Im Stück «Nishnjaja Dobrinka» spielten wir am Wolgaufer «Hab oft im Kreise der Lieben». Es war Mittagszeit und sehr schwül. Unsere Zuschauer nahmen damals die Aufführung sehr ernst: sie waren überzeugt, daß das eine echte Hochzeit war und kamen mit Kuchen, Blumen, sonntäglich gekleidet, um sich an unserer Hochzeit zu beteiligen. Das war göttlich! In einem Augenblick wirkte die Stimmung der Zuschauer so auf die Schauspieler, daß man von der Seite wirklich glaubte, es wäre eine sehr gut gelungene Dorfhochzeit. Alles tanzte und sang am Wolgaufer, sogar den Regen, der dieses Fest verhindern wollte, nahm niemand ernst...

Dann spielten wir das «Volksfest» — eine Aufführung, die sorgfältig von Peter Warkentin dramatisiert wurde, mit Pfingsten und Weihnachten, mit einer Menge Volkslieder, die der Zuschauer immer gerne mitsang.

Immer wieder schreibe ich «wir», «das Theater» — aber das Theater — das war kein namenloser Gegenstand, das waren konkrete Leute, mit ihren Charakteren, mit ihren Freuden und Leidenschaften. In erster Linie die Regisseure und Schauspieler, denen das deutsche Volk hierzulande sehr dankbar war. Man darf heute die Verdienste von Erich Schmidt nicht schmälern, des Regisseurs, der zweimal den Versuch unternahm, das Theater zu leiten. Nur als Beweis: das berühmte Märchen «Der gestiefelte Kater» stand 10 Jahre auf unserem Spielplan. Die ersten jungen Zuschauer dieses Märchens kamen dann mit ihren kleinen Kindern in unser Theater, um ihnen das Märchen ihrer Kindheit zu zeigen! Mit dem Namen Erich Schmidt ist ein schönes Stück unseres Schaffens

wunden, und das darf man nicht leugnen, das vergißt sich nicht.

Eine große Reihe von Namen und Titeln schmückten unser Repertoire: Veniamin Kim — «Der lustige Tag», Wladimir Iontow — «Außen vor der Tür», «Die Physiker», Erich Schmidt — «Der Innerer zweier Herren», «Die Heirat», Bulat Atabajew — «Kabale und Liebe», «Auf den Wogen der Jahrhunderte», «Menschen und Schicksale», Juri Konenkin — «Der Bär», Ruben Andriassjan — «Grandolina», Dieter Wardetzky — «Jahre der Hoffnung», Amelie Armeyer — «Laune des Verliebten», Jorg Liljeberg — «Der zerbrochene Krug»... Namen und Titel, Titel und Namen — Regisseurnamen und verließen das Theater, die Titel ihrer Aufführungen blieben auf den Plakaten, in den Programmheften und auf der Bühne... Vielleicht klingt der Ton meines Schreibens etwas traurig, aber es ist wirklich traurig, wenn man zugeben muß, daß ein schönes Stück meines Lebens schon Geschichte geworden ist und zwar Geschichte, die man vergessen hat...

Heiner Müller, der prominente deutsche Dramatiker des zwanzigsten Jahrhunderts, schrieb einmal: «Theater — ein Ort, wo man leben lernt» — mir ist dieser Satz sehr ans Herz gewachsen, er klingt wie ein Zitat zur Geschichte des zweiten rußlanddeutschen Theaters des zwanzigsten Jahrhunderts, das wir selbst mit eigenen Händen totgeschrieben haben. Hier lernten wir das Leben kennen, hier lernten wir sterben...

Im vorliegenden Buch werde ich in freier Form über diesen «Ort», über die Existenzjahre unseres Theaters erzählen, über Menschen, die das Theater machten und über die wichtigsten Ereignisse, die sich in unserem Haus abspielten. Ich überlegte lange, ob ich überhaupt dieses Thema an die Öffentlichkeit bringen sollte — wozu alles, es gab halt einen Ort, wo wir zu Hause waren, wo wir lebten und wirkten, und jetzt gibt es ihn nun nicht. Was ist da Besonderes, warum muß man unbedingt davon Bücher schreiben? Ich weiß bis heute noch nicht, ob meine Entscheidung richtig ist, aber es gab mir das Theaterarchiv, das wir mit meinen Kolleginnen Ingrid Kramer, Valentine Bolz und später auch Natalja Nonnenmacher so sorgfältig zusammentrugen, keine Ruhe. Heute liegen die Akten mit den Unterlagen in meinem Fernsehbüro, und es haben sich sehr wenige Interessenten gefunden, die sich damit beschäftigen möchten. Ich sehe es als meine Pflicht, einige Zeilen dieses Archivs zu veröffentlichen, denn in Form eines Buches ist es einfacher, sich mit der gesamten Geschichte unseres Theaters bekannt zu machen.

Ich bitte meinen Leser und vor allem meine ehemaligen Kollegen um Vergeben, wenn ich manche Stellen zu sehr dramatisiert habe, aber so sah ich mein Theater und so blieb es in meiner Erinnerung...

Kapitel I

MOSKAU

In Verwirklichung des Beschlusses über die Bildung eines nationalen deutschen Theaters in der UdSSR sind im Sommer 1952 26 sowjetdeutsche Jungen und Mädchen in die Moskauer Stschepkin-Theaterschule bei dem Maly Theater aufgenommen worden.

Lehrer und Dozenten:

Verdienter Künstler der RSFSR, Michail Nowochishin, war Direktor der Stschepkin-Theaterschule und künstlerischer Leiter des Maly Theaterstudios.

Lydia Pawlowna Nowitzkaja — eine der besten Schülerinnen Stanislawskis, wirkte lange Jahre als Lehrerin, unterrichtete Schauspielkunst.

German Iwanowitsch Pribylow — Bewegung- und Tanzunterricht.

Damals wirkten noch an der Schule hervorragende Schauspieler, die auch dem deutschen Studio Aufmerksamkeit schenkten: Verdienter Künstler der UdSSR Michail Zarjow — Direktor des Maly Theaterstudios, Igor Iljinski u.a.

Professor Jefim Aronowitsch Brodski.

Natalja Wassiljewna Scharonowa — Oberlehrerin am Lehrstuhl für Sprechkultur,

Ludmila Nowikowa — Schauspielkunst,

Wladimir Safronow,

Natalja Petrowa,

Wladimir Martens.

Außer den allgemeinbildenden Disziplinen studierten die Studenten Geschichte der vater- und ausländischen Theater, Masken, Kostüme, Plastik und Tanz, Fechten und szenische Bewegungen, Technik der Schminke, technische Ausstattung der Bühnen.

Namen der künftigen Schauspieler:

1. Richard Burbach
2. Ella Hartwig
3. Woldemar Bolz
4. Maria Albert
5. Irene Langemann
6. Katharina Schmeer
7. Peter Warkentin
8. Dawid Schwarzkopf
9. Lydia Gross

10. Lydia Wagner
11. Jakob Köhn
12. Heinrich Knaub
13. Johann Kneib
14. Katharina Rießling
15. Woldemar Hoppe
16. Woldemar Eck
17. Peter Zacharias
18. Rosa Treiberg
19. Ella Kauz
20. Eugen Urich
21. Anatolij Heidel
22. Viktor Brestel
23. Lydia Brestel
24. Georg Nonnemacher
25. Alexander Hahn
26. Katharina Schneider
27. Irene Tokar
28. Maria Bergen
29. Alexander Thomas
30. Alexander Anschitz
31. Robert Schliedenhardt
32. Woldemar Hooge
33. Peter Kalaschnikow
34. Leo Himmel
35. Andreas Probst

Die Aufgabe, ein nationales deutsches Theater in der Sowjetunion zu gründen, beschränkte sich nicht darauf, Schauspieler für ein künftige Theater heranzubilden. Eine Schauspielergruppe ist ohne ein Theater, dazu gehört weit mehr: erstensmal das Theatergebäude, dann eine Anzahl von Fachleuten verschiedenen Berufs – vom Spielleiter über Maskenbildner bis zum Beleuchter und Puffleur. Ein Theater braucht Kostüme und Dekorationen, vor allem aber braucht es ein Repertoire. All diese Probleme harrten auf die Lösung.

Die Studenten beherrschten kaum Hochdeutsch, mußten aber innerhalb weniger Jahre das Bühnendeutsch erlernen und fließend Bühnendeutsch sprechen können. Deshalb wurde in erster Linie das ganze Theaterprogramm buchstäblich über den Haufen geworfen und Deutsch zuerst zum Hauptfach erklärt. Fünfmal pro Woche arbeiteten zwei Klassen zu diesem Zweck eingestellten Deutschlehrer daran. Der intensive Deutschunterricht war natürlich eine zusätzliche Belastung für die Studenten und für den ganzen Lehrprozess. Aber die Frage ist ja nicht anders als: Wer es nicht schafft, muß auf seine Schauspielerlaufbahn verzichten.

Die Pädagogen und Studenten arbeiteten gemeinsam an der Gründung eines nationalen Theaters für die sowjetdeutsche Bevölkerung.

Schule: liegt im Zentrum Moskaus. Sehr zentral — bis zum Roten Platz läuft man knapp fünf Minuten, direkt über die Straße liegt das Maly Theater, gleich dahinten das Bolschoi.

30 Absolventen der Theaterschule gründeten 1980 das Deutsche Dramentheater in Temirtau.

1983 DAS ZWEITE STUDIO

Ein zweites deutsches Theaterstudio wurde ins Leben gerufen. Dem ersten Studio, das heißt, dem Deutschen Dramentheater in Temirtau fehlte es an schauspielerischem Nachwuchs. Es ist sehr wichtig, daß auch das zweite Studio in der Stschepkin-Hochschule aufgenommen wurde, denn dadurch wurden die Kontinuität in der Ausbildung von Schauspielern für das Deutsche Theater in Temirtau und ein hohes Unterrichtsniveau gesichert. Die Stschepkin Theaterhochschule zählt zu einer der ältesten Lehranstalten solcher Art.

Nikolai Alexandrowitsch Annenkow — Volkskünstler der UdSSR, Professor — wurde einer der künstlerischen Leiter des deutschen Studios.

Maria Jewgenjewna Welichowa — Sprecherzieherin,

Nikolai Nikolajewitsch Afonin — künstlerischer Leiter des Studios,

Ludmila Nowikowa — unterrichtete Schauspielkunst,

Michail Wladimirowitsch Mundirow — Deutschsprachlehrer,

Natalja Nikolajewna Stoda,

Wladimir Prochorowitsch Selesnjow,

Natalja Alexandrowna Pichota — Konzertmeisterin,

Galina Poshidajewa — Gesanglehrerin,

Wladimir Kaljasin — Moskauer Theaterwissenschaftler —

folgte im Laufe der Jahre die Geschichte des Deutschen Dramentheaters in Temirtau und die Studienerfolge des zweiten Studios.

Im Jahre 1975 begannen die Kandidaten der Philologischen Wissenschaften Kliment Kolossow und Boleslaw Kandinski sowie Michail Mundirow ihre Arbeit mit den Studenten des ersten Deutschen Studios an der Theaterhochschule, setzten ihren Unterricht auch im Studio Nr. 2 fort, für das die Aufnahme im Jahre 1983 erfolgte. Als Hochschullehrer und Philologen gehören sie zu

...gen Fachleuten in unserem Land, die das Bühnendeutsch be-
...schen, zugleich aber auch über umfangreiche pädagogische
...nungen verfügen.

Diese Gruppe kam aus verschiedenen Gegenden — aus Altai,
...schetaw, Karaganda — und die Zukunft schien allen als etwas
...t Besonderes und Schönes. Sie wußten, daß der Schauspieler-
...f sehr schwer ist und stellten sich auf harte Arbeit ein. 25
...chen und Jungen waren es zu Beginn des ersten Studienjah-

1. Viktoria Gräfenstein
2. Nikolaus Riesche
3. Valentina Ginnerhardt
4. Andreas Schwarzkopf
5. Heinrich Lein
6. Eduard Neuberger
7. David Winkenstern
8. Alexander Bäcker
9. Alexander Klassen
10. Helena Haak
11. Maria Maxstadt
12. Lydia Rebensdorf
13. Nelly Klöckner
14. Alexander Hessel
15. Viktor Pretzer
16. Pauline Paal
17. Eduard Neuberger
18. Eduard Zieske
19. Lilli Hense
20. Lilli Rose
21. Viktor Justus
22. Lilli Schimpf
23. W. Hammerschmidt

Kapitel II

DIE ERSTEN

...it der Aufführung «Die Ersten» von Alexander Reimgen be-
...gann die Geschichte der nationalen Dramatik auf der Bühne
... Deutschen Dramentheaters. Er war der erste von den sowjet-

deutschen Schriftstellern, dessen Stück im Theater aufgeführt wurde. Es trug den symbolischen Titel «Die Ersten». «Die Ersten nannte man die Helden des Stückes — die Neulanderschließer. Die Ersten — das waren auch die jungen Schauspieler des neugegründeten Theaters. Diese Aufführung war gerade das, was der Zuschauer vom Theater erwartete. Die Helden — Menschen aus dem Alltag, mit ihrem Glück und Kummer, wandten sich von der Bühne an den Zuschauer in seiner Muttersprache, so wie sie ihm auf dem Mund liegt! Ein halbes Jahr arbeiteten die Diplomschauspieler des ersten Studios mit den Pädagogen und Dozenten sowie mit dem Autor an der Vorbereitung der Aufführung.

Die Regie führten G. Dmitrijew und W. Martens — erfahrene Künstler des Maly Theaters, die Musik stammt vom russlanddeutschen Komponisten E. Muntaniol.

Während der Arbeit wußten alle Bescheid, daß es sich nicht um ein für die Schule gedachtes Schauspiel, sondern um eine Inszenierung handelt, die dann später auf dem Spielplan des Theaters stehen wird. Am Anfang war nichts — keine fertige Textfassung, keine Erfahrungen mit großen Inszenierungen, keine Entwürfe für die Bühnengestaltung, noch nicht mal der Stein, auf dem der Held Mirab Guljam-bobo am Anfang des Stückes sitzt und die schmerzliche Legende von den vergeblichen Versuchen der Menschen, die Welt zu erobern, erzählt. Außerdem mußten so viele handelnde Personen im Stück sein, daß alle 32 Studenten des Studios mitwirken konnten. Andererseits hatte die Hochschule selbst keine Mittel für die Inszenierung solcher Aufführungen, das Geld aber, das dem Ministerium der Kultur Kasachstans zugewiesen wurde, konnte verwendet werden, weil es keinen «Verfügungsberechtigten» gab, keinen Theaterdirektor. Also — eine Menge von Problemen, die während der Arbeit gelöst werden mußten.

Nachdem sich Professor Grigori Dmitrijew und Oberlehrer Vladimir Martens mit dem Inhalt des Stückes vertraut gemacht hatten, stellte es sich heraus, daß die Zeitungsversion nicht ganz für die Bühne geeignet war. Aus dem fernen Dshetyssai, wo die Helden des Stückes, die Bezwingler der Hungersteppe, leben und arbeiten, wurde der Autor Alexander Reimgen nach Moskau gebeten. Nach einem Monat anstrengender Arbeit des gesamten Teams wurde eine neue Variante fertig. Die Rollenverteilung war vermutlich auch so einfach: In dem Stück wirkten neben Sowjetdeutschen viele Personen usbekischer und kasachischer Nationalität sowie Russen und Ukrainer mit. Dabei waren nicht nur die runden Gesichter und die starken Backenknochen, sondern auch die Übereinstimmung der Charaktere der Studenten, mit denen der Geschehnisse im Stück zu berücksichtigen... Es begann die Umsetzung des Stückes, die schöpferische Tätigkeit jedes einzelnen unter Anleitung

Regisseure — kurz, es begann die Arbeit. Als sich Inhalt und Handlung im wesentlichen abzeichneten, verpflichtete man den Bühnenregisseur Fjodorow zur Arbeit an der Bühnenausstattung. Da saßen Studenten und Regisseure in einer Saalecke und blickten auf einen Kasten, der in Größe und Form an einen Fernseher älterer Bauart erinnerte. Der Kasten war von oben und von innen beleuchtet. Auf dem Boden lag ein Steinchen und daneben ein Stück vergilbter Draht. So sah das Modell des Bühnenbildes aus, das sich später noch ein wenig transformierte und letztendlich ausgeführt werden war.

Nach der Premiere auf der Lehrbühne des Maly Theaters kamen die Zuschauer auf die Bühne und beschenkten ihre Schauspieler reichlich mit Blumen.

Mit dieser Aufführung begann auch die Geschichte des Deutschen Theaters in der kasachischen Steppe — Temirtau, nannte sich der Ort, wo die Schauspieler ab Dezember 1980 ihre eigene Spielstätte aufbauen sollten.

Temirtau — ein Ort, wo man auf diese jungen und selbstbewußten Menschen nicht so sehr begeistert war, weil man in der Zeit des «Kollisionsstillstandes» und der Stagnation überhaupt auf nichts begeistert war, weil man sich selbst mit eigenen Händen das Leben nicht schwerer machen wollten. Aber einen Parteibeschluß zu ändern, war auch unmöglich, und so mußten die zuständigen Behörden in Karaganda und Temirtau die Ärmel aufkrämpfen und sich an die Arbeit machen — hier, an diesem Theater sollte künftig alles am Schnürchen laufen!

Aber vor allem mußte die Eröffnungsfeier stattfinden und sie mußte auch ordentlich organisiert werden.

Das Theater kam nach Temirtau mit drei fertigen Aufführungen auf seinem Spielplan, dafür hat das Maly Theater gesorgt. Aber ein Theater kann kaum ohne Regisseure, Bühnenbildner, Direktoren u.a. Mitarbeiter funktionieren — darüber dachte damals niemand nach. Sie mußten die Schauspieler selber dafür sorgen, daß alles rechtzeitig vorbereitet wird und daß auch alles klappt. Noch im Sommer kamen alle mit Familien nach Temirtau und wurden in einem Hotel untergebracht, weil die bestimmten Wohnungen noch nicht fertig waren. Das Theatergebäude wurde auch renoviert — so mußten die Schauspieler selbst mitarbeiten und auch die Leitung übernehmen. Dann gingen David Schwarzkopf und Woldemar Bolz — wahrscheinlich, weil sie ein wenig älter, als ihre Kollegen waren und ein wenig mehr Courage hatten. Trotz der Schwierigkeiten der ersten Temirtaer Monate, war es doch sehr schön endlich ein eigenes Theater zu besitzen und Pläne für die Zukunft zu schmieden. Und mit Plänen für hier alles in Ordnung, man saß nächtelang über Projekte, die das Theater eines Tages berühmt machen sollten.

Endlich traf die Eröffnungsfeier ein. Der Theaterdirektor H sorgte für die Gäste, die die Behörden vertraten, die Schauspieler für diejenigen, die sich wirklich auf dieses Fest freuten — Schriftsteller, Journalisten, Freunde — sie gehörten auch zu den erst dankbaren Zuschauern des Theaters. Es war eine schöne Feier die Einweihung des neuen Theaters! Bis Dezember 1980 gab es in Kasachstan 49 Bühnen, auf denen in Russisch, Kasachisch, Ukrainisch und Koreanisch gespielt wurde, und jetzt, kurz vor der Jahrtausendwende bekamen sie einen «Familienzuwachs» — die fünfzigste Bühne gesellte sich dazu, diesmal eine deutsche.

Ein Grußschreiben von Demitschew, Kandidat des Politbüros des ZK der KPdSU und Kulturminister der UdSSR wurde verlesen. Sheksembek Jerkimbekow, Kulturminister der Kasachischen SSR betonte in seiner Ansprache: «Im kulturellen Leben Kasachstans ist ein Ereignis von großer Tragweite eingetreten: Kurz vor dem XXII. Parteitag der KPdSU und dem XV. Parteitag der KP Kasachstans nimmt ein neues interessantes nationales Kollektiv seine Tätigkeit auf. Die Gründung des Deutschen Theaters wird für die internationalistische Erziehung der sowjetischen Menschen von bedeutendem Einfluß sein» — wie die Zeiten, so die Reden!

Auch Michail Nowochishin, Rektor der Stschepkin-Hochschule sprach zu seinen einstigen Zöglingen. «Euch steht der Start eines selbständigen Flug bevor. Wie er sich gestaltet, dieser Start, hängt von euch selbst ab. Wir eure Lehrer werden diesen euren Flug aufmerksam verfolgen. Und noch etwas: Hütet euer Theater. Lasst es dieses Kollektiv zu schöpfen, und vergeßt nie: Die Arbeit eines Schauspielers — das ist Mut und nochmals Mut!» Im Laufe der Jahre konnten sich die Pädagogen sowie die Zuschauer vielfach überzeugen, daß das Deutsche Theater und seine Schauspieler Mut besaßen, ohne Mut hätten wir bei allem guten Willen das, was wir erreicht hatten, nie erreichen können.

...Nach den Reden flammten die Rampenlichter des neuen Deutschen Theaters auf, der Vorhang ging hoch, und das junge schillernde Ensemble eröffnete seine erste Spielzeit. Die ersten Zuschauer des Theaters, die den Saal bis auf den letzten Platz gefüllt hatten (wie schade, daß er nur 400 Plätze hatte!), tauchten in das große Geheimnis des Theaters unter. Vor ihren Augen spielte das äußerst komplizierte, entbehrungsvolle, aber optimistische Leben der Neulanderschließer — der Bezwingler der Hungersteppen ab. Zusammen mit den Helden in Alexander Reimgens «Die ersten», Heinrich Heinrichowitsch, dem Kolchosvorsitzenden (Darsteller Peter Zacharias), Minna (Rosa Treiberg), Hannes (Woldemar B. Asilbajew (David Schwarzkopf), Sornow (Heinrich Knaub) und vielen anderen teilten die Zuschauer die Strapazen der ersten Monate auf dem Neuland. Die Erstaufführung... Das war noch immer

de Aufregung. Die jungen Schauspieler fielen manchmal aus
in Rollen, aber das waren wirklich nur kurze Augenblicke, und
sich freuten die Zuschauer wieder an den gesunden, urwüzi-
Geist des alten Hannes, «eines Tischlers, wie es ihn kaum
zweiten gibt», und seiner etwas widerspänstigen Katharina.
Katharina verkörperte die Schauspielerin Katharina Schneider, sie
achte es meisterhaft. Selbst sprach sie über diese Arbeit folgen-
«Diese Rolle war meine erste ernste Arbeit, ich liebte sie sehr,
on diese Frau verkörperte in sich die besten Charaktereigen-
schaften unserer Mütter — ihren Lebensmut und ihre Opferbereit-
schaft, ihre Arbeitslust und die grenzenlose Menschenliebe. Ich
jetzt, daß mir nicht alles an dieser Rolle gelungen war, denn
Katharina war ja auch viel älter als ich, hatte viel reichere Lebens-
erfahrungen. Aber das war ja auch erst der Anfang meiner schöpfen-
nen Laufbahn.»

Es war bezeichnend, daß das Deutsche Theater seine erste
zeit mit dem Werk eines sowjetdeutschen Schriftstellers be-
onnen hatte — damit wollte das Ensemble sich selbst und seine
Zuschauer versichern, daß es erst der Anfang ist und das noch
mehrere Stücke unserer rußlanddeutschen Autoren in diesem Haus
die Bretter gebracht werden. Andreas Kramer, der an der Eröff-
ungsfeier teilnahm, schrieb dann später in einem Bericht: «Die
Eröffnung des Deutschen Theaters ist ein großes Ereignis nicht nur
Kasarganda, nicht nur für die Bevölkerung Kasachstans. Die So-
wjetdeutschen des Regions Altai warteten nicht weniger auf den
der Geburt des neuen Theaters. Wir begrüßen im Namen der
Bevölkerung des Altai das junge Kollektiv der Schauspieler und
sich herzlich zu uns zu Gastspielen ein. Es ist sehr erfreulich,
er man das Theaterleben dieses Kollektivs mit dem Stück eines
sowjetdeutschen Dramatikers, unseres geehrten Alexander Reim-
g, begonnen hat. Und ich glaube, daß diese Aufführung ein Ge-
hen war, und das die Zuschauer sehr damit zufrieden waren...»

«Emilia Galotti» stand am 24. Oktober 1979 am Eingang der
hale des Maly Theaters in Großbuchstaben geschrieben. «Ein
uerspiel von Gotthold Ephraim Lessing. In deutscher Sprache.
geführt von Studenten des deutschen Studios an der M. S.
hepkin-Theaterschule.»

in diesem Abend hatten sich im Saal Lehrer und Studenten
der Maurice Thorez-Hochschule und Fremdsprachenfakultäten
erer Moskauer Hochschulen wie auch viele andere Liebhaber
deutschen Sprache eingefunden. Ein recht anspruchvolles Pu-
rum. Kein Wunder also, daß die jungen Schauspieler ihr Lam-
dieber nur mit Mühe und Not beherrschten, was man ihnen zu-
hen auch ansah. Aber das Publikum erwies sich auch als nach-
tig und wohlwollend — der Beifall und das aufmunternde Lä-

cheln im Saal gaben den Studenten ihr Selbstvertrauen wie Viele Zuschauer aus Kasachstan konnten das Trauerspiel noch Sommer während des Gastspiels des Studios erleben. Alex Warkentin, der immer wieder in der Zeitung «Neues Leben» Berichte über die Arbeit des Studios brachte und sehr aufmerksam jede Aufführung verfolgte, schrieb: «Von Aufführung zu Aufführung das Niveau gestiegen. Das neue Bühnenbild, obwohl immer noch provisorisch, ist schlicht und zweckgemäß. Die eingeführte Begleitmusik unterstreicht Stimmung und Tempo der Handlung. Auch das Spiel der einzelnen Darsteller hat der Regisseur Wladimir Safroin einige Korrekturen vorgenommen. Mit einem Wort, was den Zuschauern in der Filiale des Maly Theaters gezeigt wurde, war nicht ein Übungsstück, noch Generalprobe, sondern eine Diplomarbeit, die man trotz allen noch vorhandenen Mängeln — schließlich sind es ja Studenten und keine verdienten Künstler — als Bühnenarbeit bezeichnen kann. Die Zuschauer bekräftigten diese Meinung mit recht enthusiastischem Beifall. Die erste Diplomarbeit... Die erste reiche Moskauer Premiere auf der Bühne des berühmten Maly Theaters ist ein bedeutender Schritt zu der Eröffnung des sowjetischen Theaters, auf die wir alle so gespannt sind.»

«Die Schneekönigin» — ein Märchen von Eugen Schwarz, die dritte Diplomarbeit der Studenten des ersten Studios und auch auf dem Programm der ersten Spielzeit des Deutschen Theaters. Es handelt sich hier um eine Kindervorstellung, die zum ersten Mal im Dialekt gespielt wurde, den ganzen Abend sprach man auf der Bühne das sogenannte «Wolgadeutsch» und ab und zu ein bisschen Schwäbisch. Nur die Bösewichter im Stück, das waren Herr Kommerzienrat (Peter Zacharias) und die Schneekönigin (Irene Tokar) führten das hochdeutsche Wort. Der Speiseeisschlecker von einem König (eine gute Leistung von Johann Kneip), der trotz seiner Dummheit den hohen Stil mitzuhalten, der mußte halt ein bisschen Wolga- und Hochdeutsch schwätzen... So wollte es der Märchenzähler (David Schwarzkopf) und mit ihm war nicht zu streiten. Nach den Regieanweisungen konnte er sich auch direkt in die Handlung einmischen, den schließlich war es ja nun ein Märchen, das es im Auftrag von Hans-Christian Andersen und Eugen Schwarz zu zählen tut.

«Die Schneekönigin» war ein Debüt nicht nur für die Studenten, — denn alle waren zum ersten Mal in einer Kindervorstellung besetzt, sondern auch für ihre junge Pädagogin Ludmila Nowikowa, die zum ersten Mal so einen ernstesten Regieauftrag von der Leiterin der Hochschule erhalten hatte. Die Melodien für das Märchen komponierte Eduard Isaak, der nicht nur aus anderen Musikstücken die musikalische Begleitung zusammengestellt hatte, sondern auch einige Texte extra für das Märchen vertont hatte. Dieses Märchen

immer, während jeder Aufführung ein wahres Fest für die Kinder — sie waren glücklich, weil das Märchen ja einen guten Schluß (wie alle Märchen auf der Welt!) hatte und vor allem, weil es da immer viel Blumen gab: die Schauspieler überschütteten die Zuschauer von den oberen Rängen mit selbstgefertigten Blumen, und das war wunderbar! So blieb dieses Märchen auch in Erinnerung: das wunderschöne Rußlanddeutsch und der Blumenregen am Schluß. Wenn der Himmel die Erde nur mit Blumenregen segnen könnte, hätte vielleicht auch das Leben viel mehr heiteren Farben und vielleicht hätte dieses Theater auch eine längere Existenz und mehr Freude erlebt...

Mit diesen drei Titeln auf dem Spielplan mußte das Theater seine Tätigkeit in Temirtau beginnen. Natürlich war dieses Repertoire bei weitem nicht ausreichend für eine ganz normal funktionierende Theatertruppe, und die Leitung des Theaters sowie die Parteifunktionäre des Gebiets Karaganda machten sich Kopfschmerzen über das weitere Bestehen des Theaters und über seinen Spielplan. Aus Leningrad wurde Eduard Arakelow eingeladen, der als Regisseur die Oberhand übernehmen sollte. Direktor Haak, der immer ganz wenig Ahnung von einem Theaterunternehmen hatte, beschäftigte sich nur mit wirtschaftlichen Sachen und mischte sich nur selten in den schöpferischen Prozess ein. Das war auch nicht sein Anliegen — dafür sorgten mehr die Schauspieler, die sehr selbstbewußt begonnen hatten, ihr eigenes Theater aufzubauen. Das war gar nicht so leicht unter den Bedingungen, die ihnen die Provinzstadt Temirtau bieten konnte. Im Vergleich zu Moskau fühlten sie sich fast wie in einem «geschlossenen Raum», denn Entscheidungen treffen durften sie sehr selten, das taten für sie die Vorgesetzten. Aber ihr Selbstbewußtsein und Verantwortungsgefühl konnten das nicht lange dulden: so geht es nicht weiter, daß wir im Theater nichts zu sagen haben, hieß es eines Tages, und die Leitung mußte einfach zurücktreten. Es war auch höchste Zeit, denn im Laufe von fast einem halben Jahr hat man auf der Bühne nichts Neues inszeniert und so konnte es nicht weitergehen: man wartete auf das Theater überall, man wollte jetzt nicht nur seine Arbeiten erleben, sondern auch sehen, was das Theater tatsächlich kann. Es mußten neue Namen und neue Titel auf den Spielplan kommen. Eduard Arakelow kehrte wieder glücklich nach Leningrad zurück, beglückte dabei noch eine junge Schauspielerin, die aus Liebe bereit war das schwere Los eines Regisseurs zu übernehmen, und wieder stand das Ensemble ohne Spielleitung. Was tun? Man mußte sofort etwas unternehmen und die Situation retten: das Lustspiel nach Altai stand schon auf dem Plan, und zum Zögern war keine Zeit. Da kam auch der «Rettungszug» an. Es war Veniamin Kim, ein Regisseur, der sich für das Schaffen des Theaters

interessierte und bereit war, seine konstruktive Lösung ins Leben umzusetzen und zwar in sehr kurzer Zeit. So, von früh bis spät wurde an einer Dorfkomödie, die wiederum im Dialekt gespielt werden sollte, geprobt. Es war «Der lustige Tag» eines russischen Dramatikers Alexander Pokrowski. Die Schauspieler Heinrich Knaub, David Schwarzkopf und Johann Kneib übersetzten das Stück vom Russischen ins Wolgadeutsche, und die Proben begannen. Der Regisseur wußte genau, was er inszenieren wollte und vor welchem Publikum er anzusprechen hatte. Das imponierte den Schauspielern, und es schien, wieder Frieden im Haus zu herrschen. Die Premiere in Temirtau ist es trotzdem nicht gekommen. In einem Artikel vom Schauspieler Heinrich Knaub lesen wir (Neues Theater 1981): Vor kurzem gingen die ersten Gastspiele unseres Theaters in Dörfern der Kulunda-Steppe zu Ende. Sie führten uns in die Rayons der Altairegion. Das Ensemble trat in großen und kleinen Dörfern auf... Eindrücke gibt es umheimlich viel... Auf die Vorbereitungen bereiteten wir uns intensiv, allerdings, offen gesagt, in ziemlicher Eile vor. Es hatte sich so ergeben. Wir hatten unseren Spielplan erweitern — in weniger als zwei Monaten galt es, zwei Stücke in Szene zu setzen. Das mutete nahezu wie ein Abenteuer an, denn es gab keinen anderen Ausweg. Die Inszenierung nach dem Ostfriesen-Ski-Stück «Eine Dummheit macht auch der Gescheiteste» war innerhalb eines Monats fertig. Die Abnahmekommission war mit der Aufführung zufrieden. Für die zweite Inszenierung «Der lustige Tag» verblieb äußerst wenig Zeit. Geprobt wurde praktisch von früh bis spät. Mir fiel überdies die verantwortungsvolle Aufgabe zu, die Hauptrolle zu spielen. Kurz über den Inhalt: Der Vorsitzende einer Genossenschaft fährt für einen Tag weg und setzt an seiner Stelle den Bauernführer Iwan Maly ein. An diesem einzigen Tag verbringt er nur gute Taten, vor allem sorgt er dafür, daß das Getreide der Kollektive vor Regen bewahrt wird. Das Stück ist eine Komödie. Wir waren überzeugt, daß das Thema dem Zuschauer auf dem Lande nahe geht, und nahmen ohne viel Federlesens die Arbeit an dem Stück in Angriff. Eine der wichtigsten Szenen wollte uns jedoch nicht gelingen — das Gespräch zwischen Maly und Nastjona, der Frau, die er liebte und die zu heiraten ihm doch nicht vergönnt war. Diese Szene wird von Katja Schneider dargestellt. Der Regisseur Veniamin schlug Katja und mir vor: «Wollen wir diese Episode nach der allgemeinen Probe üben?» «Das würde bis spät in die Nacht dauern. Uns fällt ja auch jetzt schon vor Ermüdung nichts Geschickliches mehr ein.» «Versuchen wir es trotzdem», beharrte der Regisseur. Nach kurzer Überlegung stimmten wir zu. Ich erinnere mich noch, wie wir im vereinsamten Theater saßen. Kein Ton ringsum, nur die kommende Stille. Nur ab und zu waren die Schritte des Regisseurs zu hören. Jeder überlegte, wie diese heimtückische Szene anfallen

zu gestalten wäre. Da sagte Katja plötzlich: «Was meint ihr, wenn wir es so machen...» Und sie erklärte uns ihre Variante. Das Stück wurde rechtzeitig in Szene gesetzt. In Temirtau gab es aber keine Premiere. Sie sollte im Dorf Nikolajewka, Rayon Blagowestrenka, stattfinden, in einem kleinen Klubhaus. Wir waren sehr begeistert. Sowohl die erste als auch die zweite Vorstellung wurden mit besonderer Begeisterung aufgenommen. Wir fühlten, daß ein Teil bei uns nicht ausgereift genug auf die Bühne gebracht wurde. Trotzdem... Am dritten Tag lief im Dorf Gjadan alles von Anfang an erstaunlich gut. Schon der erste Beifall gab uns Auftrieb. «Den nächsten Tag» spielten wir fast täglich und immer mit Erfolg. Viel später: Wenn wir mit einer anderen Aufführung in ein Dorf kamen, werden wir sofort gefragt: Werdet ihr auch «Den lustigen Tag» geben?..

Wir hatten dankbares und interessantes Publikum. Man spürte, daß die Gastspiele mit Ungeduld erwartet worden waren. Kaum sah man unser Bus vor einem Dorfklub, schon wurden wir von alter Jugend umringt. Manchmal knüpften sich kurze Gespräche an. Hinter stellte sich heraus, daß wir überhaupt das erste Berufsensemble waren, das im jeweiligen Dorf gastierte. Meistens reichten die Plätze nicht aus, viele kamen mit eigenen Stühlen und Bänken zur Vorstellung. Die Zuschauer auf dem Dorf sind nicht verwöhnt, das war vielleicht der Grund, warum sie unsere Aufführungen mit besonderer Freude besuchten. Betonen möchte ich noch, daß die Zuschauer recht unterschiedlich waren. Was an einer Stelle gefiel, rief anderswo keine Emotionen hervor. Ich erinnere mich gut an das Kulturhaus Serebropol. Man bat uns sehr wiederzukommen. In diesem Dorf besteht schon jahrelang ein Volkstheaterkollektiv, das Alexander Termer, ein großer Enthusiast, leitet. Gegenwärtig träumt er davon, eine Aufführung in deutscher Sprache auf die Bühne zu bringen.

In der Regel saßen ältere Leute in der ersten Reihe, freilich kamen auch Jugendliche, Oberschüler zu den Vorstellungen. Für die kleinsten Zuschauer zeigten wir nachmittags «Die Schneekönigin». Dennoch war das jugendliche Publikum nicht so zahlreich vertreten. So manches Mal hörten wir: «Wir verstehen ja schlecht Deutsch». Das Theater gastierte in Dörfern, wo hauptsächlich deutsche Bevölkerung lebt. Die Schüler sollten dort, so denkt man, von der ersten Klasse an Deutsch als Muttersprache lernen. Als wir fragten, wie es damit aussieht, stellte es sich heraus, daß in kleineren Dörfern auf Initiative der Lehrer selbst die Gruppen mit deutschsprachlichen Unterricht reduziert worden waren. Man berief sich dabei auf mehr Sorgen und zusätzliche Arbeit mit dem Stundenplan. Uns schienen diese Gründe nicht stichhaltig. In Podsolon und Kussak, z. B. wird Deutsch schon viele Jahre als Mutter-

sprache mit großem Erfolg unterrichtet. Das Problem macht Sorgen. Wenn die Muttersprache nicht gelehrt wird, wie es gehört, wer wird dann wohl in ein paar Jahren deutsche Zeitungen lesen, Rundfunksendungen in deutscher Sprache hören und Theater besuchen?

Während der Gastspiele im Altai gaben wir mehr Vorstellungen als in dem ganzen vorangegangenen Jahr. Täglich spielten beide Besetzungen: die eine «Den lustigen Tag» in einem Dorf, die andere «Emilia Galotti» gleichzeitig im Nachbardorf. Somit waren alle Schauspieler bis zum letzten Mann beschäftigt. Das war wichtig. Denn bis dahin sah das Bild folgendermaßen aus: Das Theater hatte bereits eine Saison gespielt, manche von uns aber hatten bis zu diesem Zeitpunkt noch keine Gelegenheit, ihre Feuerprobe zu bestehen. Viele waren lediglich in Nebenrollen besetzt. Immerhin war es für alle möglich zu zeigen, was sie konnten. Interessant ist, daß das Stück «Die Ersten» von Alexander Reimgen, das wir bisher recht selten gespielt hatten, während der Gastspiele in den Altaidörfern sehr gut ankam. Vielleicht lag es auch daran, daß diese Geschehnisse auf der Bühne den Ackerbauern der Altairegion nahestanden, denn auch sie zählen zu den Neulandfahrern.

Die Gastspiele sind zu Ende, das erste Jahr unserer Arbeit ist um. Jeder von uns erinnert sich sicher an die feierliche Eröffnung unseres Theaters. Da wurden nicht nur gute Wünsche überbracht, sondern auch von eventuellen Schwierigkeiten gesprochen. Es ist keine Übertreibung, wenn ich sage, daß es Schwierigkeiten gegeben hat. Es war das Jahr wahrhafter Prüfungen. Der alte Regisseur ist gegangen, ein anderer an seine Stelle getreten, dessen Handschrift sich stark von der seines Vorgängers unterscheidet. Die einen Schauspieler bewährten sich von Anfang an, andere begannen erst den Boden unter ihren Füßen abzutasten.

Wir werden erwachsener. Damit werden unsere Aufgaben komplizierter, an uns werden höhere Anforderungen gestellt. Uns stehen die Suche nach neuen Wegen und neues Herzklopfen bei jeder Begegnung mit dem Zuschauer bevor.

So, besser konnte man es auch nicht sagen. Jung, energiegeland und ohne Komplexe eroberten die gestrigen Studenten die Theaterbühne und machten keine schlechte Erfahrungen. Was sehr wichtig für dieses Studio war: sie waren auf die deutsche Sprache besessen und machten sich vom ersten Tag an Gedanken, wie das Deutschtum auch weiterhin erhalten kann, denn sie wissen Bescheid, wenn die Zuschauer die Sprache verlieren, hat es keinen Zweck, Theater in deutscher Sprache zu machen.

Eigentlich hätte ich mit der Aufführung «Eine Dummheit nach auch der Gescheiteste» nach Ostrowskis Stück diesen Teil des ersten das erste Bestehensjahr des Theaters beginnen sollen. Diese

Inszenierung war sozusagen der Einstieg in den beruflichen Alltag für die Ensemblemitglieder. Veniamin Kim, der die Spielleitung übernommen hatte, wollte sich mit dieser seiner ersten Arbeit auf der deutschen Szene einfach durchsetzen und seine Variante Ostrowskis Komödie vorschlagen. Die Diskussionen über die Aufführungskonzeption und Regiemethoden begannen schon in der ersten Etappe der Arbeit an der Aufführung. Sollte das Stück auf traditionelle Weise inszeniert werden oder wollte man eigene Wege gehen, dem Stück eine neue Note verleihen? Regisseur und Schauspieler waren sich darin einig, daß das Wesentliche in Ostrowskis Stück herausgestellt, die Heuchelei und Scheinheiligkeit der Helden, ihre geistige Leere und die Beschränktheit ihres Tuns deutlich gemacht, daß Charaktere auf die Bühne gebracht werden mußten, die im Gedächtnis bleiben — so hohe Ziele verfolgte man bei dieser Arbeit. Zeit für die Inszenierung war sehr wenig vorhanden, die Arbeit sehr weitgehend und das Einzige, was dem Team blieb, war die anstrengende Arbeit wieder von früh bis spät. In der Gebietszeitung «Industrialnaja Karaganda» lesen wir nach der Premiere den Beitrag von Jekaterina Kusnezowa unter dem Titel: «Gesucht und gefunden»: Der Hauptheld Glumow — wird in der ersten Besetzung von David Schwarzkopf, in der zweiten von Peter Warkentin gespielt. Mit unterschiedlichen Ausdrucksmitteln ging jeder der beiden Schauspieler auf seine Weise an die Gestaltung dieser Rolle. Schwarzkopfs Glumow wirkt recht exzentrisch in seiner unverhüllten Gier nach Karriere, nach Erfolg. Er spielt den Hanswurst, um damit seine Ränke, seine Härte, Zynismus und Erbarmungslosigkeit zu verdecken. Nichts ficht ihn an. Zweifel und Bedenken kennt er nicht. Warkentins Glumow ist sanfter, der Schauspieler erschließt die gleichsam von innen heraus, überhastet nichts. Seinem Helden kommen in einem bestimmten Stadium Zweifel, ob der von ihm gewählte Weg, «nach oben zu kommen», richtig ist, mit spürbarer Anstrengung und erst nach geräumer Zeit überwindet er seine innere Verwirrung, aber einmal auf dem Weg des «Glumowtums», führt er ihn unbesehen weiter. Die von den jungen Schauspielern gespielten Charaktere sind unkonventionell und dadurch interessant, sie werden in neuem Licht gesehen und sind auffallend emotionalbetont gestaltet. Beide Schauspieler stellten sich das Ziel, nicht einfach die niedrigen Bestrebungen des Helden zu zeigen, sondern die eigentliche Wesen eines «Anpassers», dem alle Mittel recht sind, wenn er nur sein jämmerliches Ziel erreicht.

Interessant gelöst wurde auch die Gestalt Mamajew. In der Darstellung durch Woldemar Bolz ist er ein aufgeblasener und selbstgefriedener Großtuer und Schwätzer. Der Mamajew von Johann Weib ist verschlagen, geschickt und vorsichtig. Dem Schauspieler gelang es, die geistige Leere dieser Figur, die Prahlerei, das Stre-

ben, mehr zu scheinen als zu sein, sich den Anstrich von Bedeutung zu geben, bloßzustellen. Kneibs Interpretation enthält deutliche ironische Momente, und das verleiht seinem Mamajew eine besondere Farbe. Unbedingt erwähnt sei auch ein weiteres Plusstückes — die von Eugen Urich gespielte Rolle. Sein Gorodulir ist zynisch und klug, er kann charmant und gleichgültig sein, er gleicht einem Chamäleon, das seine Farbe je nach den Umständen ändert. Wie Kneib, behandelt Urich seinen Helden ironisch, und er tut das mit großem Stilempfinden und Fingerspitzengefühl.

Interessant ist auch Krutizki in der Darstellung von Peter Zaccarias. Voll naiven Glauben an seine besondere Bestimmung, in sich selbst verliebt, ruft dieser Held Bedauern und mitleidiges Lächeln hervor.

Wesentlich weniger gelungen sind die weiblichen Gestalten. Jekaterina Schmeer, Rosa Treiberg, Lydia Groß und Ella Schwarz haben zwar bewiesen nicht das erforderliche psychologische Feingefühl, mitunter gleitet ihre Gestaltung ins Chargenhafte ab, und das ist in der Inszenierung abträglich, macht sie gezwungen, vordergründig schematisch.

Um die komplizierte schöpferische Aufgabe zu bewältigen, die der Regisseur stellte, mangelt es den Schauspielern noch an beliebigem Können. Manche Szenen sind einfach überzogen.

Aber seien wir nicht zu streng gegenüber den jungen Darstellern. In der Arbeit, mit der sie sich dem Urteil des Zuschauers stellen, liegt das Unterpfand für den Erfolg von Morgen — unbezwingliche Liebe zum Theater und der Wunsch, sich als Schauspieler zu verwirklichen. Deutlich zu spüren sind schon Empfinden für das Schauspiel, das Aufeinandereingehen der Schauspieler auf der Bühne. Angenehm fiel auch auf, daß der Text in gutem Deutsch gesprochen wurde, — so Jekaterina Kusnezowa. Man muß nicht bestreuen, daß in den ersten Jahren des Bestehens unser Theater vergebens auf echte Theaterkritiker wartete: wahrscheinlich waren den Kritikern die Strecken zu uninteressant oder erwarteten sie nichts Bedeutendes in einem neugegründeten Theater, oder es waren auch einfach andere Gründe — vielleicht war es auch nicht unbedingt, eine junge deutsche Theatertruppe vorzuziehen? — Das Spiel der Schauspieler an unserem Theater war entscheidend besser als das, was wir an den Gebietstheatern erlebten — wir waren mit der russischen sowie mit der kasachischen Truppe des Operntheaters in Karaganda in den ersten Jahren sehr befreundet und sahen uns alle Premiere dieser Truppen an. Nicht alles war glänzend, nicht jede Premiere war wirklich interessant. Unsere Vorstellungen (das ist jetzt aber keine Großtuererei!) wirkten immer wie ein frischer Schluck Wasser in der Wüste — neu an Emotionen, an schauspielerischer Leistung und an Elan, der aus allen Augen sprach.

Wahrscheinlich hatte es noch mit dem jugendlichen Enthusiasmus und dem Willen der Schauspieler zu tun, die genau wußten — sind die Einzigen, außer ihnen ist noch niemand da, der ein solches Theater aufbauen wird.

Nach den ersten Gastspielen donnerte es wieder im Deutschen Theater: Veniamin Kim entsprach den Anforderungen des Ensembles nicht und mußte zusammen mit dem Theaterdirektor Haak das Theater verlassen. Das war nicht nur eine Bitte an die leitenden Behörden des Gebiets, sondern eine Entscheidung des gesamten Kollektivs: entweder, oder... Also mußte wieder etwas unternommen werden. Das erste Jahr war auch für die Behörden nicht ganz leicht — sie konnten überhaupt nicht begreifen, was diese jungen Leute, die sich «hochmütig» Schauspieler nannten, überhaupt wollten. Können sie denn nicht einfach arbeiten, wie es die Schauspieler an anderen Theatern machen — ruhig und bescheiden?

Die Entscheidung kam von selbst: an der Philharmonie Karaganda, im deutschen Volksensemble «Freundschaft» war zu dieser Zeit als Regisseur Erich Schmidt tätig. Er kam nach dem Abschluß der Hochschule für Kultur Barnaul in diese Truppe und machte auf sich einen guten Eindruck durch seine Novationen und die Kunst, diese Veranstaltungen in Szene zu setzen. Vielleicht geht es auch bei Theateraufführungen, dachten die Behörden und deligierten Erich Schmidt in das Deutsche Theater. Er kam der Bitte der Obrigkeit nach und «entsandte» sich aus der Gebietsstadt Karaganda nach Temirtau, um hier Theater zu machen...

THEATERWOCHEN 1989, Temirtau

Zusammenhang zum Thema «Sowjetdeutsche Dramatik» äußerte ich mehrmals meine Meinung in der rußlanddeutschen Presse. Ende der achtziger trafen im Theater drei neue Stücke ein, an denen wir unbedingt weiter arbeiten wollten. Eins davon: «Jahre der Hoffnung» — der dritte Teil der Trilogie von Viktor Heinz war bereits schon zum Aufführen fertig und wurde auch inszeniert. Die anderen beiden «Franz Schiller» von Woldemar Ekkert und ein Stückchen von Ewald Katzenstein lagen noch in der Dramaturgie. «Franz Schiller — Stationen eines Lebens» — war die erste (und war auch die letzte; der Autor starb zu früh) Probe in der Dramaturgie entsprang seiner publizistischen Arbeit über das Leben von Franz Schiller, die als Buch im Verlag Kasachstan Mitte der 80-er erschienen war. Auf Vorschlag des Theaters, ein Drama daraus zu

machen, willigte der Autor nicht sofort ein, was auch ganz gut zu verstehen war — die schwere Augenkrankheit und viele andere schöpferische Pläne wären schon ein guter Grund gewesen diesen Vorschlag überhaupt abzulehnen. Aber der Autor hatte trotz allem entschlossen, mitzumachen. Zusammen mit dem Restteam des Theaters und der Dramaturgie begannen wir an der Arbeit an diesem Stück, der Autor sein Bestes getan hatte. Zu unserer großen Schande kam dieses Stück nicht auf die Bühne — verschiedenen Gründen, darunter nicht zuletzt auch aus schöpferischen...

Für die Kleinen bemühte sich schon unsere ehemalige Schauspielerin Irene Langemann zu schreiben, was ihr auch gut gelungen war. Aber wir brauchten jedes Jahr etwas Neues in unseren Spielplan, und dabei nicht nur Märchen. Da kam Ewald Katzenberg zur rechten Zeit in die Dramaturgie mit seiner Frühlingsgeschichte vom Osterhasen und all seinen Freunden im Walde. Die Fabel dieser Geschichte (der Autor bezeichnete sie als Märchen, was wir durchaus nicht einverstanden waren) war sehr einfach und dabei auch zu belehrend. Das Stück wurde vom Autor so aufgegeben, daß der Zuschauer im Zuschauerraum ins Spiel gezogen werden sollte. Sehr schön! Aber wo sollten wir Anfang der 90-er Jahre Zuschauer suchen, die in Deutsch in einem Bühnenwerk mitwirken konnten? Schade, daß wir auch diese Geschichte nicht inszenieren konnten — das wäre eine äußerst schöne Inszenierung geworden mit viel Musik, einer wunderschönen Märchensprache und vielen Kindern im Raum, die alle Deutsch verstanden und gesprochen hätten... Zu dieser Zeit hatten wir schon zu wenig Schauspieler im Theater — sie verließen, genau wie auch das Publikum, das Land.

Wenn man so über die Existenz des Theaters nachdenkt, kommen man auf verschiedene Gedanken. Damals stand ich in Briefwechsel mit mehreren Schriftstellern und ehemaligen Schauspielern des Staatstheaters Engels. Woldemar Ekkert, unser Kritiker, schrieb einmal: «Ein Theater ohne wirksame Stücke ist eben kein Theater. Weder durch Flucht ins Elitäre noch durch raffinierte Umkreisung der Klassik können herzliche Kontakte zwischen Theater und Publikum hergestellt werden... Es ist erfreulich, daß Theaterkritik auf unerkennbare Erfolge in der Wahl der Stücke im Deutschen Dramentheater sowie im schauspielerischen Können der Theaterverwiesenen verwiesen haben. Dagegen war es sehr bedauerlich, daß die moderne sowjetdeutsche Dramatik zurückblieb. Richtig wurde die Frage nach dem Charakter, dem Statut, der Satzung des Theaters aufgeworfen. Richtig war auch, daß das Theater sich nicht ganz auf Gastspielreisen zu konzentrieren hatte. Organisierten Zuschauerreisen ins Theater sind vielleicht in den Grenzen Kasachstans am möglich, doch gibt es auch große Schwierigkeiten ...»

Will man versuchen, die Wesensart des Theaters zu bestimmen, kann man sagen, daß unser Theater ein Theater war, in dem die Schauspieler gewissermaßen tonangebend waren. Nicht nur deswegen, weil die Studienatmosphäre viele Jahre lang im Theater fortbestand, auch die Initiative und die schöpferischen Impulse gingen oft von den Schauspielern aus. Die Einheitlichkeit des Theaters lag nicht nur an der Regie und szenographischen Einfällen, sondern auch auf einer in sich geschlossenen Spielweise und der Gemeinsamkeit der Schule, die eine gute berufliche Ausbildung gewährleistet hat. Im Ensemble gab es keinen krassen Unterschied zwischen den führenden und den anderen Schauspielern. Aber nicht den Schauspielern des Theaters wurde kein «eigener» Regisseur herangebildet. Und es ist schade darum, denn die Individualität des Leiters ist vielfach ausschlaggebend für die Richtung der künstlerischen Suche in einem Theater.

Im Februar verlief im Theater die Woche der deutschen Dramatik. Es war ein unvergeßliches Ereignis für uns und die zahlreichen Gäste, die wir dazu eingeladen hatten. Zu den letzteren gehörten auch die Studenten der deutschen Abteilungen der pädagogischen Veranstaltungen zu Slawgorod, Zelinograd, Saran und Kokschetau, mehrere Gruppen von Schülern, die Deutsch als Muttersprache erlernten, aus den Gebieten Pawlodar und Zelinograd. Eingeladen waren auch die sowjetdeutschen Dichter Viktor Schnittke und Waldemar Weber aus Moskau, Viktor Heinz aus Alma-Ata, Ewald Katzenstein aus Barnaul, Andreas Kramer aus Slawgorod, Wandelin Mandel aus Kokschetau, Hermann Arnhold aus Karaganda. Den Festtagen wohnten Vertreter der sowjetdeutschen Presse, des Radios und Fernsehens bei. Herzlich willkommen waren auch die Gäste der Botschaft der Bundesrepublik Deutschland, Dr. Christoph Weil und Dr. Rudolf Adam, sowie Roland Heine aus der Redaktion «Berliner Zeitung» (DDR). Wir gewährten den Gästen einen recht erhellenden Einblick in die deutsche und sowjetdeutsche Bühnenkunst. Aufgeführt wurden Werke der sowjetdeutschen Autoren, sowohl Brecht, Borchert, Bauer, Scribe u. a. Dazwischen gab es Unterhaltungen, Rundtischgespräche zu Fragen der Theaterkunst, der Erhaltung und Entwicklung der Kunst und Literatur der Sowjetdeutschen. Das war eine Art der Rechenschaftsablegung des Theaters vor seinen Zuschauern. Da die letztere in Temirtau eine Minderheit waren, die meisten aber weit und breit in allen Gegenden zerstreut, rückten wir unsere Einladungen in alle Richtungen auseinander. Unserer Freude konnten wir uns davon überzeugen, daß wir überall gute Freunde hatten, die vor keinen weiten Wegen, keiner Wetterkälte zurückschreckten und zu uns kamen. Auch die Schauspieler hatten die gute Gelegenheit, vor so einem respektablen Publikum zu spielen, so oft kam es widerum nicht zustande.

Als Dramaturgin des Theaters hatte ich zusammen mit Lilli Mer, unserer Redakteurin, vor allem für den Spielplan zu sorgen. Natürlich sorgten wir zusammen mit der Theaterleitung und dem künstlerischen Rat auch für den Spielplan der Theaterwoche. Ich sollte unseren Schauspielern die Möglichkeit geben, sich den besten von der besten Seite zu zeigen. Aus dem Repertoire wurden die bestgelungenen Inszenierungen gewählt, die bei den Zuschauern Anklang gefunden haben. Sie sollten auch unseren Gästen eine umfassende Vorstellung von der Tätigkeit des Theaters geben.

Unter anderem verfolgte diese Theaterwoche auch das Ziel, engere Kontakte mit den sowjetdeutschen Literaturschaffenden herzustellen. Nach wie vor brauchten wir sowjetdeutsche Stücke. Literaten, die zu uns gekommen waren, hatten die Möglichkeit einer Probe beizuwohnen. Sie konnten miterleben, wie der Regisseur zusammen mit den Schauspielern an dem Text der Aufführung arbeitet. Sie haben dabei auch gemerkt, daß so manche Änderungen im Text gemacht werden, denn nicht immer entspricht ein Text im Stück dem Bühnentext und der Werdegang einer Aufführung ist meistens kein leichter Prozess. Die Bühne hat ihre eigenen Gesetze, sie stellt an das Stück, das aufgeführt wird, bestimmte Anforderungen, die vom Regisseur, den Schauspielern sowie dem Publikum beachtet werden müssen. Deshalb war die besagte Probe bestimmt von beidseitigen Nutzen.

Ewald Katzenstein, Dichter, Schriftsteller, Teilnehmer der Theaterwoche schrieb darüber folgendes: «Drei Charakterzüge der Theaterwoche haben mich stark beeindruckt: Vor allem die Volksverbundenheit vieler Aufführungen. Schon die Titel solcher Inszenierungen wie «Volksfest» (nach Peter Warkentin), ebenso «Hab ich Kreise der Lieben» (nach Irene Langemann) sind volksnah. Bei den Volksszenen, Volkslieder, Tänze, Volkstrachten und Bräuche, geboten mit viel Feuer und Leidenschaft, reißen den Zuschauer mit, regen sein nationales Selbstgefühl an. Volksverbunden ist auch die geschichtliche Chronik «Auf den Wogen der Jahrhunderte» von Viktor Heinz. Gedrungen und ausdrucksstark entrollt sich das Schicksal unseres Volkes von den Anfängen bis zum tragischen Ende im Jahre 1941. Heute ist diese Aufführung besonders achtvoll und läßt den Zuschauer gleichgültig. «Der eigene Herd» von Andreas B. ist ein Stück aus dem Leben der Rußlanddeutschen, zeigt die Kulturentdifferenzierung in den deutschen Kolonien. Das Werk ist ebenfalls volksnah, denn die Geschichte ist das Gedächtnis des Volkes und muß beachtet werden, daß alle diese Stücke von sowjetdeutschen Autoren (zwei von Schauspielern) verfaßt sind. Also liegt die Weiterentwicklung des Theaters auf dem Weg zum sowjetdeutschen Stück. Dabei haben die Theaterleitung, seine Literaturabteilung

Schauspieler selbst ein gewichtiges Wort zu sprechen. Fragt hat mich das Spiel der Akteure. Ich würde das Theater «Theater der Aktion» nennen. Die von jeglichen Befangenheit, frei, organisch individuelle Manier der jungen Darsteller, voller Jugendtemperament und schauspielerischen Maximalismus, mit geistreichen Fällen und Improvisationen zeugt von der hohen Meisterschaft der Gruppe. Viele von den Akteuren haben sich bereits zu Künstlerpersönlichkeiten entwickelt, die schon so manches wagen können. Nur einige von ihnen zu nennen: Maria Albert, Katharina Smeier, Peter Warkentin, Woldemar Bolz, David Schwarzkopf, L-Himmel, Viktor Brestel, Georg Nonnemacher u. a.

Der dritte Charakterzug des Theaters, der mir aufgefallen ist, besteht in seiner Experimentierlust. Solche Stücke wie das Brecht'sche: «Mann ist Mann», «Die göttliche Komödie» von I. Stock, besonders die Tragikomödie «Magic Afternoon» von Wolfgang Bauer sind gelungene Experimente der jungen Schauspieler.»

«...Was ich und mein Chef, Herr Dr. Rudolf Adam, in dieser Woche erleben, ist überwältigend. Es übertraf alle unsere Erwartungen. Wir haben hier ein echtes Theaterkollektiv kennengelernt, das Bewundernswertes leistet...» Christoph Weil, stellvertretender Chef der Kulturabteilung der Botschaft der BRD in Moskau.

Viktor Schnittke: «Die Festspiele am Deutschen Theater in Temirwan waren mir Entdeckung und Wiederfinden eines kostbaren Teils unserer gemeinsamen Vergangenheit und Gegenwart. Das Theater hat uns zusammen und gibt uns ein Stück unseres Erbes zurück, das wir in schweren Stunden für endgültig verloren hielten. Da wird unsere Sprache gesprochen, da werden unsere Lieder gesungen und unsere Tänze getanzt. Möge dieses Theater die Grundlage für die Wiedergeburt unseres nationalen Selbstbewußtseins und unserer Kultur bilden. Es soll der Anfang einer besseren Zukunft für uns Sowjetdeutsche sein.»

Andreas Kramer:

*«Ich weiß nicht, wem ich diese Blumen geben soll.
Ich bin des Lobens und des Dankens voll.
Ich glaub, das Recht zu haben, hier zu sagen:
Ein Herz und eine Seele wurden wir in diesen Tagen.
In diesen Tagen, die wir froh verbrachten,
Erinnerungen wälzten, an die Zukunft dachten.
In diesen Tagen, die uns fest vereinten,
da wir gemeinsam träumten, schmerzten, weinten.
In diesen Tagen, die wir nie vergessen,
Da Hausherrn ihr und Gäste wir gewesen.
Die Tage, die uns Kraft und Mut gegeben
Zum Weiterschaffen und zum Weiterleben,
Weil eure Kunst, die uns zusammenbrachte,*

*für immerdar zu rechten Freunden machte,
schenk ich hier diesen kleinen Blumenstrauß
den lieben Wirten in dem schönen Haus,
sag ihnen so beim Auseinandergehn:
Nein, nicht ade, nur, nur auf Wiedersehn!»*

«...Mit großem Vergnügen folgte ich der Einladung des vertretenden Direktors des Theaters Jakob Fischer zur Theaterwoche in Temirtau. Es fällt mir schwer, in Worten auszudrücken, was hier zusammen mit den vielen Theatergästen erlebte. Es war unvergeßliches Ereignis für uns alle. Das junge, energiegeladene Schauspielerkollektiv spielt mit gleichem Können klassische und hochmoderne Stücke...»

Adolf Gross, Rentner aus Nowosibirsk

«...Sehr interessant und nützlich waren die Unterhaltungen der Schauspieler und Literaten mit den anwesenden Schülern und Studenten, die Deutsch als Muttersprache erlernen. Ich möchte bei den Veranstaltern dieser Theaterwoche herzlich bedanken für die köstliche geistige Nahrung, die uns hier geboten war.»

Elisabeth Neufeld, Lehrerin aus Zelino

*Theater — Welt,
Theater — Spiel,
Theater — Leben,
Was leuchtet in der Ferne dort?
Theater — Leid,
Theater — Freud,
Theater — Segen:
Ist voll Bedeutung dieser kleine Ort.
Hier ist die Welt,
Wo gleichsam Spiel und Leben
Im grellen Licht erscheinen — treu und wahr.
Freund, geh nicht fort,
Bleib hier, wo Herzen streben
Nach ewigem Feuer und nach süßer Qual!*

(R. Steinhilber)

THEATERWOCHE 1990

Ende Februar 1990 hatten wir im Theater wieder eine Theaterwoche. Diesmal unter dem Motto «Theater und Zuschauer» teilhaftig waren Laienkünstler und Gäste aus allen Gebieten und Regionen des Landes sowie aus der DDR und Österreich. Es kam

Über 300 Personen zugereist, die sich mit dieser bemerkenswerter
Tätigkeit des Theaters vertraut machen wollten. Unter den Gästen
waren es Leute, die zum ersten Mal im Leben oder nach 50-jähriger
Unterbrechung wieder einmal das deutsche Wort hörten und da-
her sehr gerührt waren. Im Foyer des Kulturhauses der Eisen-
bahner boten wir den Gästen eine Exposition über den 10-jähri-
gen und ziemlich dornigen Weg des Deutschen Theaters. Da gab
es eine Ausstellung von Theaterkostüme aus den besten Auffüh-
rungen des Theaters, Anschlagzettel, Zeitschriften und Zeitungen,
über die Leistungen des Theaters berichteten. Diese kleine
Exposition ergänzte eine Ausstellung der deutschen Freizeitmaler.
Neben den obligatorischen Aufführungen des Theaters standen auf
dem Programm der Woche selbstverständlich auch Treffen mit Zu-
schauern, Diskussionen, ein Seminar deutscher Bühnenautoren,
Dramatiker und Journalisten sowie Darbietungen der Laienkollektive
«Kristall» aus der Stadt Kopejsk, Gebiet Tscheljabinsk, «Morgen-
rot» aus dem Dorf Sowjetskoje des Gebiets Nordkasachstan, «Gau-
ramus» aus dem Kokschetauer Pädagogischen Institut und vieler
anderer zugereisten Folklorenkollektive.

Am ersten Tag botete das Theater «Den eigenen Herd» von
Hans Hacks an. Dieser Aufführung wohnte der ehemalige Schauspie-
ler des Wolgadeutschen Theaters in Engels, Heinrich Reimer bei,
der seinerzeit den Zorn in dieser Aufführung spielte. Nach der
Aufführung unterhielten wir uns mit ihm. «Ich fühlte mich plötz-
lich wieder vierundzwanzigjährig, so als ich in Engels den Zorn
spielte. Damals beschuldigte man mich, daß ich ihn zu vermensch-
licht hätte, heute sah ich einen ganz gewöhnlichen Menschen wie
tausende andere, der seine Schattenseiten hat und auch aus
verschiedenen Gründen seinen Bruder umbringen konnte. Vieles fand ich
aber schön in der neuen Interpretierung, aber einiges habe ich
einfach nicht verstanden. Zu viel Symbole, die einfach stören.
Als jetziger Bühnenbildner möchte ich dem ganzen Kollektiv
meinen Lob für das Spiel aussprechen.» Dies Beispiel habe ich hier
her angeführt, um den Leser noch einmal an die schönen Zei-
ten, wo wir doch alle wenigstens einmal im Jahr auf Initiative des
Theaters zusammentrafen, um einander zu unterstützen, und ein-
ander seine Meinung auszusprechen. Diese Festwoche blieb al-
lerdings durch ihre Offenheit und einer nostalgischer Note in Erinne-
rung. Als ob man damals ahnte, daß es nie wieder so ein Zusam-
menkommen geben wird... Man kann diese Woche zum Schwan-
nlied unseres Öffentlichkeitsdirektors Jakob Fischer nennen. Er
war Hauptdarsteller und Organisator dieser Aktion gleichzeitig,
und es ging nirgendwo ohne ihn: Er empfing die Zuschauer,
brachte sie zusammen mit den Laienkünstlern deutsche Volkslieder, mo-
derierte die Diskussionen an...

In Erinnerung blieb das Treffen der Gäste und der Gastgeber in der Kleinen Saal des Kasachischen Akademischen Auesow-Theaters. Außerdem Schauspielerkollektiv waren Studenten der deutschen Sprach- und Literaturabteilungen und Gruppen aus der Kasachischen Staatsuniversität sowie aus den pädagogischen Hoch- und Fachschulen Kokshetau, Nowosibirsk, Omsk, Barnaul und Slawgorod, Journalisten der Zeitungen, vom Rundfunk und Fernsehen anwesend — ein Wort — das war eine echte Pressekonferenz. Zu den Schauspielern sprachen Irene Scherer, Oberlehrerin aus dem Pädagogischen Institut Nowosibirsk, Jonathan Neufeld, Oberlehrer aus Almaty, Ata. Dann kamen Professor Heinrich Klassen aus Ufa und Tamara Leis, Obermethodikerin im Ministerium für Volksbildung auf die kleine Bühne. Es entbrannte eine heiße Diskussion zum allbekanntesten und sehr schmerzlichen Problem des Deutschunterrichts der Kinder der aus deutschen Familien. Leidenschaftlich beteiligten sich an der Ansprache die Lehrerin Emma Bock aus Marxstadt und Hans Kühn aus Taldy-Kurgan, Hans Hallmann sowie Gast aus der DDR Wolfgang Schatz und die Gäste aus der BRD Peter Hilkes und Petra Köhler. Diese Diskussion klang dann doch noch mit einer optimistischen Note aus, denn Wolfgang Schatz und Petra Köhler meinten, es gäbe noch keinen Grund, den Optimismus aufzugeben, man sollte nur Initiativen aufbringen und sich bestreben, die Lage mit eigenen Kräften und mit Hilfe der Kollegen aus Deutschland zu verbessern. (Was wir bis heute noch tun!) Natürlich, (denn leider!) hatte diese Diskussion ganz wenig mit der Theaterarbeit zu tun, denn wir wollten mehr über unsere Arbeit hören, waren Kritik eingestellt.

Interessant war es im Seminar «Entwicklungsprobleme der nationalen Dramatik». Daran waren beteiligt: Robert Leinonen-Dietz, Waldemar Weber, Reinhold Leis, die Theaterkritikerin aus der Zeitschrift «Theater» Anna Semjonowa, Herta Fakankina aus der «Wiedergeburt Organisation» Tscheljabinsk, der Literat Alexander Dietz aus dem Altai, Hermine Schmidt — ehemalige Schauspielerin aus dem Marxstadter Theater. Da hatten wir viel Zeit für einen Meinungsaustausch zu den Problemen des Theaters, seines Repertoires, dessen Nach- und Vorteile. Zum ersten Mal hörten wir so viel Kritik, daß es uns manchmal nicht ganz wohl in unserer Haut war. Es gab in diesem Seminar auch ganz pessimistische Meinungen — das Theater hätte keine Zukunft, weil alle Deutschen im Lande keine Zukunft haben, wenn es nicht bald eine Autonomie geben wird. Alles in allem war das ein heftiger Zusammenprall von Meinungen, anhand derer die Fernsehregisseurin aus Barnaul Tamara Osinotschkina in ihrem Schlußwort dann feststellen konnte, daß die Volkswurzeln doch noch lebendig sind; auch hat das Theater seine Zuschauer, ohne die keine nationale Bühne bestehen kann. I

... daß sich nur Mühe geben und weiterarbeiten... Weiterarbeiten —
... rateten wir uns selbst, denn die Bedingungen und der immer
... größer werdende allgemeiner Pessimismus wirkte sich auch auf
... sehr negativ aus und wir fanden immer weniger Kräfte uns
... erst auf «große Taten» zu inspirieren. Am Abend desselben Ta-
... ges spielten wir zum letzten Mal das Drama «Draußen vor der Tür»
... mit Wolfgang Borchert mit Peter Warkentin, Ella Schwarzkopf,
... Ina Albert, Woldemar Bolz, Alexander Hahn.

... Bestimmt gab es unter anderem auch noch sehr viele Konzerte
... von Laienkünstlern. Von früh bis spät klangen Lieder und Musik,
... in jeder Ecke des Hauses wurde gesprochen, gesprochen und
... gesprochen... Zu dieser Festwoche kamen viel mehr Gäste, als wir
... eingeladen hatten. Einige von ihnen mußten sogar im Theater un-
... tergebracht werden und auf der Bühne übernachten. Die anderen
... nahmen die Theaterleute einfach mit nach Hause, es gab praktisch
... keine einzige Familie, die dieser Tage ohne Gäste blieb.

... Die Abschiedsfeier begann im Theater gleich nach dem Mittag-
... essen und dauerte bis tief in die Nacht hinein. Unter Genuß von
... Wein, die das Theater den Gästen kredenzte, wurde noch ein-
... mal tüchtig das Tanzbein geschwungen. Und dabei weiterdisku-
... ..

... Wir, die Organisatoren dieser Festwoche, waren mit dieser Ver-
... anstaltung ganz wenig zufrieden, denn wir glaubten, man hätte viel
... mehr dadurch erreichen können. Noch 1988, als wir unser erstes
... Festival der rußlanddeutschen Kultur und Folklore durchführten,
... entstand eine Menge von Fragen und Problemen, die unbedingt
... gelöst sein wollten; darüber schrieb unser bekannter Journalist Ro-
... bert Korn. Aber es hat sich in der vergangenen Zeit nichts geän-
... dert, das Leben aber zeigte, daß höhere Auflagen deutscher Bü-
... cher, einzelne Fernsehsendungen, Folkloreensembles und verlän-
... gter Deutschunterricht alles in allem nichts als Demagogie ist, die
... keine Sackgasse führt. Das Gleiche galt auch für «die Wiederher-
... stellung der Rechte der Sowjetdeutschen», von der man in den
... höchsten Staatsgremien so großzügig redete. Die Wiederherstellung
... der Staatlichkeit an der Wolga wurde immer problematischer, es
... schien, nach den Äußerungen der zuständigen Behörden, keine
... Mittel vorhanden, um mit der Herstellung der Staatlichkeit zu begin-
... nen... An die Interessen der damals noch fast zwei Millionen So-
... wjetbürger deutscher Nationalität sowie an die Interessen des Staa-
... tes in der Sowjetunion, niemand zu denken. Man schwieg einfach oder sprach
... bestenfalls von einer «etappenweisen Lösung». Das hätte man auch
... leicht machen können, bloß hätte man dabei auch zusehen sol-
... len, daß man am Ende noch jemanden für diese «Etappen» noch
... verantwortlich werden wird. Noch weniger dachte man daran, daß die ehemalige
... Kultur und Kunst der Rußlanddeutschen, die Anfang der neunziger

ein klägliches Dasein fristete, als ein wichtiger Bestandteil der Kultur aller Völker sich ihrem Untergange näherte. Die Zeit verging, Probleme blieben... Das einzige, was uns nach diesem letzten großen Unternehmen doch beruhigte, war der Gedanke, daß in der Zukunft vielleicht doch jemand die Rolle des Theaters einsieht, nicht vergessen wird, mit wieviel Engagement wir uns für die Rechte unseres Volkes einsetzten, sogar in den Zeiten, als im Land das administrative Weisungssystem nicht zu rütteln war. Keine Drohungen waren imstande uns zum Schweigen zu bringen. Neben dem hohen beruflichen Können war das auch ein Aktivposten in der zehnjährigen Existenz des Deutschen Theaters.

(Fortsetzung folgt)

Роза ШТЕЙНМАРК — театральный критик, журналист, телередактор. Окончила Новосибирский педагогический институт (отд. нем. яз. и лит.) и Высшие московские театроведческие курсы при МХАТ. В 1981–1992 гг. заведовала литературной частью немецкого драматического театра в Темиртау и Алматы. В настоящее время главный редактор немецкой редакции «Гутен Абенд!» Казахского телевидения. Пишет сценарии, критические статьи.

Литература Генриха Гейне на русском языке

Язык — это средство коммуникаций людей. Так утверждают ученые. Но об этом знают далеко не все. Люди просто говорят друг с другом и пишут, причем на разных языках.

А языков этих в мире очень много. Ученые попытались подсчитать: одни говорят, что их 2,5 тысячи, другие насчитали 5,5 тысяч. А толком, конечно, никто не знает, сколько же их на самом деле.

Прежде всего непонятно, что же считать языком — что такое язык. И определить это, оказывается, совсем непросто.

В России, например, в огромнейшей стране, говорят на русском языке, и каждый русский, живет ли он в Москве или во Владивостоке, понимает любого другого русского.

Мы же живем в течение шести лет в небольшой европейской стране Германии, и я до сих пор почти не понимаю местных жителей, говорящих на языке нашего городка Лауша. А таких городков и деревушек в Германии десятки тысяч. И почти в каждом местечке говорят по-своему, на «немецком языке» называется это, и хорошо друг друга понимают. У нас в городе есть даже умельцы, которые лихо пишут на этом языке!

Не стану вас ошарашивать примерами, но хотя бы од-
веду для наглядности: слово «рынок» (Markt) в Герман-
может звучать как: Marcht, Mart, Märk, Mak, Mat, Moat, Mo
Miricht, Magd, Muurt, и Бог знает как еще!

Вот что значит языки!

Вовсе не обязательно ехать в Африку или на острова Тон-
в Тихом океане, чтобы ознакомиться с неизвестным языком.
Оглянись вокруг, сходи в соседнюю деревушку, прислушайся
и тут вдруг окажется, что «здравствуй» и «прощай» тут иначе
звучат, чем у тебя дома, и кругом полно новых слов, которых
ты не знаешь. Вот что такое языки!

А понимать это все человек начинает только тогда, когда
сталкивается в жизни с другим языком. Тут вдруг сразу е-
что-то надо объяснять, «переводить». Ну а если бы вы вдруг
захотели прочесть книгу, написанную на чужом для вас язы-
ке, — тут уже без переводчика не обойтись!

Я с огромным уважением отношусь к переводчикам, к
чрезвычайно сложному и благородному труду, по результатам
которого мы имеем возможность знакомиться с иноязычной ли-
тературой. Их кропотливое дело, а порой огромный талант
позволяет нам читать прекраснейшие произведения выдаю-
щихся зарубежных писателей почти в подлиннике.

Книг по поводу теории и практики перевода написано не ма-
ло. Наверное, интересно было бы их почитать, но у меня
когда не было свободного времени на это. Я во всем и всегда
пытался составить себе собственное мнение по какому-нибудь
вопросу максимально самостоятельно. Поэтому большая часть
того, что будет сказано ниже, это плод личных наблюдений и
соображений. Понятно, что есть и другие мнения, другие, ес-
хотите, теории. Очень хорошо! Пусть будут!

Для начала потолкуем о переводе вообще. Эти мысли,
естественно, складывались в голове давно, поскольку тема
не оставляла меня всю жизнь.

Очень любопытно, что сказал по этому поводу Гёте (фу,
не звучат эти иностранные фамилии в русской транскрипции,
они же до ужаса искажаются другой звуковой системой языка).

Итак, Goethe сказал о переводчиках — к сожалению, у него
нет подлинника — следующее: «Переводчики — это хлопот-
ливые сводники, всячески восхваляющие нам полускрытую
красавицу; они возбуждают необоримое стремление к
оригиналу».

Вот, оказывается, что такое переводчики: не могут они по-
нять оригинала! Один делает это лучше, художественнее, точнее,
почти слово в слово, другой использует только идею, образ...

никнуть в проблему перевода, хотя бы приблизительно знает только человек, владеющий хотя бы двумя языками. Языкам, которые знают только один язык, это вообще не по силам, а тем, которые владеют несколькими языками и не прощали своих сил в переводах или не пытались сравнивать подлинников с переводом с известных им языков, тоже многое придется неожиданному и удивительным.

Читатель ведь с подлинником, как правило, не имеет дела. Читатель и воспринимает перевод как самостоятельное произведение, и если оно хорошо звучит, доступно, поэтично, понятно — значит, хорошо! А соответствует ли оно подлиннику — читателя уже не волнует. Так что многое отдано на волю переводчику и рецензенту, если таковой есть.

Но еще более сложным является перевод поэтических произведений.

Первые я столкнулся с этой проблемой, когда после войны еще будучи в ссылке на Урале, мне удалось получить из Ленинграда некоторые из наших немецких книг из домашней библиотеки, которые я перед отъездом в 1942 году оставил на хранение одной моей школьной подруге.

Понятно, что я набросился на чтение этих книг после многолетнего перерыва и получал огромное удовольствие от них. Некоторые книги мне очень нравились и наиболее любившимся места я многократно перечитывал. И тут появилось естественное желание перевести что-то на русский язык.

Вот это, очевидно, и надо рассматривать, как начало моей переводческой «деятельности». Понятно — и подчеркиваю это — никогда никаких коммерческих целей не преследовал, не пытался и не мыслил что-то издавать и печатать. Я переводил где-то всего просто для себя: интересно было попробовать, — в процессе же понял, сообразил, что это необыкновенно интересный творческий процесс. Скоро я в этом убедился. Надо заметить, что тогда речь могла быть только о переводах прозы.

Сперва это были просто переводы небольших отрывков повстречавшихся мне рассказов. Потом делал и рассказы целиком — маленькие, конечно. Наконец, перевел даже небольшую книжку, страниц на 200. Это был рядовой криминальный роман конца XIX или начала XX века английского писателя Элплтона в переводе на немецкий язык (Irrungen). Перевод самого заглавия оказался крепким орешком.

Это был мой первый перевод 1950 года, он и сегодня жив. Отпечатал его тогда и переплел в книжечку. Теперь она у моего сына в Петербурге.) Никаких достоинств ни подлинник, ни перевод не имеют. Однако делать его было сравнительно просто — там важна была фабула, а не художественные ка-

кие-то качества. Но мне эта работа дала много: просто набилась рука.

Двумя языками я владел с рождения и, без хвостов, весьма прилично. Конечно, почти 50-летний перерыв в полувании немецким языком значительно сказался на этих знаниях. А переводить без знания языка оригинала нельзя. Это ступно!

Правда, у нас в стране — в России, я имею в виду, — широко распространен перевод по подстрочнику, целая плеяда таких «переводчиков» выросла. И Гамзатова по подстрочникам переводили, и других...

Говорят, что сейчас эти «подстрочные» переводчики работают сторожами или кем-то вроде этого. Госзаказа на переводы больше не стало... Сейчас переводят больше «лашниковым»...

Итак, переводил я тогда прозу. Интересно, что именно в это время я понял, что перевод — работа сложная, творческая, требующая больших знаний. А понимать что-то на известном языке значительно проще, нежели переводить с него. Это и было одной из причин, потянувших меня к переводу. Я люблю творчество.

Примерно в эти годы — в начале 50-х — мне впервые случайно пришлось столкнуться с поэтическим переводом. А дело было так.

Среди вернувшихся ко мне книг из нашей домашней библиотеки был и роман «Die Burgkinder» Рудольфа Герцога (Rudolf Herzog). Этот писатель принадлежит к числу весьма популярных немецких писателей конца XIX и начала XX века. «Бургкinder» охотно читали, в том числе и мои удивительные дедушки и тетушки, у которых я рос. Этот роман мне читали еще до войны, когда я был мальчишкой. А теперь я его сам перечитываю. Возвращался к наиболее любимым местам.

А потом попытался делать и некоторые выборочные переводы из этой книги. Она была написана высоким художественным языком, и переводить ее было значительно сложнее. У меня в те времена тоже не было словарей.

А ведь словарь — это очень полезный справочник! И именно на то пошло — просто интересная книжка. Словарь тоже можно взахлёб читать, делая постоянно открытия для себя. В словарях прослеживается развитие языка, изменение смысла и значения слов (кстати, и в том и другом языке соответствующей пары).

Но вернемся к «Die Burgkinder» («Дети замка»). Попутно мне мечу, что мне удачно заголовок так и не удалось перевести.

В тексте этой книги приводится отрывок из «Миньона» Гейне («Mignon» — «Kennst du das Land...»). Поскольку я в то время

стихи не писал, я их, естественно, и не переводил и не пытался этого делать. Потому я был вынужден обратиться к переводцам готовым и нашел перевод этого стихотворения Бориса Пастернака. Понятно, при этом мне пришлось сравнивать его с подлинником, и тут у меня глаза и полезли на лоб! Впервые я понял реально, что переводить стихи — это не фунт изюма.

Тут я написал первый свой «критический разбор» перевода работы Пастернака.

Это и была моя первая попытка поговорить и подумать о поэтическом переводе (1952 г.).

Вот перед вами отрывок стихотворения Гёте «Миньон» в подлиннике и в переводе Пастернака:

*Kennst du das Haus? Auf Säulen ruht sein Dach,
Es glänzt der Saal, es schimmert das Gemach,
Und Marmorbilder steht und sehn mich an:
Was hat man dir, du armes Kind, getan? —
Kennst du es wohe?
Dahin! Dahin
Micht' ich mit dir, o mein Beschützer, ziehn!*

*Ты видел дом? Великолепный фриз
С высот колонн у входа смотрит вниз,
И изваянья задают вопрос:
Кто эту боль, дитя, тебе принес?
Ты там бывал?
Туда, туда
Уйти б, мой покровитель, навсегда.*

Мне хотелось бы попытаться помочь вам и дальше вникать в качество переводов и их содержание, сравнивая их с оригиналом. А для этого мы везде будем с вами в первую очередь читать подлинник. Сперва читать!

Давайте и здесь начнем с этого.

Вначале автор задает вопрос: знает ли лицо, к которому обращено стихотворение, известный дом. Дословно этот вопрос звучит «Знаешь ли ты дом?», с подтекстом — известен ли тебе, припоминаешь ли ты его?

За этим следует описание этого дома.

Допускаю, что в переводе вопрос может иметь форму «Ты видел дом?» (замечу, что знать можно и не видя).

Автор уже в первой строке высказывает законченную мысль о доме фразой (дословно) «на колоннах покоится его крыша».

Словом «покоится» подчеркнута, что колонны эти, очевидно, сильные, могучие, или их много. Иными словами, автор интересуется именно колонны (действительно, крыши бывают на всех домах, ради этого, то есть крыши, не стоило бы произносить эту фразу, чтобы напоминать кому-нибудь об известном доме).

Итак, автора интересуют колонны.

Далее автор, во второй строке, высказывает две (опять так законченные) мысли, посвященные описанию дома.

Первая мысль (дословно) — «сияет зал». Вторая — «мерцает покой» (в смысле «комната»). Обе они в такой редакции выглядят малопоэтично и маловразумительно.

Однако в подлиннике это далеко не так. Глагол *glänzen* («сиять») в немецком имеет более глубокий смысл. Если образовать от этого глагола причастие *glänzend* — «сияющий», то причастие в русском языке в зависимости от контекста может быть передано как «великолепный», «пышный».

Соответственно обратным ходом, если в русском языке прилагательного «великолепный» образовать несуществующий глагол «великолепствовать», то мы и получим тот самый смысл глагола *glänzen*, который он имеет в отрывке стихотворения «Миньон».

Иными словами, по-русски следует сказать: «Сияет зал своим великолепием». Это уже гораздо поэтичнее, а главное соответствует значению подлинника.

Вторая фраза в подлиннике имеет тоже более глубокий этический оттенок. Глагол *schimmern* употребляется в смысле «мерцания», «сияния», «блеска» в сочетании с понятиями «золото», «алмазы», «звезды», то есть здесь говорится о комнатах в богатом великолепном доме (единственное число, употребленное в подлиннике, является данью рифме: *Dach Gemach*). Автор подразумевает, конечно, не одну комнату.

Поэтому фразой «мерцает покой» автор снова подчеркивает богатство и великолепие дома.

Что же осталось от этого описания в переводе? Прежде всего, три отдельные мысли заменены одной. Три описательные фразы без действия заменены одной, в которой появилось и действие: «смотрит вниз».

От великолепного зала, сияющих и блистающих комнат колонн остались только колонны и «великолепный фриз», в котором, кстати говоря, в подлиннике вообще ничего не сказано.

Далее в оригинале дословно говорится: «И мраморные статуи (пусть даже "изваянья") стоят и смотрят на меня».

Таким образом оказывается, что не какой-то фриз смотрит на статуи мраморные, а статуи мраморные смотрят на героиню стихотворения и задают немой вопрос: дословно — «что сделали с тобою, бедное дитя?»; с подтекстом — «кто тебя обидел, кто причинил тебе страдания?».

На этом заканчивается напоминание о доме, и героиня снова обращается с вопросом к герою: дословно — «знаешь ли ты это?»; подтекст — «вспомнил ли ты?».

Далее дословно: «туда, туда хотела бы я с тобой уйти, мой защитник» (покровитель?). Существенное различие с переводом: «с тобой».

Именно с ним хотелось бы ей уйти (причем, «навсегда»!), и из этого вовсе еще не вытекает, что героиня мечтает уйти туда одна.

В заключение передаю в вольном изложении на русском языке содержание приведенного отрывка так, как я воспринял его после чтения подлинника: помнишь ли ты, знаешь ли тот дом с чудесной колоннадой, сияющий в своем величии зал, алмазный блеск, мерцание комнат; и мраморные статуи, стоящие и смотрящие на меня с неммым вопросом: чем причинили боль тебе, о бедное дитя? Ты знаешь ли его, знаешь ли он тебе? Туда, туда хотела бы я уйти с тобой, о ты, защитник мой!

Второй отрывок, на мой взгляд, переведен Пастернаком безоризненно:

*Heiß mich nicht reden, heiß mich schweigen,
Denn mein Geheimnis ist mir Pflicht;
Ich möchte dir mein ganzes Innre zeigen,
Allein das Schicksal will es nicht.*

*Сдержись, я тайны не нарушу,
Молчанье в долг мне вменено.
Я б всю тебе открыла душу,
Будь это роком суждено.*

Подстрочный перевод выглядит так: не вынуждай меня говорить, заставь меня молчать, потому что моя тайна — мой долг. Я хотела бы показать тебе всю мою душу, только судьба не хочет этого.

Смысл подлинника целиком и полностью, и при этом поэтически равноценно, передан в переводе Пастернака.

Понятно, что в те годы это было совершенно случайно моим соприкосновением с поэтическим переводом.

Я продолжал переводить для себя без каких-либо других целей кусочки из упомянутой книги «Die Burgkinder» («Дети за ка»). Где-то в глубинах черепной коробки затаилось желание перевести весь роман, но я понимал, что это большой и очень серьезный труд, к которому я был не подготовлен, и потому выбирал отдельные кусочки и переводил. Конечно, все это было чрезвычайно полезно. Возникали сложные задачи, не дававшие покоя ни днем ни ночью. Я копался в словарях, справочниках, искал, находил.

Важно было то, что работа эта делалась ни для чего, — есть не торопила, не требовала выполнения плана, не обрекла семью — которой тогда еще и не было — на голодное существование, если бы я не укладывался в установленные сроки. Я мог не спешить и думать, думать, соображать. Конечно, работа никогда не была закончена, были и иные дела досуг — и танцы, и волейбол, и знакомства, и девушки... (девушки тоже были!).

Ясно, что все это я делал после своей основной работы, и вечерам, часто даже ночью... И не только такого рода занятия заполняли мое свободное время...

Потом пришла женитьба, дети, и переводы ушли далеко на задний план. Я имею в виду такие переводы — для души. Зато чаще стал переводить разным мамашам, для их бездарных, ленивых чад, — разную чепуху из газет и журналов.

К достаточно глубоким и скрупулезным анализам переводов я приступил почти случайно именно во время учебы в университете, когда мне задали в зимнем семестре домашнее задание к летней сессии по теме «Die Lyrik von Heinrich Heine» «Лирика Гейне» по-русски.

Простите, а как же все-таки правильно? Как же правильно произнести Heine? Это ведь скорее похоже на Айнэ с легким выдохом вначале (вроде бы зеркальце запотело, надо дыхнуть на него, дыхните — хх! — а теперь слитно произнесите — «хх Айнэ»! Вот вам и фамилия великого немецкого поэта!). А не подсовывают Гейне — не было такого поэта!

Говорят, правда, в русском языке нет звука такого. Это верно. Но можно было бы при сегодняшнем уровне грамотности освоить хотя бы некоторые особенные звуки главных международных европейских языков. В конце концов, можно было бы произносить хотя бы Хайнэ. Это ближе к истине. В новейших переводах у нас уже Ханс, а не Ганс.

Но это ведь уже фонетика и языковые традиции. Чуть другой вопрос. Было же время, когда вместо Ньютон говорили

Евтон (у Ломоносова, например). Тот же идиотизм! По написанию, а не по произношению.

Однако остается только надеяться, что и фамилия немецкого поэта Хайне будет зафиксирована в русском языке как Гейне. А пока — по традиции — Гейне.

Итак, лирика Гейне. Смысл этих университетских заданий ушел к тому, что студент получал в свое распоряжение в тот до часа на разговор по заданной теме на занятиях. Я думался. Читал я прежде стихи любимого поэта в подлиннике и в переводах, никогда их, правда, не сравнивая.

Гейне я любил уже давно. Достал для работы единственную полезную для моей подготовки книгу: немецкую биографию поэта в каком-то специальном журнале. Критики творчества Гейне вообще никакой не читал. Просто хотелось высказать свои собственные мысли безо всякого влияния извне. Я просто перечитывал его стихи и думал, думал, думал...

Разговор мой на сессии получился интересным. В результате я проговорил без передышки целый академический час от звонка до звонка! Сейчас даже удивляюсь. Смогу ли я на русском наговорить столько по этой теме?

Все отведенное мне время я говорил без усталости и, как всегда, с полной отдачей, увлеченно и горячо. Преподавательница, как и аудитория, осталась довольна, высоко оценила мою работу. После занятий она (еще молодая женщина) остановила меня в коридоре и сказала:

— Знаете, Вы столько интересного высказали! Я никогда подобного не слышала! Откуда это у Вас?

— Я намеренно не читал никакой критики — хотелось самому выговориться по теме. Это, главным образом, мои собственные соображения.

Гейне близок мне во многом. Наши судьбы чем-то схожи. Я прожил всю жизнь в изгнании, будучи патриотом Германии. Я тоже был изгнан и жил всю жизнь в ссылке, вдали от родного города Ленинграда. Так ведь и умру в изгнании, ибо ведь приезд мой сюда, в Германию, — это продолжение моего изгнания, нашего изгнания. Родина-то осталась там — мне же 20, не 30, — и начинать новую жизнь уже поздно...

Потому и люблю я Гейне, хотя далеко не все читал из его произведений. А надо ли знать все, чтобы понять человека? Надо? Нет! Не буду сыпать примерами, но хотя бы один приведу.

Зашел я в музей. Сотни картин висят вокруг, и над каждой можно стоять и разглядывать ее часами. Нужно ли? Бессмысленно!..

Вот одна висит. Что это? «Последний день Помпеи...» Боже! Боже! Что это? Так не могло быть! Это же все фантазия!.. Извер-

жение вулкана, молнии, гроза, потоки грязной, черной от пепла воды, пепел там, вверху, по краям картины, где нет действующих лиц — и чистые, удивительные платья и наряды, тела людей!

Мертвенно-желтое лицо матери (когда она умерла? Вчера? Нет, только что упала с колесницы, которая не успела еще двадцати метров отъехать! А она уже пожелтела?..) — мертво-желтый цвет лица матери и розовенький ребенок рядом только что из ванны! При чем тут гибель Помпеи? Вранье!..

Нет! Дорогие мои, это не вранье! Это гениальный художник! Кто? Брюллов? Карл Брюллов? Он, кроме этого, еще что-то написал? Не надо мне больше ничего показывать! Он — гений! Потом, может быть, потом когда-нибудь... На сегодня мне хватит! Хватит... Я увидел чудо... Боже мой! Боже мой...

...Вот почему я не читал всего Гейне. Потом... Потом, когда-нибудь, когда время будет...

Я знал людей, которые добросовестно перечитывали в стихах Гейне от корочки до корочки и пожимали плечами.

А послушав меня, потом говорили:

— Да... А я и не заметила... Верно! Это здорово! И это точно! Пожалуй, ты прав — гениальный поэт! Понять только надо...

Можно ведь ходить по лесу и не видеть деревьев... И мы часто так и ходим по жизни, не видя деревьев... Не всем надо так можно и так!

Мне таких людей искренне жаль...

Близок мне Гейне во многом. В душе он — романтик. Он понимает, ценит, любит красоту. Я тоже. Закат и море, цветы и луну, любовь и сказку, небо и землю... Но он видит, презирает, бичует ложь, грязь, несправедливость, пресмыкательство. Он всю жизнь борец за правду в своем творчестве. И гонимый...

Он изгнанник, изгнанник Родины, которую до последней секунды страстно любит... Почти всю сознательную жизнь — в изгнании... Почти всю жизнь — один... Умер в страданиях, страшных мучениях, одиноким в Париже. Там и похоронен...

Великая трагедия великого человека... Великий романтик и великий реалист...

Это очень кратко — чем мне дорог Гейне, чем близок...

Гейне был последним крупным поэтом-романтиком в немецкой литературе, как говорят некоторые литературоведы. Но утверждают другие, это был первый поэт эпохи реализма. И правы и те и другие. Романтизм и реализм в творчестве Гейне переплелись и существовали в его лирике рядом друг с другом.

А, позвольте, великий русский поэт Пушкин? С ним как? Не был ли он последним крупным романтиком и первым реалистом в русской литературе? Гейне и Пушкин — почти ровесники

Гейне всего на два года старше. Пушкин начал с романтизма, как и Гейне. Это было не только основным направлением искусства того времени, но и модой. Об этом свидетельствует Пушкин в «Евгении Онегине».

Владимир Ленский — один из героев романа. Между прочим, он ведь условно мог учиться вместе с Гейне в Геттингене! Пушкин говорит: «С душою прямо геттингенской (то есть романтической)... поклонник Канта (то бишь философ) и поэт». И на это была мода!..

А что же он сочинял — этот поэт? Оказывается, он «пел тоску и печаль, и нечто, и туманну даль (курсив у Пушкина)... Он пел поблеклый жизни цвет без малого в осьмнадцать лет». Вот она, мода-то, что делает!

Вернулся Ленский снова домой, с туманными романтическими мечтами в голове. Он ищет себе героиню — находит Ольгу — и наделяет ее чертами, которых у нее и вообще нет. Ищет ей какую-то любовную ерунду, словами Пушкина: «...Его стихи полны любовной чепухи»!

Сочиняет стихи перед дуэлью, где видит себя пронзенным пулею («Паду ли я, стрелой пронзенный!»), хотя стрелялись в пистолетах. И здесь он снова витает где-то в выдуманном мире модной романтики.

Так, чуть иронизируя над своим героем, пишет Пушкин, уже составившись с «Цыганами» и «Кавказским пленником». Он уже в «Онегине», в другой эпохе, — он уже боится вместе со своим главным героем, не наделала б беды брусничная вода, а луна небосклоне для него уже спутник Земли, не более.

Ну хорошо! Ленский — это поэт. Воспитывался в атмосфере романтической тогда Германии и, надо полагать, долго еще преодолевал бы ее влияние, прежде чем стал бы смотреть на мир нормальными глазами здравомыслящего человека уже следующей эпохи.

А девушки? Вот они, соседки, встречают молодых людей: потом приносят и гитару: и запищит она (бог мой!): *Приди в этот час ко мне златой!..*» (курсив у Пушкина). И опять мода на романсы под гитару.

А Ольга? Его «кумир»: «...Но любой роман возьмите и найдете верно ее портрет: он очень мил...» Оленька — типичный представитель женского рода, не имеющий собственных мнений и понятий. Куда ветер дует — туда и она. Иными словами, виноват, дура набитая. Этих всегда было много, и сегодня тоже.

Пушкин опять же слегка прошелся по ней: «Не долго плакала она...» — укатила Оленька с уланом каким-то, быстро застрелив убитого на дуэли поклонника, и стала, простите за гру-

бость, обыкновенной бабой, каких полон свет. И вся романтика на том и лопнула. Началась жизнь, серая, обычная, будничная. И стала Ольга рядовой домохозяйкой безо всяких модных взвешиваний на луну или на очередного рок-стара.

А можно ли быть романтиком или рок-старом не по моде, а по движению души человеческой? Можно ли опять же не по моде, а по внутреннему зову той же души стать истым романтиком или от рока вернуться к джазу? Можно, и это нормально. Человек все может, не обманывая себя и кого-то, искренне и прямо, и не исключено в огромной внутренней борьбе с собой и сердцем... Но не дуры, естественно.

Мода... Тогда одна — сегодня другая...

Кстати, попытайтесь себе представить реальных по возрасту Онегиных, Ленских, Ольг и Татьян. Нам это довольно трудно, поскольку Чайковский наградил нас прекрасной оперой, а по законам оперного искусства девчонок 17 лет и таких почти (извините) соплячков-романтиков исстари играют полные дамы и солидные мужчины. И персонажи «Онегина» невольно зрительно приходят в нашу жизнь вполне взрослыми людьми к чему мы и привыкаем.

Реального героя из «Евгения Онегина» Пушкина мы не видели в жизни... Хотя сегодня такие, как он, встречаются повсеместно, правда, в другом виде: часто бездарными, с окрашенными фиолетовый цвет волосами и кольцами в носу. Это они же, только из нашей эпохи — оторвитесь, пожалуйста, от великолепных оперы и ее героев! Взгляните на мир открытыми глазами!

Хотя Гейне вроде бы учился с Ленским, он перерос своих сверстников, он раскусил и сбросил мишуру тогдашних вея-

В творчестве Гейне часто сталкиваются романтизм и реализм. Но реализм Гейне состоит, очевидно, еще и в том, что он яростно бичует в своих стихах дурость человеческую, сверстников своих, «стиляг» своего времени, тех самых «романтиков» в моде, которые в самом романтизме ни уха ни рыла не смыслили.

Гейне любит природу, ценит и понимает ее красоту, удивительно поэтично ее описывает, но одновременно и издевается над Ольгами, которые сами в этом ничего не понимают и вздыхают только потому, что сегодня так делают все.

Вот мы, наконец, и подобрались к тому примеру, с которым я и хотел начать.

Взгляните, пожалуйста, на Ольгу у Гейне.

*Das Fräulein stand am Meere
Und seufzte lang und bang,
Es rührte sie so sehre
Der Sonnenuntergang.*

*Mein Fräulein, sie'n Sie munter,
Das ist ein altes Stück,
Hier vorne geht sie unter
Und kehrt von hinten zurück.*

Словарик:

seufzen — вздыхать, стонать;

bang — с тоской, с боязнью;

rühren — трогать, расторгать;

munter — бодрый, то есть «не грустите!»;

das Stück — штука, трюк;

untergehen — заходить (о солнце);

zurückkehren — возвращаться;

von hinten — сзади;

der Hintern — зад, в смысле «задница».

Прежде всего попытаемся вместе понять содержание подлинника. Без этого никакой оценки переводов сделать нельзя.

Привожу подстрочный перевод, который мы вместе с вами помощью словарика сделали: стоит возле моря фройляйн — очень интересное для перевода на русский язык слово, ужасно трудно перевести для сегодняшнего читателя несуществующее в «нечетном» русском языке обращение — «фройляйн!»), девушка по-нашему, и вздыхает на закат.

Гейне удивительно красочно описывает картины природы, сам ею восторгаясь до безумия. Он — романтик — видит и понимает красоту.

А эта дура — что вздыхает? По моде вздыхает она! Это — жалость! До лампочки ей этот восход и заход! Сегодня она, может быть, с таким же вниманием и с абсолютно таким же непониманием слушала бы новейшую музыку — тяжелый бит — на портативном или стереомагнитофоне.

Гейне ее высмеивает. Дура — это астрономическое явление! Нечего вздыхать! Вот, глянь, впереди зашло, а сзади опять выйдет. Я уверен, что намек именно на зад. Это — издевка! Мне даже кажется, что поэт в этот миг кладет руку на плечо этой бравой девице и наклоняет ее в глубоком земном поклоне ниц, чтобы она сквозь расставленные в стороны ноги могла увидеть, откуда же завтра солнце встанет.

Сравните: *hinten* — *Hintern*.

Для Гейне это типичный прием: начало одно — вроде, красиво, здорово, замечательно, романтично — и вдруг обухом по голове! — отрезвление, реализм, ничего и нет! Все чушь! Вы-

думали себе, ни черта не смыслите в красоте, в любви, толь
языками чешете.

А теперь для сравнения с подлинником привожу четыре пр
фессиональных перевода этого стихотворения:

*Раз барышня стояла
Над морем в поздний час
И горестно вздыхала,
Что солнца луч погас.*

*Девница, стоя у моря,
Вздыхала сто раз подряд —
Такое внушал ей горе
Солнечный закат.*

*Вот, барышня, в чем дело:
У солнца трюк такой:
Оно пред вами село,
А встанет за спиной.*

*Девница, будьте спокойней,
Не стоит об этом вздыхать:
Вот здесь оно впереди тонет,
И всходит сзади опять.*

(А. Мушникова)

(Ю. Тыняно)

*Стояла барышня у моря,
Вздыхала долго, тяжело;
От сожаления и горя,
Что в море солнышко зашло.*

*Девница у причала,
Подъемля к небу взгляд,
Стонала и вздыхала,
Когда пылал закат.*

*Утешьтесь, барышня! Светило
Давно уж так игру ведет:
Сегодня спереди уплыло,
А завтра сзади вновь встает.*

*И что девница стонет!
У солнца старый трюк:
Там, спереди, потонет,
А сзади всходит вдруг.*

(Переводчик мне
неизвестен — 1904 г.)

(В. Леви)

У переводов даже размер стихотворный другой! У пер
го — как в подлиннике. Перевод где-то точнее у одного перев
чика, где-то — у другого.

Теперь попытаюсь дать предельно точный подстрочник
моря стояла девушка и протяжно вздыхала с тоской, уж оче
ее растрогал закат солнца. Девушка! Не грустите! Это стар
трюк: здесь, впереди, оно заходит, а с заду возвращается.

Однажды одна из женщин, которой я написал нескол
стихов, вдруг спросила меня: «А стоило ли тебе ломать стол
времени голову над рифмами, ритмами и всякими там эпи
тами, если это можно было сказать коротко и ясно, норма
ным русским языком?»

Вот этот подстрочник сверху и есть образец такой «прозы». Или бы Гейне, «пища» такую прозу вместо стихов, стать всемирной известностью?

На всемирную известность я не претендую, но вопрос, заданный моей приятельницей, не пустой.

Удивительное слово, сложное для современного русского переводчика — это Fräulein! Я о нем уже упоминал выше. Оно ступает у Гейне дважды в двух значениях. Сперва это про молодую женщину, девушка (незамужняя женщина, независимо от возраста — это в отличие от современного русского языка, где девушка должна быть обязательно молодой). Во втором случае это уже обращение. Поэт обращается к этой девице, он с ней заговорил. Левик к девице не обращается вообще!

Так, как же быть переводчику с этим словечком? Вы заметили, что дается здесь два варианта: «девица» и «барышня», «девушки» нет. Да, тогда точнее было «девица» или «барышня». Только вот не очень хорошо себе представляю, было ли такое обращение: «девица»? Я бы в этом случае скорее сказал: «Барышня, будьте спокойней...» А стоять у моря девица, конечно, может.

Кстати, до революции в России, как и в Германии, незамужняя женщина до смерти могла оставаться «барышней» или «девицей». Моих тетушек — им было за 50 — старушки-припльницы по двору называли до конца их жизни «барышни»; на кладбище я находил захоронения пожилых женщин, которые на надгробии называли Fräulein.

А после революции россияне вообще распрощались с обращениями. Остались «товарищ», «гражданин» да «гражданка». Пришлось бы советскому переводчику через несколько лет еще переводить: «Гражданка стояла у моря...», «Гражданка, не влюбитесь...»?!

Гейневский издевательский «зад» упомянут у трех переводчиков. А вот Мушникова из-за рифмы заговорила о спине, смягчив иронию.

Из-за рифмы же у Левика появился «причал». Но это не так естественно. Мне кажется, главным недостатком этого перевода все же является потеря фигуры поэта, наставляющего, называющего разомлевшую девицу. Он лично дает ей урок экономии в издевательской форме.

Романтическое начало и встряска в конце — опомнись, очнись, все это выдумки, в жизни все проще, все это придумки безумные поэты! Такой прием Гейне использует многократно. Романтика, лирика и черствый реализм в одном произведении.

Рассмотрим еще одно стихотворение с «отрезвляющим» клицом — поэзия поэзией, но есть и реальность.

Начинается это стихотворение великолепными и, конечно, непереводаемыми словами, которых ни в одном словаре не найдешь:

Schattenküsse, Schattenliebe, Schattenleben — wunderbar!

Чудесно, конечно! Сами слова чудесны, в первую очередь. И сами по себе непереводаемы... Что это?

Это — слова, сконструированные самим Гейне. Словообразование в немецком языке — явление очень распространенное. Оно опирается на удивительную особенность немецкого словообразования: любое слово или слова в любом количестве образуют новые слова простым слитным их написанием. Простота создания сложных слов поразительна!

Красочный пример: в немецком языке слово «незабудка» (Vergißmeinnicht) образовалось слиянием фразы: «Vergiß mich nicht», то есть «не забудь меня» — единое слово (некоторый намек на это есть и в русском слове «незабудка»!).

Слова, рожденные поэтами и писателями, конечно, могут не войти в литературный язык, так и останутся словами-униками, но они могут быть удивительно красивыми и отражать тончайшие оттенки понятий.

Такие вновь созданные слова понятны всякому немцу без пояснения, если они не носят специального характера. Правда, некоторые из так образовавшихся слов могут и потерять свой изначальный, первородный смысл, но ни в коем случае не должны потом переводиться поэлементарно. Такие «переделки» приводят порой к абсурду, а переводчики не раз попадались на эту удочку. Мы еще будем говорить об этом.

Попытаемся поискать интересные примеры из области словообразования в известном вам русском языке. Для этого обратимся к очень продуктивному способу образования русских слов с помощью приставок. Этот способ в такой же мере присущ и немецкому народу, тогда как словосложение для русского языка не характерно, употребляется реже (пароход, секос, лиходей, бледно-синий и т. п.).

Так вот, возьмем для примера глагол «стать» (стать можно, стать умнее и прочее). Попробуем поработать тут с приставками. Итак:

отстать («отстать от моряка» вовсе не означает перестать быть моряком, да и вообще этот новый глагол ничего общего с коренным глаголом не имеет);

застать — это уже не связано ни с первым, ни со вторым.

пристать — в народных говорах есть и «престать» в смысле «уустать»;

перестать;

сосстать;

достать;

сстать;

оустаться;

наасстаться;

одостаться;

под стать — это уже совсем не глагол!

Обратите внимание, как много слов (глаголов) образовано от одного корня — глагола «стать» — только с помощью различных приставок. А какое огромное разнообразие смыслов! Основное значение коренного глагола совершенно потеряно.

Я приведу другой пример, чтобы вы еще более наглядно поняли мою мысль.

Проделаем такой же эксперимент с глаголом «бежать». И вы снова убедимся в том, что все наши производные слова — синонимности, что ли, главного, коренного. Здесь это все равно «бег»! — забежать, прибежать, убежать, перебежать, добраться, оббежать, подбежать, разбежаться.

Как видите, получился совершенно другой пример! Во всех этих глаголах сохранилось значение изначального: «бежать».

А теперь разберем гейневские слова:

Немецкое слово *Schatten* — «тень». Оно является определяющей частью трех слов, определительной характеристикой каждой части.

Итак, первое слово — *Schattenküsse* — «поцелуй в тени», знаменитые поцелуи, в том смысле, что они спрятаны от посторонних взоров, недоступны другим, скрыты, интимны; второе — *Schattenliebe* — тот же оттенок по отношению к «любви»; и, наконец, третье — *Schattenleben* — то же применительно к понятию «жизнь», то есть имеется в виду только «наше», совсем-совсем «наше».

В русском языке эквивалентов этим словам нет, да и в немецком, помимо этого стихотворения, могут нигде и не встретиться. Но как же быть с переводом?

Вернемся к стихотворению. «Теневая любовь», «поцелуй в тени»? «Невидимая жизнь», «интимная жизнь»? Все эти понятия, скрытые от глаз посторонних? Вымысел, фантазия? Что-то вроде английского «теневого кабинета министров», «теневого правительства»?

И, честно признаться, я подумал, что перевести это стихотворение действительно невозможно. Я копался в разных то-

мах и переводах и перевода не находил. Значит, я был прав. Перевести нельзя?..

И вот уже перед самым отъездом сюда, в Германию, мы совершенно случайно под руку попался приводимый ниже перевод все того же Левика! И я был просто потрясен!

Оказывается, перевести можно, притом весьма точно, как мне кажется, по-гейневски, хотя и без гейневских слов. Удивительный талант переводить... Казалось бы, и слова не те, и «ангел» вместо «дуры» (это ведь дословно по словарю!), и вместе с тем и точно — весь смысл, вся тональность, вся музыка стиха.

Если знаешь языки, цепляться за слова, оказывается, не надо! Не в одних словах дело! Но ведь это только при условии, что ты знаешь в совершенстве языки. Словарь в этом случае плохой помощник.

Итак, попытаемся прочесть и понять оригинал Гейне:

*Schattenküsse, Schattenliebe,
Schattenleben, wunderbar!
Glaubst du, Närrin, alles bliebe
Unverändert, ewig wahr?*

*Was wir lieblich fest besessen
Schwindet hin wie Träumerei,
Und die Herzen, die vergessen,
Und die Augen schlafen ein.*

Для помощи я снова даю словарик:

der Schatten — тень;

die Närrin — глупышка, дурочка;

unverändert — неизменный;

ewig — вечно;

lieblich — мило, сладостно;

besitzen, besaß, besessen — принадлежать;

выпало «haben» — признак прошедшего времени;

schwinden — исчезать;

die Träumerei — мечты, фантазии;

bleiben — оставаться (*bliebe* — конъюнктив: «бы»).

Начинается все с восторгов и с удивительных словообразований Гейне. А затем отрезвляющая реальность:

— Все, дурочка моя, чепуха! (Какой уж там «ангел»! «дура» — в оригинале, ну, конечно же, любя!)

Милая эта девчушка... Это снова та самая глупенькая Олга, теперь уже восторгающаяся всем этим «теневым», во

атромантикой любви, выдуманной, несуществующей на са-
мделе. Фантазия...

за, утверждает Гейне, это чудесно, то — что выражается пер-
вы тремя словами. Великолепно! Только не воображаешь ли
продолжает Гейне, не думаешь ли ты, дурочка, что все это
рочется неизменным, вечной правдой? Нет. То, что нам мило и
неблемо принадлежало, исчезает, как видение, фантастиче-
жмираж, а сердца — те забывают, и глаза засыпают...
еорасиво и печально... Но так и есть, хочет сказать Гейне...
Кривое поэтическое сосуществует с реальностью, далеко не
вида уж такой прекрасной. Это надо понимать, с этим прихо-
дия считаться...

«Для понимания подлинника нужно знать некоторые тонкости
языка. Первое: трудное для русского языка явление конъюнктив —
слово «bliebe» — «осталось бы». Второе: сложная форма глагола
«sitzen» употреблена без вспомогательного глагола «haben», и
тому может сразу не угадаться: вместо «haben besessen» —
прямо «besessen», то есть «имели» («нам принадлежало»).

теперь — да здравствует перевод и переводчик В. Левик!

*Тени, тени — все для тлена —
Поцелуи, жизнь, любовь.
Да, мой ангел, все мгновенно,
Что прошло, не будет вновь.*

*Чем владели, что любили —
Все виденья, звуки, сны.
И сердца давно забыли,
И глаза усыплены.*

* * *

Вот в еще одном стихотворении, нечто подобное, с издев-
кой над собой, что ли:

*An dem stillen Meeresstrande
Ist die Nacht heraufgezogen,
Und der Mond bricht aus den Wolken,
Und es flüstert aus den Wogen:*

*Jener Mensch dort, ist er närrisch,
Oder ist er gar verliebet?
Denn er schaut so trüb' und heiter,
Heiter und zugleich betrübet.*

*Doch der Mond, der lacht herunter,
Und mit heller Stimme spricht er:
Jener ist verliebt und närrisch
Und noch obendrein ein Dichter.*

Словарик:

Der Strand — морской берег;

heraufziehn — надвигаться;

brechen — здесь «пробиваться»;

die Woge — волна;

trübe — мрачный, огорченный;

obendrein — кроме того;

e — лишнее для сохранения стихотворного размера.

Содержание: на тихое морское побережье надвинулась ночь, и луна пробивается сквозь тучи, а в волнах раздается шепот. Кто тот человек, там, он дурачок (придурок!), или он даже влюблен? Поскольку он смотрит так мрачно и весело, весело и одновременно печально. Но месяц, тот посмеивается вверх, звонким голосом говорит: «Тот там влюблен и придурковат, но ко всему же еще и поэт».

Чудесное поэтическое описание ночного моря. Луна, конечно, но, как в этих случаях полагается. А по берегу бродит что-то бормочащий про себя безумный человек. Кто он? Сумасшедший? Да, но к тому же еще и поэт...

Ага! Значит, поэт — это явно рехнувшийся человек. Он живет в реальном мире, это — фантазер...

А вот и перевод В. Левика:

*На пустынный берег моря
Ночь легла. Шумит прибой.
Месяц выглянул и робко
Шепчут волны меж собой.*

*«Этот странный незнакомец —
Что он — глуп или влюблен?
То ликует и смеется,
То грустит и плачет он».*

*И лукаво улыбаясь,
Молвит месяц им в ответ:
«Он и глупый, и влюбленный,
И к тому же он поэт».*

Приведенные примеры уже в какой-то степени дают представление о сложности поэтического перевода с языка на язык. Конечно, безусловно, ясно: точного эквивалента создать невозможно. Можно только в большей или в меньшей степени приблизиться к подлиннику, если перевод вообще возможен.

У Гейне у самого, когда он чистый романтик, есть удивительные стихи и образы! Вот пример необыкновенно поэтического стихотворения и столь же удачного перевода его. Мне очень нравятся и подлинник, и перевод.

*Die schlanke Wasserlilie
Schaut träumend empor aus dem See.
Das grüßt der Mond herunter
Mit lichtem Liebesweh.*

*Beschämt senkt sie das Köpfchen
Wieder hinab zu den Well'n —
Da sieht sie zu ihren Füßen
Den Armen blassen Gesell'n.*

Словарик:

schlank — стройный;

träumend — мечтательно;

empor — ввысь, вверх;

licht — ясный, светлый;

beschämt — смущенно;

senken — опускать;

blaß — бледный;

der Geselle — парень, малый;

das Weh — скорбь, печаль, боль.

Текст настолько прост и понятен, что не требует особенных пояснений. Но сама картина необыкновенно поэтична. Тут уж таких ироний и смешков. Удивительная красота чувств и образов и, как часто у Гейне, удивительно насыщенный стих, очень коротко и очень емко.

Это и есть его романтизм, способность увидеть красоту, поражающую нас, одухотворить ее, наделить человеческими качествами, оживить мертвую Природу...

Мунная ночь. Озерцо (а может быть, просто болотце неказистое какое-нибудь). И в этом, возможно и невзрачном, водоеме растут водяные лилии.

Ну, кто из вас не видел таких прудов, таких озер? Правда, нас лилий поубавилось. Они перекочевали в Красную Книгу. А белую лилию увидеть сравнительно труднее.

Ну а все-таки! Может быть, кому-то из вас и ночью приходилось проходить здесь мимо?

А кто из вас сумел увидеть то, что увидел Гейне?.. Кто? Всего восемь коротких строк. А каких строк! Какие чудные образы!

Только что родившаяся, непорочная стройная лилия, появившись из воды, взглянула на мир. А месяц в небесах, увидев ее, потрясенный ее красотой, загорелся светом любви. И лилия от смущения склонила голову — а он уже у ее ног...

Вот это и есть романтизм Гейне! Упоение красотой мироздания, умение увидеть ее, одухотворить, выхватить из огромного мира маленький удивительный кусочек и приковать к нему внимание человека, сопереживателя...

Перевод В. Левика:

*Задумчиво стройная лилия
Взглянула из темной воды.
И месяц влюбленным светом
Ее озарил с высоты.*

*Смущенная клонит головку,
Стыдливых сомнений полна,
И бледного страдальца
У ног своих видит она.*

Это вам уже не «девица стояла у моря...», вздыхая по завету, согласно моде. Это не мода — это действительная красота и поэзия, выразителем которой выступает сам поэт... Романтик по натуре...

А вот два стихотворения, в которых я увидел себя — в то время, когда я горел блондинкой с голубыми глазами.

Первое:

*Mit deinen blauen Augen
Siehst du mich lieblich an,
Da wird mir so träumend zu Sinne,
Daß ich nicht sprechen kann.*

*An deine blauen Augen
Denk' ich allerwärts: —
Ein Meer von blauen Gedanken
Über mein Herz.*

Словарик:

blau — голубой (в немецком языке нет специального слова «голубой», есть только слово «синий»);

im Sinne — в голове, в мыслях;

bedenke ich — помню я, вспоминаю я;

überallwärts — повсюду, везде;

aus mir ergießen — разливаться.

Подстрочник: своими голубыми глазами ты ласково смотришь на меня, тогда меня в мыслях одолевают такие мечты, что я не способен говорить. Я вспоминаю твои голубые глаза повсюду — в мире голубых мыслей разливается по моему сердцу.

Перевод В. Левика:

*Ты голубыми глазами
Так нежно следишь за мной,
А я молчу, овеян
Неуловимой мечтой.*

*Твои глаза голубые
Я помню ночью и днем.
Как море, мечты голубые,
Волнуются в сердце моем.*

Второе стихотворение:

*Die Welt ist dumm, die Welt ist blind,
Wird täglich abgeschmackter!
Sie spricht von dir, mein schnes Kind,
Du hast keinen guten Charakter.*

*Die Welt ist dumm, die Welt ist blind,
Und dich wird sie immer verkennen;
Sie weiß nicht, wie süß deine Küsse sind,
Und wie sie beseligend brennen.*

Словарик:

abgeschmackt — пошлый;

verkennen — не понимать, не дооценивать;

beseligend — упоительно;

brennen — гореть.

Подстрочник: мир глуп, мир слеп, час от часу становится еще более. Он говорит о тебе, мое чудное дитя, у тебя нехоро-

ший характер. Мир глуп, мир слеп, и он всегда будет недооценивать тебя; он не знает, как сладки твои поцелуи и как упоительно горят.

Перевод З. Морозкиной:

*Ах, этот свет, он слеп и глуп!
Ведь он без всякого права
Упорно твердит о тебе, мой друг,
Что ты нелегкого нрава.*

*Ах, этот свет, он слеп и глуп!
Никто в нем даже из лучших
Не знает твоих отрадных губ,
Твоих поцелуев жгучих.*

Но лучше всего, конечно, читать стихи без перевода: подлиннике... Языки изучать надо. А ведь при желании некоторых способностях!) это возможно даже самостоятельно...

Но есть, конечно, стихи, сложные для понимания, а значит и для перевода: не понимая, переводить нельзя... Именно в этом примере я подробно и остановился на том «разговорном» часе в университете.

Вот оно, такое же из восьми строк, как и предыдущее, роткое и вроде понятное. Но...

*Weil ich dich liebe, muß ich fliehend
Dein Antlitz meiden — zürne nicht.
Wie paßt dein Antlitz, schön und blühend,
Zu meinem traurigen Gesicht!*

*Weil ich dich liebe, wird so bläulich,
So elend mager mein Gesicht —
Du fändest mich am Ende häßlich —
Ich will dich meiden — zürne nicht.*

Перевод В. Коломийцева:

*Тебя люблю я — неизбежна
Разлука наша — не сердись!
Весь облик твой, цветущий нежно,
И мой, печальный, не сошлись!*

*Да, от любви к тебе я вяну,
Я тощ и бледен стал, — взглядишь!*

Тебе я вскоре гадок стану,
Я удаляюсь, — не сердись!

У переводчика все четко и ясно! «Я удаляюсь...» — трали-ли, погуляли!

Что это? Одна из многочисленных любовных интрижек Гейне — любовная драма или, может быть, трагедия? Это разговор любимой или просто оставленная ей записка? Если верить переводу, поэт говорит с любимой при прощании — иначе откуда бы «вглядись!»? Мне даже кажется, что он как-то пытается вроде бы оправдать свой уход перед девчонкой, даже возможно как-то ее утешить (что поделаешь — не сошлись! — на шучер: «А ведь Иван с Манькой-то не сошлись, видать!»). «Вообще-то я тебя еще люблю, но пойми меня, разрыв наш неизбежен, никуда не денешься!»

Не подходят они друг другу, как выясняется. Ей он должен быть скоро противным — она красивая, он «тощ» и гадок. Так что: покедова! — и не сердись...

Знакомая история! Все было прекрасно, но пора и расстаться...

Сколько их в это время было у Гейне, этих Серафим, Эмм и Мичих! Хоть пруд пруди! Вспомните все эти поцелуи «в тени» — корелести интимной жизни, чему поучает поэт свою «глупыш-ку». Я думаю, русский читатель, знакомый с предыдущими стихами Гейне этого периода, никак иначе приводимого перевода не примет и не сможет.

Это резонерство перед девчонкой?

Но не так уж, оказывается, все просто. Попробуем вместе проанализировать словарное богатство поэта и внимательно пройтись по подлиннику, вдуматься в него.

В стихотворении много незнакомых слов. И каких слов! Нужно их оценить и понять:

fliehen — бежать, обращаться в бегство, спасаться бегством (только тайно — побег!);

das Antlitz — лицо, по-русски — «лик» (лик святого!);

meiden — избегать, сторониться, стараться не встречаться, не подходить;

zürnen — сердиться, злиться, гневаться;

spassen — подходить (друг другу), в русском языке есть слово «припасовать», что значит «подогнать»;

blühend — цветущий;

traurig — печальный, грустный;

bläulich — бледноватый, бесцветный (от «blau» — бледный);

elend — по-русски прилагательное от этого слова — жалкий (Elend — нищета, нужда, бедствие, жалкое состояние);

mager — худой, изможденный, тощий;
du fändest — опять конъюнктив — «ты нашла бы»;
häßlich — отвратительный, некрасивый.

А теперь любопытства ради попытаемся отыскать эти варианты по смыслу слова в переводе.

Первого слова нет вообще. Второго — тоже («облик» хотя родственен по корню со словом «лицо», означает совершенно иное — не «лицо», а тем более не «лик»).

Третьего слова в переводе тоже нет.

Четвертое слово есть в одном из своих значений — «сесть».

Пятое слово весьма условно — «сойтись» — в смысле «впасть», «подходить» и «совпадать» — это одно и то же?

Шестое и седьмое слова есть — без отклонений!

Восьмое — не совсем без отклонения.

Девятого слова нет. Есть десятое — правда, стилистически звучит вовсе не так, как в подлиннике, а с иронией («тощ»), «худоба» у Гейне связана с непереуверенным очень важным словом (десятым — *elend*). Тут никакой иронии нет и быть не может.

Одиннадцатого слова нет. А двенадцатое есть в варианте «гадкий».

Итак, из двенадцати слов подлинника — в числе которых есть очень важные! — переводчик использовал четыре точно и три приблизительно. Даже, точнее, три — точно и три — приблизительно. Половину слов он вовсе не использовал. Что можно ждать от перевода? Я ведь не все слова учитывал, только часть.

Давайте потолкуем немного о стиле. Есть такое понятие в лингвистике. В любом языке есть слова-синонимы, относящиеся к одному и тому же понятию. В русском, например, слова «автомобиль» — «автомашина» (машина) или «самолет» — «аэроплан». Но синонимы, как правило, в жизни друг друга не терпят, если они действительно обозначают одно и то же: один из них отмирает (в русском, например, «автомобиль» и «аэроплан»).

А вот еще один ряд слов, обозначающих одно и то же: лицо, рожа, харя, лик, морда, мордашка, рыло, физиономия и так далее — всех я просто не перечислю! Это что? Тоже синонимы, но отличающиеся по стилю.

Одно из них, из этих слов, может быть нейтральным по стилю, например «лицо». «Харя» — вульгарно. «Лик» — слово высокого стиля (лицо святого, Бога, кого-то недосыгаемого, большого).

Можно, скажем, «сердиться» (нейтрально), можно «гневаться» (высокий стиль).

Ну а теперь вернемся к стихотворению. Гейне употребил слово *Gesicht* — «лицо» — по отношению к себе. У него *Antlitz* — «лик».

Он ставит ее выше себя, для него она — «высокий стиль». В переводе, кстати, «лиц» вообще нет никаких, есть «облик», как уже говорил, что совершенно другое. А в подлиннике «лиц» повторяется дважды, где разговор «о ней». И дважды удлиняется «лицо», где — он. Вот оно как!

Переводчик перевел zürnen как «сердиться» — и сразу утратил стиль! Zürnen — слово высокого стиля. В немецком еще одно слово обозначает тоже понятие «сердиться» — sich ärgern, zög sein, wütend sein, bise sein. Но zürnen — «гневаться»! Вот такая штука-то! Оказывается, Гейне и тут прибегает к высокому стилю, когда речь идет о героине. Она гневается! (как царица или царица?).

Гейне употребляет деепричастие от очень важного глагола — flücht (первое слово в перечне). Оказывается, герой не «удался», как утверждает переводчик, — величественно и торжественно, глядя с высоты, с пренебрежением на героиню, а спасается бегством! Он совершает побег... Но бегство — это же беда! Личного разговора здесь быть не может — значит, это, в общем случае, оставленная записка.

Об этом говорит уже глагол действия — meiden — избегать, избегать не встретиться (в переводе его тоже нет).

Попробуем теперь изложить текст Гейне не слово в слово, а шире, чтобы яснее выступал смысл и подноготная сотворения.

Например: так как я тебя люблю, я вынужден, спасаясь бегством, избегать лица твоего святого — не гнепись! Ну разве подходит к нему, твоему лицу, прекрасному и цветущему, мое жалкое и печальное? Так как я тебя люблю, лицо мое становясь все бледнее и таким жалким и худым, что ты, в конце концов, нашла бы меня отвратительным, гадким — я не хочу воевать с тобой, я избегаю тебя — не гнепись!

Вот оно что! Это, братцы, вам не шутки! Не трали-вали. По переводу — очередной гейневский флиртик — а их было у Гейне множество! Разонравились — разошлись, шапочкой помахи — «я удаляюсь! Покедова!». Я — это «ваше величество» — причина, и, видно, поэт. А в этом стихотворении — наоборот...

Переводчик не сумел прочесть, на мой взгляд, подлинника, что упустил из биографии автора, не учел. А эти стихи — отчек личной душевной трагедии юного Гейне. Он, сын небогатого торговца, был отдан на обучение к богатей-дядюшке, банкиру Соломону Гейне. И тут скромный клерк и влюбляется в красавицу — дочь банкира — Амалию. Он понимает, что богатей-девушка ему не пара, и оставляет дом дяди...

Вот вам и стихи! Кстати, не только эти: у Гейне именно эта повесть и родила лирику — первым вышел цикл стихов «Юно-

шеские страдания». Тема богатой невесты и бедного влюбленного — излюбленная тема первого этапа лирики Гейне.

Правда, стихотворение, которое я только что рассматриваю, написано значительно позже — и точно сказать, кто герой стихов, я не могу.

Надо учесть, что Гейне позже еще раз лично столкнулся с такой любовью, — там героиней была дочь другого богатого родственника...

А уж потом пошла «свободная» любовь, которую он широко воспевает в своей лирике. Несколько стихотворений такого плана я уже привел выше.

Позже я нашел другой перевод этого стихотворения. точнее, гораздо точнее по содержанию (к сожалению, не знаю автора!), но... Гейне-то нет! Размер стиха совсем не тот, совсем не та музыка... Мне думается, Гейне вообще никогда таким размером не писал — утверждать не хочу... Тогда нужно глубже посмотреть.

Предлагаю его для сравнения с переводом Коломийцева:

*Люблю тебя сильно — и должен, несчастный,
Скорее бежать... Не сердись на меня!
Ну разве под пару твой образ прекрасный
И бледно-худая наружность моя?*

*Люблю тебя сильно — и что за мученье!
Бледнее и тоще я день ото дня,
И скоро тебе я внушу отвращенье...
Я должен бежать... Не сердись на меня!*

Я вовсе тут не преследую цели опорочить труд переводчиков, хотя привожу и примеры, указывающие на явные ошибки в прочтении подлинника. Может быть, тут причина в недостаточном знании языка? Не знаю. Во всяком случае, некоторые примеры вызывают недоумение и порой разочарование.

В других случаях отход от подлинника объясним различиями самих языков и требованиями к стихотворной форме.

Но повторяю: я очень уважаю этот необычайно сложный труд переводчиков. Да здравствуют переводчики!

Гейне переводили очень многие поэты и переводчики. В том числе Фет, Блок, Мей, Гиппиус, А.К. Толстой, Тынянов, Вознесенский и целый ряд профессионалов-переводчиков и поэтов. В частности, и В. Левик. Я не пытался, конечно, сравнивать, но как бы не более всех других.

Итак, вернемся к Гейне в период его «буйной» лирики «цветущих юношей», по В. Левик. Отбор этих стихов с

и мною довольно произвольно, но они тематически близ-

*Du liegst mir so gern im Arme,
Du liegst mir am Herzen so gern!
Ich bin dein ganzer Himmel,
Du bist mein liebster Stern.*

*Tief unter uns, da wimmelt
Das närrische Menschengeschlecht;
Sie schreien und wüten und schelten,
Und haben alle recht.*

*Sie klingeln mit ihren Kappen
Und zanken ohne Grund;
Mit ihren Kolben schlagen
Sie sich die Kipfe wund.*

*Wie glücklich sind wir beide,
Daß wir von ihnen so fern —
Du birgst in deinem Himmel
Das Haupt, mein lieber Stern!*

Словарик:

wimmeln — кишеть, копошиться;

das Geschlecht — род, поколение;

wüten — *die Wut* — глагол от «злоба, ярость, бешенство»;

schelten — ругаться, браниться;

alle haben recht — все правы;

klingeln — звонить;

die Kappe — колпак (здесь имеется в виду шутовской, види-

), колпак с бубенцами — головной наряд дураков и шутов);

zanken — ссориться, браниться;

der Grund — причина;

der Kolben — булава, палица;

wund schlagen — разбивать до крови (*die Wunde* — рана);

bergen (birgst) — прятать, укрывать.

Подлинник прост для понимания: ты так любишь лежать у меня на руках, ты так охотно лежишь возле моего сердца (это словный перевод, он звучит не очень-то поэтично на русском), я — небо огромное твое, а ты — моя любимая звезда.

Глубоко под нами (они ведь на небе!) копошится дурацкий род человеческий. Они (люди) орут и бесятся (в ярости) и бранятся во злобе, и все правы!

Они бренчат своими (дурацкими) колпаками и ссорятся без причины. Своими палицами они разбивают себе в кровь головы.

Мы счастливы оба, что так далеки от них, — ты прячешь голову в своем небе, моя любимая звездочка!
Комментарии излишни...

А теперь перевод А. Майснера:

*В объятьях моих, у сердца
Готова лежать ты всегда!
Твое я — родное небо,
Моя ты — родная звезда.*

*Под нами внизу копошится
Дурацкое племя людей;
Кричат, бранятся и каждый
Уверен, что всех умней.*

*Звонят на них погремушки;
Все спорят — спор бестолков;
Вот-вот разобьют друг дружке
Дубинами головы в кровь.*

*Как счастливы мы с тобою!
От нас далека их вражда —
Ты в небе родном голову
Покоишь, моя звезда!*

Тут я ничего не говорю о переводах и переводчиках. Представляю вам право самим судить о качестве их, сопоставляя мои подстрочники с ними.

И мне думается, что вам впервые предоставляется возможность задуматься над подобного рода вопросами.

К примеру:

*Wenn zwei voneinander scheiden,
So geben sie sich die Hand
Und fangen an zu weinen,
Und seufzen ohne End'.*

*Wir haben nicht geweinet,
Wir seufzten nicht Weh und Ach!
Die Tränen und die Seufzer
Die kamen hintennach.*

Словарик:

scheiden — расставаться (разводиться!);

anfängen — начинать;

weinen — плакать, реветь;

seufzen — стонать, причитать;

der Seufzer — стон;

hintennach — потом, позже;

Die (начало последней строки) — они (здесь, в тексте).

Подстрочник: когда двое расстаются, они подают друг другу плечи и начинают реветь и без конца вздыхают. Мы не плакали и не причитали: ой! и ах! Слезы и стоны пришли потом...

Перевод В. Клюева:

*Когда расстаются двое,
То рук не могут разжать,
И плакать начинают,
И без конца вздыхать.*

*Мы не вздыхали оба
И плакать мы не могли —
Страдания и слезы
Потом уже пришли.*

А теперь мне бы хотелось предложить вам прочесть несколько интересных стихотворений, написанных Гейне почти друг за другом. Они тесно связаны содержанием.

*Du sollst mich liebend umschließen,
Geliebtes, schines Weib!
Umschling mich mit Armen und Füßen
Und mit dem geschmeidigen Leib.*

Словарик:

umschließen — охватывать;

umschlineng — обвивать, от *die Schlinge* — петля (сюда же — *Schlange* — змея);

geschmeidig — гибкий, пластичный (например, кошка, когда ласкается, пантера в мультфильме «Маугли»); очень красивое слово в немецком языке, не имеющее точного эквивалента в русском.

Перевод В. Зоргенфрей:

*К устам моим устами
Прильни, подруга, тесней!
Меня руками, ногами,
И телом гибким обвей.*

Мне думается, что Гейне удастся в этих четырех коротких строках изложить всю соль с помощью трех слов, которые я привел выше, в словарики. Они необычайно емки. Не случайно в следующем своем стихотворении Гейне снова обращается к этой интересной семье глаголов с приставкой «um» (о-, об-, вокруг):

*Gewaltig hat umfangen,
Umwunden, umschlungen schon
Die allerschinste der Schlangen
Den glücklichen Laokoon.*

Словарик:

gewaltig — сильный, огромный, мощный;

umfangen — охватывать (*fangen* — ловить!);

umwunden — обвивать (*umwunden* — прошедшее время);

umschlingen — обвивать;

schon — уже, то есть — «это уже было!»;

allerschinste — самая прекрасная, распрекрасная;

die Schlange — змея (сравните: *umschlingen, umschlang*).

Но слова ведь выражают смысл, а за мыслями кроются реальные действия, события, ситуации. Вот и попытайтесь представить себе, о чем говорит Гейне в этих стихах. Это же Родена. Попробуйте-ка словами выразить, описать поразительно разнообразные группы Родена.

Беден наш язык для этого, а Гейне удалось подыскать словесные средства в немецком языке — змееподобное тело, живящее гибкое...

Перевод А. Мушниковой:

*Охвачен с быстротою
Обвит и вмиг уязвлен
Прекраснейшей в мире змеею —
Счастливейший Лаокоон.*

Перевод В. Зоргенфрей:

*Так силою неземною
Охвачен, обвит, пленен
Прекраснейшей в мире змеею
Блаженнейший Лаокоон.*

Тот, кто сам пережил такое, — тот себе прекрасно представляет, о чем пишет Гейне. Но весь вопрос в том, какими

ловами, какими языковыми средствами это можно сделать на русском языке в восьми строках.

Вернемся к группе «обвивающих» слов: *umfassen, umschließen, umschlingen, umwinden, umfangen*.

Хотелось бы еще раз обратить внимание на роль словообразовательных элементов:

die Schlinge — петля, *umschlingen* — обвивать, так сказать, «опетлять»;

die Schlange — змея (сравните русское — «шланг»!),

umschlingen

umschlang

umschlungen — «обзмеивать», что ли!

Везде это «кольцо», «петля» — «о-», «об-», «вокруг»! Змея!! Какой насыщенный набор синонимов! Сколько «змей»! — не случайно Гейне приходит к Лаокоону.

Однако ведь любопытно, что Лаокоон-то никогда не был счастливым от змей — змеи удушили его вместе с двумя сыновьями.

А теперь рассмотрим еще одно стихотворение Гейне, написанное почти сразу же после приведенного выше:

*Ich kann es nicht vergessen,
Geliebtes holdes Weib,
Daß ich dich einst besessen,
Die Seele und deinen Leib.*

*Dein' Leib nicht' ich noch haben,
Den Leib, so zart und jung.
Die Seele kinnt' ihr begraben,
Hab' selber Seele genug.*

*Ich will meine Seele zerschneiden
Und hauchen die Hälfte dir ein,
Ich will dich umschlingen, wir müssen
Ganz Leib und Seele sein.*

Словарик:

hold — милый, прелестный;

zart — нежный;

begraben — хоронить;

zerschneiden — разрезать;

einhauchen — вдохнуть, «вдуть»;

ganz Leib und Seele sein — быть единым телом и душой.

Подстрочник: моя милая, моя любимая, я не могу забыть, что когда-то владел тобою, душой твоей и телом. Я бы хотел

обладать твоим телом еще раз, телом таким нежным и молодым, а душу вы можете схоронить, закопать — у меня своя хватает! Я разрежу свою душу и половину вдохну в тебя. обовью тебя («охвачу петлей») — мы должны стать единым телом и душой... Вот так обстоят дела!..

А сейчас я приведу два перевода этого стихотворения.

*Никак забыть не могу я,
Мой нежный друг дорогой,
Что я владел тобою —
И телом твоим, и душой.*

*Я телом твоим и поныне
Желал бы владеть вполне,
А душу зарой хоть в землю —
Довольно души во мне.*

*Ее я хочу с тобою,
Мой друг, пополам разделить,
И, крепко обнявшись, душу
И тело в едино слить.*

(И. Греков)

*Как память у сердца отнимет
О том, как была хороша
Ты в дни, когда были моими
И тело твое и душа?*

*О, если б и впредь твое тело
Лежало в объятьях моих!
А душу зарыть можешь смело,
Нам хватит одной на двоих.*

*Тебе я души половину
Отдам, когда будем вдвоем,
И тело с душой воедино
Мы, крепко обнявшись, сольем.*

(П. Карп)

На фига мужику, простите, какая-то там женская душа! Тебе ему нужно! Молодое, красивое! И никакой душой этого тела заменишь!

Оно, конечно, хорошо, когда то и то! А если на выбор?

Гейне выбрал продавщицу, хорошенькую и молоденькую, жил с нею до конца — почти до своей смерти — и чихать ей было на ее образование, воспитание, сословие!

Пусть она даже задушит в своих объятиях «счастливейше-
Лаокоона...

* * *

*Als sie mich umschlang mit zärtlichem Pressen,
Da ist meine Seele gen Himmel geflogen!
Ich ließ sie fliegen, und hab' unterdessen
Den Nektar von ihren Lippen gesogen*

Словарик:

zärtlich — нежный;
pressen — прижимать;
unterdessen — между тем;
Lippe — губа;
saugen (sog, gesogen) — сосать.

Перевод В. Левика:

*Когда ты раскрыла объятия — о боги! —
Душа моя к небу рванулась, ликуя.
Ее отпустив без малейшей тревоги,
Тем временем пил я нектар поцелуя.*

(Окончание следует)

ДОКЛАДЫ

Фрида ЗЮЗИНА,
канд. филол. наук, доцент

«Я муки свои вам поведать решил...»

*Основные проблемы
русской немецкой литературы*

У современных российских немецких писателей постоянно возникает потребность оглянуться на прошлое, которое, не по их вине, долго и упорно предавалось забвению. В центре их произведений стоят морально-философские проблемы, общечеловеческие вопросы бытия, поднимаются темы, связанные с трагической судьбой русских немцев, которые были поставлены в положение отверженных.

В последние годы продолжают расширяться и углубляться тематические границы русско-немецкого литературного диалога. Мы попытаемся выделить те проблемы, которые связаны со стремлением писателей понять прошлое и настоящее своего народа.

Одна из ключевых проблем — это продолжить процесс мольного возрождения, найти ответ на вопрос: за что? За что российским немцам пришлось претерпеть столько мук: и расчленивание, и выселение с родных мест, и политические репрессии, и трудармию, и многолетние унижения только из-за принадлежности к немецкой национальности. В словах героя романа Р. Кнауца «Родная чужбина» звучит боль не только за себя, а за весь свой народ: «За что же нам такая кара? Ведь я никого не убивал, ни у кого ничего не украл, никого не обманывал». На этот вопрос пытаются найти ответ герои Э. Бобровой-Мунг, Г. Вольтера, А. Штульберга. Тема одна, но в то же время каждого автора она имеет свое особое, собственное звучание и наполнение — в сюжетах ли, в характерах или интонации, присущей только этому писателю и никакому другому.

Правдиво описать те страдания, которые выпали на долю российских немцев, — такую цель ставят перед собой Э. Альбандт, Г. Бельгер, В. Вильмс, А. Штраус и другие. «...Мне достаточно рассказать о себе, чтобы заговорила эпоха», — эти слова известного немецкого писателя первой половины XX в. Томаса Манна как нельзя лучше определяют то свойство, которое объединяет творчество современных российских немецких писателей. Одной из характерных черт российской немецкой прозы является автобиографичность. Выношенность, выстраданность (в точном значении этого слова) каждой строки, каждого наблюдения, размышления о жизни ощущаем мы в произведениях названных авторов. Этим писателям есть что сказать, у них есть герой, который много знает и многое пережил, — это они сами. Личный опыт писателя, сопряженный с жизнью народа, является основой для многих произведений. Причем герои несут в себе типические черты национального характера, каким он стал под воздействием определенных обстоятельств. И, главное, авторам важен ход познания и самопознания, само направление исканий истины. Герои, несмотря ни на что, сохраняют в себе искренность и порядочность, остаются людьми, переживающими за происходящее, с совестью и натурой, с повышенной реакцией на всякую несообразность, неустройство, несправедливость.

Остановимся на романе Р. Кнауца «Родная чужбина». Это документально-художественное произведение охватывает не только большой временной, но и пространственный отрезок — от Ульма на Дунае до Игарки на Енисее. Роман заставляет думать об одной из основных проблем литературы — жизненным материале и писательской точке зрения на него. Художественный мир, созданный Кнаузом, — аналог реальному миру. Подлинные события, описанные в романе, вызывают непо-

средственный отклик у тех читателей, которые либо сами прошли все испытания, изображенные в произведении, либо слышали о них от своих родителей.

Главные герои произведения — Человек и Время. Книга показывает мироощущение, психологию, моральное самочувствие людей разных, но с одинаковой судьбой, которым выпали тяжкие испытания. Они оказываются вовлечены в такие противоречия и конфликты, что зачастую им приходится стоять перед трагическим выбором. Время мощно врывается и господствует на страницах романа. Человек оказывается в подчинении предписанных ему законов. В атмосфере, полной мучительных бурь и перепадов давления, крупных политических поворотов, разочарований и сомнений, герои романа сохраняют свою духовную силу.

Христианская мораль и родословная ветвь — вот на чем зиждется душа человеческая. «Храните нашу Библию, — наказывает своим потомкам умирающий в ссылке старейшина рода Крафтов, — запишите в ней день и место моей смерти».

Историческая цепь безграничных несправедливостей, выпавших на долю российских немцев, начинаются в романе с раскулачивания, антирелигиозной пропаганды, процесса коллективизации, которые все вместе разрушили привычный устой жизни.

Но есть такие национальные качества, которые невозможно истребить никакими средствами. В немецких семьях — и эмигранты не решится оспорить — воспитывалось особое уважение к труду. Писатель искренне восхищается неискоренимостью трудолюбия у своих героев, главным идеалом для которых было и будет «Его величество труд». В этом их спасение, благодаря труду им удастся противостоять всем испытаниям и сохранить в себе желание жить.

Большие надежды возлагались на окончание войны: немец-то будет восстановлена справедливость, может быть домам всех распустят. Но еще на долгие годы чужбина осталась родной.

Главная цель, которую, на мой взгляд, поставил перед собой автор, — это поразмышлять вместе с читателем над вечным и всегда современным вопросом: чем жив человек? Время вспять не повернуть и прошлое изменить невозможно. Чрезвычайно важно как можно глубже понять его, осмыслить тем чтобы оно было полезно человеку, могло служить его настоящему, во имя будущего. «Всем детям моим, внукам расскажите о жизни здешней, расскажите, что не виновен я перед Богом, ни перед совестью своей. Безвинно нес я этот тяжелый крест», — такой наказ дает нам глава рода Крафтов.

ив — носитель христианской морали. Роман Кнауса вносит существенную лепту в восстановление справедливости не только по отношению к отдельному человеку, его жизни, но и к человечеству в целом, к жизни народа.

Война и российские немцы — вот основная проблема, которая определяет атмосферу многих произведений. И особое место среди них занимают те произведения, в которых рассказывается о так называемой трудармии. «Зона полного покоя» — так назвал свою повесть Г. Вольтер, в которой он беспристрастно, с жестокой правдивостью рассказывает о жизни трудармейцев. По жанру это повесть-очерк, так как автор повествует о том, что сам пережил, перечувствовал и что так долго хранилось в нем, ожидая своего часа, когда об этом можно будет говорить. «Теперь, много лет спустя, — говорит автор, — мало, наконец, возможным выслушать и суммировать горькие рассказы-исповеди еще живущих мучеников советских концлагерей». С первых же строк этого произведения ощутим напор действительности на человека, перед нами крик души, познавшей прикованность человека к колеснице обстоятельств, осозавшей всю несправедливость своего положения.

Названия глав в повести красноречиво передают авторскую оценку тех испытаний, которые выпали на долю его героев и до самого: «Отверженные», «Между жизнью и смертью», «Изли в своем доме». Вольтер не скрывает своей обиды за незадуманное оскорбление человеческого достоинства тех, кто оказался вместе с ним за колючей проволокой. В произведении вредано отчаяние людей, оказавшихся в положении заповоющего животного существования. «Стало очевидным, что строги они нечто иное, как лагерь для заключенных, а заключенные — они сами. Никто из них раньше и предположить не мог, что так повернется! Всякий подвох могли ожидать для себя немцы, но только не тюрьму. Это было и неожиданно, и унизиельно, и обидно».

Личный опыт писателя обеспечивает высокую степень подлинности изображаемых ситуаций, достоверность психологических характеристик, непридуманность конфликтов. Герои как будто и не совершают особых подвигов, но мы видим, как жестоко постоянно видеть смерть и страдания людей, твоих товарищей, самому каждое мгновение жить под угрозой смерти и не терять при этом чувство собственного достоинства. Испытания голодом и холодом, выпавшие на долю трудармейцев, страх за себя и близких, испытания физических и духовных сил человека заставят содрогнуться сердце современного читателя.

К этой же теме обращается В. Вильмс, посвящая свое стихотворение отцу-трудармейцу:

*...Забрали юношей его восемнадцатилетним,
Трудился в Коркино не покладая рук.
Беда случилась как-то утром...
Вернулся... на костылях, с несломленной душой.
...Но рана та, что в нем тихонько кровоточила,
В минуту грусти за гармошкой прорвалась
И со слезами на глазах отец сказал мне: «Дочка!
За что же в армию, на фронт я не был взят?»*

Еще одна проблема, к которой обращаются российские и немецкие писатели, — это особенности сознания человека, ценного не только свободой мысли, возможности выбора своего жизненного пути, но порой и права жить под собственным именем. В рассказе А. Штраус «Его Голгофа» герой обретает себя после того, как реальность столкнула его с событиями, которые перевоссоздали суть его личности. Герой корит, изводит и казнит себя не только за то, что случилось с ним, — словно берет на себя грехи эпохи и общества и, будто новый Иисус Христос, тащит свой крест на Голгофу.

От внешних событий писатели идут вглубь, к выяснению внутренних мотивов поведения героев, и через него затрагивают многие болезненные проблемы национального самосознания. Тяжел и крут путь познания героя романа А. Штульберга «Блудный кунак», поэтому и переслоена структура произведения, как и повторяющаяся этот путь, кружа по одним и тем же болевым точкам происшедшего.

Читателя привлекает умение писателя убедительно и психологически точно передать драматизм конкретно изображаемой ситуации — душевное состояние человека, оказавшегося в плену спецпоселения. «Мы были неправыми, заключенными Законом рабами». Герой показан в неразрывных связях с окружающими его людьми, с настоящим и прошлым своего народа. Через Альфреда проходят все токи трудно тревожного времени, и он с честью выдерживает это высокое напряжение. Автор сравнивает жизнь героя с «апрельским блудным кунаком, когда задувает ветер с дождем и снегом».

Сурово, неприветливо встретили казахстанские степи герои романа, трудной была жизнь в этих краях, без помощи, человеческого участия не выжить. Но герои встречаются с милыми жителями, душевная теплота, братское понимание которых стали для них опорой.

Герой много размышляет о жизни, о человеческом призвании, о судьбе своего народа, с горестью вспоминает, какая желая ноша выпала на его собственную долю. «Я именно мимолетный. А какой же еще? Истинный, что ли? Куда уж там...»

кую характеристику дает он сам себе. Автор романа вместе с героем почти физически ощущает, как огромной подушкой видности душат истину, как плотен слой бумажных предрассудков, плечащих душу, вселяющих «вредоносную бациллу страха».

И еще одну проблему, звучащую весьма актуально, можно выделить в российской немецкой литературе, используя название рассказа Г. Бельгера — «И пробил горький час прощания». Надежда приобрести наконец-то Родину, достойную для себя жизнь движет российскими немцами, уезжающими на исконную землю предков. Но как трудно вырывается дерево, глубоко пустившее корни в ставшей родной земле, и как нелегко приживается оно на новом месте, а порой высыхает, так и не успев пустить ростки.

Главным героем в рассказе Бельгера является собака Рекс, которая наделяется присущими людям чувствами. На аналогии человек и животное строится весь рассказ. Автор передает состояние собаки, оставленной хозяевами, уехавшими в Германию: боль и обида терзали Рекса в последнее время неотступно. Вместе с псом мы наблюдаем за членами семьи, каждому он дает характеристику, но особенно Рекс привязан к старику, и после разлуки с ним его охватывает «безмерное горе, боль и тоска стиснули грудь».

И как собака не в состоянии понять весь окружающий мир, так и его хозяину недоступны силы, распоряжающиеся его жизнью и счастьем. «Ну, куда, куда, куда он летит? Зачем? Зачем, зачем? Кто его гонит с насиженного места?.. Кто его там ждет? Какая нужда заставила его на старости подаваться в чужие края, именуемые прародиной? Ответа не было». Так от личного автор переходит к общему, к теме Родины.

Рассказ глубоко психологичен. Писатель раскрывает состояние человека в момент наибольшего потрясения. Повествование насыщено монологами, в которых показано, как герой реагирует на свой отъезд, пытается осмыслить свое поведение, сам с собой споря, убеждает себя в том, что «во всем, что происходит, должен же быть какой-то смысл, который не всегда подвластен воле человека». У автора судьба героя определяется началами, недоступными человеку, как и животному. Из двенадцати небольших глав рассказа только в одной переданы непосредственно мысли старика, во всех же остальных размышляет животное, но мы постоянно проводим параллель между человеком и собакой. Для Рекса жизнь с новыми хозяевами просто невыносима, он поглощен воспоминаниями и, когда его сердце почувствовало, что старик «ушел туда, откуда нет возврата», последовал за ним: «тоска убивает не только человека». С первых до последних строк рассказ пронизан неизбывной, щемящей печалью.

Следует отметить толстовские и чеховские истоки в рассказе Г. Бельгера, на память сразу приходят известные нам рассказы «Холстомер», «Каштанка», и этот ряд можно было бы продолжить. Но это сравнение требует отдельного исследования.

Тема прощания звучит и в поэзии В. Вильмс:

*Друзья мои уезжают
На родину предков своих,
А сердце мое замирает
И ноет оно от тоски...*

А также в стихотворении «Аэропорт» Э. Альбрандта:

*Мы улетаем... Ждут другие страны.
Решились! Не хватайтесь за полу!..
Печать тоски на лицах отрешенных,
В глазах надежды робкий огонек...
Уходят те, а эти остаются,
Душа и сердце рвутся пополам.*

Подытоживая, необходимо отметить, что в творчестве российских немецких писателей стремление осмыслить прошлое связывается с их нынешним непрерывным беспокойством, преодолевающими их вопросами. Как быть? Что для человека важнее всего? Где «оправдать свое земное назначение?»

г. Кокшетау

Александр КОЛОСОВ

Немецкий язык в Казахстане

Всегда считалось, что родной язык является важнейшим критерием принадлежности человека к той или иной нации. В современном Казахстане (да и во многих других странах) в последнее время в этом плане происходят существенные перемены. Перестало быть редкостью, когда человек считает себя представителем одной нации, а родным языком называет

другой. К изучению результатов и последствий данных процессов мы только приступаем. С другой стороны, знание второго и третьего языков не является более уделом узкой группы интеллектуалов, постепенно это превращается в необходимость.

Мы видим, с какими трудностями сталкивается нынешняя государственная политика Республики Казахстан по вопросу развития языков, сколько возникает проблем с изучением и распространением государственного языка. Видимо, в обозримом будущем проблемы здесь не исчезнут, а иностранные языки в связи со все более возрастающей открытостью общества станут распространяться с небывалым размахом. Поэтому история развития того или иного языка становится достаточно актуальным вопросом.

В этой связи судьба немецкого языка в Казахстане совершенно уникальна. Нет среди других ни одного, который бы долгое время совмещал в себе два качества — был бы родным для третьей по численности части населения Казахстана и одним из трех официально преподаваемых иностранных языков.

В последнее десятилетие на просторах бывшего Союза произошел настоящий взрыв интереса к изучению иностранных языков. В первую очередь это относится, конечно, к английскому. Но возросла актуальность вопроса и по отношению к немецкому. Так сложилось, что вопрос изучения и преподавания немецкого языка был куда более политизирован, чем аналогичный процесс по отношению к любому другому.

В 20-х годах руководство республики прикладывало немалые усилия, чтобы обеспечить учебу детей немецкого населения на родном языке. Успех здесь не без оснований связывался с ослаблением проблемы эмиграционных настроений в среде немцев, проживающих в республике¹. Например, несмотря на нелегкие условия того периода, в Казахстане работали школы, где на немецком языке полностью шло преподавание всех предметов.

Учебный год	школ	Число учителей	школьников
1925/26	24	28	1397
1926/27	30	34	1251 ²

Школьное дело в этом направлении неплохо развивалось вплоть до 1938 года, когда неожиданно руководство страны сде-

¹ В связи с коллективизацией у части немцев, проживающих в СССР, появилось желание выехать в другие страны. Некоторые уехали в США, Канаду, Аргентину. Для советского руководства подобный процесс был крайне нежелателен, так как он шел вразрез с провозглашенной политической линией.

² Из доклада ЦИК КАСССР в начале 1928 г. (точная дата не установлена) // Из истории немцев Казахстана. Алматы; Москва, 1997. С. 22.

лало мощный крен в другую сторону. Постановлением ЦК ВКП от 24 января 1938 года предлагалось национальные школы национальные отделения в школах (не только немцев, а вообще все) преобразовать в школы обычного типа с преподаванием либо на русском, либо на казахском языке. Естественно, делось это «по просьбе трудящихся». В годы войны и спецпоселений преподавание немецкого языка как родного не велось вообще, а вот как иностранного — продолжалось, причем большой вклад в это дело внесли как раз немцы-переселенцы. Власть это оценили и понимали, что образование населения — дело не менее важное, чем даже военное производство. Поэтому из числа немцев-спецпоселенцев наравне с работниками оборонных предприятий не подлежали мобилизации в трудовую армию преподаватели высших школ и учителя средних³.

В соответствии с известным постановлением ЦК КПСС от 5 июля 1954 года «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» ЦК КП Казахстана аналогичным документом обязал Министерство просвещения республики обеспечить в школы всех детей спецпоселенцев, подлежащих обучению, не допуская отсева учащихся из школ. В результате, в 1955/56 учебном году в республике обучалось 31 400 детей немцев-спецпоселенцев, что составляло 99,2% учтенных детей школьного возраста⁴. Какая-то часть их обучалась на родном языке, видимо, небольшая. Основная же — на русском. Немцы-родители высказывали желание, чтобы их дети обучались на русском языке, мотивируя это тем, что последующее образование им будет получить легче. Лишь небольшая часть родителей хотела, чтобы учеба полностью шла на родном языке.

В феврале 1957 года вышло постановление Совета Министров КазССР об обязательном изучении родного языка учащимися-казахами, обучающимися в школах, где преподавание ведется на русском языке, и о преподавании родного языка для детей немецкой национальности. Со второго полугодия 1957/58 учебного года во 2-х и 4-х классах в местах наибольшей концентрации немецкого населения вводилось преподавание родного языка для детей немецкой национальности по два часа в неделю сверх установленного учебного плана.

Процесс создания групп по изучению немецкого языка на родном шел противоречиво. С одной стороны, налицо было явное давление сверху, когда после XX съезда КПСС власти старались либерализовать систему образования, а на местах ссылаясь на «пожелания родителей» особенно напрягаться

³ См.: Из истории немцев Казахстана. С. 128.

⁴ См. диссертацию Рис Л. Э. Культурная жизнь немецкого населения Казахстана (1918-1985). Алма-Ата, 1991.

атели. Дело дошло до того, что Минпрос стал просто запрещать проводить родительские собрания, где методом голосования решалось, преподавать или не преподавать родной язык. С другой же стороны, быстро набирал обороты процесс размывания компактных мест проживания немецкого населения. Это было время освоения целины, масштабных строек, связанной с этим усиливающейся миграции населения. Постепенное ослабление режима спецпоселений тоже способствовало фактической ликвидации мест компактного проживания.

В конце 50-х — начале 60-х годов в республике остро стояла задача не только подготовки специалистов по преподаванию немецкого языка как родного, но и вообще учителей иностранного языка. Из-за их малочисленности, в 632 школах республики иностранный язык вообще не преподавался. Интересно соотношение числа изучавших различные иностранные языки в тот период: немецкий — 77,1%, английский — 17,7%, французский — 5,2%. Так что в школьном образовании немецкий язык в качестве иностранного явно превалировал⁵.

Следующим шагом было постановление ЦК КПК и Совета Министров КазССР от 26 мая 1960 года, в котором Министерство просвещения обязывалось с 1960/61 учебного года ввести преподавание немецкого языка как родного для детей-немцев и в 5–8-х классах. Однако на практике выполнить это было непросто. Основная нехватка учителей ставила под вопрос всю эту идею. До 1961 года в Казахстане только Алма-Атинский педагогический институт иностранных языков готовил нужные кадры. В связи с этим была расширена сеть вузов, занимающихся данной проблемой. Соответствующие отделения были открыты при педвузах Кустаная, Кызыл-Орды, Кокчетавы, Целинограда. В качестве учителей начальных классов работали даже выпускники педагогических классов некоторых средних школ. К концу 60-х годов проблема была почти снята за счет средних и высших учебных заведений Омска, Сарнаула, Оренбурга, Кокчетавы, Сарани. Вместе с тем качественный состав преподавательских кадров оставался невысоким. Заявляя часто вели либо лица немецкой национальности, плохо владевшие современным литературным языком, либо учителя, не имевшие полноценного образования.

В течение 60-х годов менялись программы для изучения немецкого языка как родного. Примерно на 40% увеличилось отведенное время. Однако преподавание предметов на немецком языке из года в год откладывалось, хотя исторический и физический факультеты КазГУ готовили специалистов с правом преподавания на немецком языке. Вообще-то деятельность

⁵ См. диссертацию Рис Л. Э. Культурная жизнь немецкого населения Казахстана (1955–1985). Алма-Ата, 1991.

этих отделений нельзя признать, по крайней мере в тот период, эффективной. Выпускников их, работавших по специальности, можно буквально пересчитать по пальцам.

В начале 70-х годов в республике были открыты школы преподаванием ряда предметов на иностранном языке, в том числе и немецком. В них училось одновременно до двух тысяч человек. Если английские спецшколы были по контингенту привычными на обычные, то ожидалось, что этнические немцы станут в первую очередь учениками немецких. Однако этого не произошло по нескольким причинам. Во-первых, спецшколы в первую очередь создавались в крупных городах, а немецкое население продолжало оставаться по преимуществу сельским. Во-вторых, к школьному возрасту подошло поколение, для которого родным языком стал уже русский и побудительная мотивация к изучению немецкого языка становилась все менее значимой. В-третьих, эмиграция в Германию еще не набрала нынешних темпов и не воспринималась этим поколением как задача обозримого будущего.

В целом же тенденция к сокращению групп, в которых немецкий язык изучался как родной, с середины 70-х годов все более усиливалась. Если в 1973/74 учебном году немецкий как родной изучали 34 449 учащихся, то к середине 80-х годов это число сократилось вдвое⁶. Да и качество обучения оказывалось зачастую неудовлетворительным: в школах процветал формализм, должный контроль отсутствовал, а иностранный язык вообще и немецкий, в частности, основным предметом тогда вовсе не считался.

Этот вопрос стал одним из центральных в деятельности газеты «Freundschaft». Через девять месяцев после выхода своего первого номера, газета опубликовала статью о преподавании немецкого языка как родного в Кустанайской области. В тридцати школах области — с числом учащихся немцев от 1 до 100% — можно организовать изучение родного языка. Введен он только в четырех. Причем, при переходе в 5-й класс тем же детям преподают немецкий, но уже как иностранный. Ни в одной школе нет специальных методических программ без которых учебный процесс — пустое дело. Только в единственной нашелся букварь. Директор одной из школ просил забыть заказать необходимые учебники. Другой — вообще не знает, что такое преподавание родного языка и чем он отличается от иностранного, третий заявил, что нет учителей, четвертый вообще считает, что немцы-родители не хотят, чтобы дети изучали немецкий язык⁷.

⁶ См.: Freundschaft. 1989. 17 мая.

⁷ Там же. 1966. 25 окт.

Во многих школах Джамбулской области преподавание родного языка застряло в начальных классах, потому что для старших нет учебников. В Павлодарской области не хватает учителей. Из 27 выпускников Саранского педучилища только пятеро работают по специальности, т. е. преподают немецкий как родной. Остальных разослали куда придется⁸.

Неожиданный взгляд на проблему редакция обнаружила в Закарровке Карагандинской области, где проживала многочисленная немецкая диаспора из бывших ссыльнопоселенцев. Здесь ни в одной из нескольких школ не преподавали ни родного языка, ни хотя бы немецкий как иностранный. Потому перебрались на английский и французский. Но суть даже не в том, как объяснить обстановку директор: «У нас учатся дети различных национальностей — греки, эсты, литовцы, татары... Мы ведь не сможем им всем преподавать родной язык. Нам и без того очень трудно, особенно с немецкими детьми. Дома они в основном говорят по-немецки, и потому плохо владеют русским. Отсюда у них плохие отметки. Что же будет дальше, если им преподавать немецкий язык со второго класса?»⁹.

В апреле 1967 года главный редактор газеты «Freundschaft» Шмелев писал в ЦК КП Казахстана: «В редакцию поступают письма, касающиеся преподавания немецкого языка как родного в школах республики. Эти письма, а также детальное ознакомление сотрудников редакции с положением дел на местах позволяют составить общее представление о состоянии дел в данной области учебной работы.

С момента введения преподавания немецкого языка как родного прошло десять лет. За это время была проделана большая полезная работа и достигнуты определенные успехи. Некоторые школы провели выпуск учащихся, прошедших полный курс обучения немецкому языку по расширенной программе со второго класса по 10-й. Получив среднее образование, они в совершенстве владеют литературным немецким языком.

Однако в общем... положение с преподаванием немецкого языка как родного нельзя считать удовлетворительным.

И далее конкретные факты.

Обучением охвачена лишь небольшая часть детей немецкой национальности, причем за последние годы этот охват одновременно сокращается.

Директора школ и органы народного образования на местах зачастую пытаются объяснить ликвидацию групп по изучению немецкого языка по расширенной программе отказами самих

8. См.: Freundschaft. 1967. 3 марта.

9. Там же. 1970. 25 марта.

родителей от обучения детей родному языку. Как показывают многократные проверки, это в большинстве случаев не соответствует действительности.

Почти повсеместно преподавание немецкого языка как родного не доводится до конца. С пятого класса ученики переходят на изучение немецкого языка как иностранного, т. е. начинают с азав после трех лет обучения.

Одна из наиболее серьезных трудностей — нехватка преподавательских кадров.

Обращается внимание на необеспеченность учебниками трудность, которая в большинстве случаев создается самими органами народного образования: несвоевременно и не в требуемом количестве делаются заявки.

Проводя действительно компетентный анализ ситуации, редакция внесла ряд конструктивных предложений, способных реально изменить критически сложившуюся обстановку»¹⁰.

Это был 1967 год. В последующий период газета остро в своих выступлениях в направлении борьбы за должное исполнение правительственных постановлений по изучению немецкого языка как родного стала терять.

Только через 20 лет, в апреле 1987 года, «Freundschaft» снова заговорила своим голосом: по данным Всесоюзной переписи населения, на территории Казахской ССР проживает 900,2 тысячи человек немецкой национальности, из которых 64,5% считают его родным, т. е. более полумиллиона человек. Население за два десятка лет, разумеется, увеличилось. По официальным данным Министерства образования республики, родной язык в 1986–1987 годах изучали 17 267 учащихся немецкой национальности. Менее двух процентов. По данным того же Министерства в 1966 году — 31 874; в 1967-м — 24 708¹¹.

Со второй половины 70-х годов наблюдается процесс постепенного вытеснения немецкого языка, в преподавании как иностранного, английским. Падение «железного занавеса» и глобальная информационная революция этому способствуют. Но, с другой стороны, наряду с появившейся целесообразностью в изучении английского языка, появляется она и в отношении к немецкому.

Холодная война калечила, да и продолжает калечить, судьбы людей не меньше, чем «горячая». Одним из выражений этого стало стремление ФРГ с целью дестабилизации политической обстановки в СССР всячески стимулировать выезд немецкого населения СССР в ФРГ. Конечно, высокий уровень материального благосостояния жителей Западной Герма-

¹⁰ Феникс. 1995. № 11. С. 311.

¹¹ Там же. С. 305.

тому способствовал. В немалой степени способствовали и политические шаги правящих кругов — в Конституцию записали положение о том, что ФРГ является родиной всех немцев и вери ее для них всегда открыты. Сейчас, когда задача развала СССР решена, надобность в переманивании немцев отпадет, и в ФРГ все настойчивее звучат голоса, требующие положить конец «нашествию русских». Сейчас вводятся все новые ограничения, а политическая оппозиция в ФРГ требует даже пересмотра Конституции. Целый народ сделали заложником политических игр, а в каждой игре — свои ставки.

До конца 80-х годов наша государственная система к уезжающим немцам не благоволила. Пытались даже с отъезжающих брать плату за образование, которое они получили в СССР. Потом положение изменилось, но выяснилось, что каждая новая волна репатриантов все хуже знает свой язык. Приезжая в Армению, они испытывают большие трудности.

В 1990 и 1991 годах в алматинских школах № 18 и 68 соответственно, были открыты специальные немецкие классы для готовящихся к отъезду детей. В школе № 18 в 1990 году был открыт один 1-й класс, а с 1991 — уже два. В 1991 году в школе № 68 — один, а с 1997 — два¹². В этом деле с самого начала хорошо помогают немецкие государственные организации. Как минимум, по одному учителю, присланному специально для этого из Германии, работают в каждой из этих школ. В прошлом году после трехлетней работы вернулись на родину супружеская чета Steyer. Дети от них были просто в восторге.

Классы находятся под постоянным патронажем немецких организаций, обеспечиваются ими учебниками, для методической поддержки в Институте повышения квалификации руководящих кадров системы образования РК уже пятый год работает координатор из Германии. Подобные представители есть и в некоторых областях Казахстана. В обеих школах постоянно работают, как минимум, по одному учителю из Германии. Что может быть лучше для изучения языка, чем учитель — носитель языка.

Несмотря на невысокую зарплату (5–7 тыс. тн.) в названных школах работают высококвалифицированные педагоги. Все имеют высшее языковое образование. В школе № 18 из 18 учителей немецкого языка 6 — высшей категории, остальные — первой. И дети и родители очень высокого мнения об учителях начальных классов школы № 68.

¹² В эти классы никогда не принимали детей только немецкой национальности. Там всегда какая-то часть учеников представляла ту часть жителей, которая уезжать не собиралась.

Школа № 18 имеет богатый опыт как школа с «немецким уклоном». Таковой она является с 1964 года. До создания немецких начальных классов, изучение языка начиналось со 2-го (а не с 5-го, как обычно) класса с двух часов в неделю. К 11-му классу было уже девять часов. С 1990 года ученики старших классов в летние каникулы выезжают в Германию (Баден-Вюртемберг), немецкие же дети тем же порядком приезжают к нам.

С прошлого учебного года изменилась концепция работы младших немецких классов — они больше не ориентированы на готовящихся к отъезду детей. В них принимают сейчас все желающих. Правда, термин «все желающие» не очень корректен. Интерес родителей, общественности к ним возрос. Да это и неудивительно. Уровень знаний в этих классах выше, чем в других. Несмотря на «немодность» изучаемого языка, привлекательность немецких классов стремительно растет и школы уже не в состоянии принимать действительно всех желающих.

Вместе с тем есть серьезная проблема. По окончании 4-го класса в обеих школах остается по 10–12 детей. Существующая система не хочет с этим мириться, ей нужна наполняемость. Поэтому в 5-м классе детей из немецкого класса соединяют с детьми из обычного класса и получается нечто явно ущербное, хотя логичнее было бы либо оставить класс малочисленным и сделать учебу в нем с соответствующей поддержкой, либо объединить два немецких класса в стенах одной школы.

Нельзя обойти вниманием еще один момент. Немецкий до сих пор вместе с общественностью, учителями школ №18 и 68 уже несколько лет проводят детские утренники для дошкольников, и, конечно, там бывают дети не только немецкой национальности. Приурочены они бывают, как правило, к традиционным немецким праздникам — Рождеству, Пасхе и т. д. С каким старанием малыши рассказывают стихотворения, поют немецкие песни! А самое главное — постигают язык и культуру своего народа. Уже несколько лет в микрорайоне «Орбита-4» работает немецкий детский садик. Большую активность по отношению к детям проявляет немецкая церковь. Школьники там бывают по поводу праздников, не было случая, чтобы дети вернулись без впечатлений и подарков. И уж, конечно, двери Немецкого театра для детей открыты в первую очередь.

Сколько бы ни говорили об изучении языка во сне, под гипнозом, заочно и т. д., на сегодняшний день преподаватель остается ключевой фигурой, а повышение его квалификации — каждодневная забота. Для преподавателей немецкого языка Институт Гёте — важнейший центр. По разным линиям финансирования выезжают на учебу туда и учителя названных школ.

вузовские преподаватели. Его роль особенно отмечена кадровой иностранных языков КазГНУ им. Аль-Фараби. Филиал этого института открыт недавно и в г. Алматы. Благодаря этому институту и его филиалу, повышать квалификацию преподавателей немецкого языка гораздо проще, чем английского. Это отмечают и в КазГНУ, и в КазНТУ.

В вузовской системе республики сейчас происходит поиск приоритетов. Бесспорно, больше желающих изучать английский язык, чем немецкий. По данным КазГНУ, по учебным годам картина такова (в %):

Изучали язык	1992/93		1993/94		1996/97
	всего	з/о	всего	з/о	
английский	63	50,0	65,5	48,5	68,7
немецкий	29	42,0	27,5	41,5	24,3
французский	8	8,0	8,0	10,0	7,0

Не совсем понятно почему, но на заочном отделении процент студентов, изучающих немецкий язык, традиционно выше.

В КазНТУ также немецкий язык на заочном отделении изучает большее число студентов, чем на очном, — 42%.

Методика преподавания немецкого языка в техническом вузе отличается от таковой в гуманитарном. Если в КазНТУ главный упор делается на выработку навыков перевода технического текста, то в КазГНУ стараются развивать и навыки устной речи.

В 60–80-е годы в КазГУ на историческом и физическом факультетах работали спецотделения по 10–12 человек на курсе для подготовки преподавателей истории и обществоведения, физики с правом преподавания на немецком языке. То есть уже много лет назад в практику вошел пропагандируемый ныне принцип — готовить не просто специалиста в языке, а специалиста в конкретной области со знанием языка. Несмотря на то, что их выпускники работу, в точности соответствующую полученному диплому, не находили, существование спецотделений было во всех отношениях оправдано. Давали они более ценное образование и ни один выпускник спецотделения не пожаловался, что силы и время на изучение языка зря потрачены. Более того, готовые специалисты оказались очень кстати, когда на Казахстану понадобилось создавать почти на пустом месте новые госструктуры — например МИД. Таким образом жизнь показала, что жесткое планирование выпуска специалистов «от потребностей народного хозяйства» имело как положительные, так и отрицательные стороны, причем отрицательные иногда

сами по себе становятся положительными. Спецотделения университета сейчас возрождаются.

Говоря о месте немецкого языка в вузовской системе, можно обойтись без некоторых сравнений. В Германии первый иностранный язык изучается в гимназии с 5-го по 13-й классы — девять лет. Второй — с 7-го, т. е. семь лет, третий — с 9-го по 13-й классы — пять лет. В наших же школах изучают только один иностранный язык в объеме, меньшем в 3—4 раза. Практика показывает, что многие абитуриенты, особенно из сельской местности, не имеют и этого.

На первом занятии по немецкому языку в КазГНУ на вопросы анкеты «Зачем мне нужно знание немецкого языка», студенты отвечали: «Германия — интересная страна с высокоразвитой техникой, давшая миру...», «Может быть, придется когда-нибудь побывать... (почитать, поговорить)», «Полезно вообще надо для диплома...». Для сравнения: на аналогичный вопрос по отношению к русскому языку немецкие студенты отвечали предельно конкретно, например: «Для работы необходимо знание языка русской банковской системы».

В большей мере, чем к английскому, к немецкому языку относится проблема мотивации в изучении. Вот, например, в университете Гессен (ФРГ) недавно открылось отделение «Иностранный язык + экономика + второй иностранный язык». В проспектах для абитуриентов немецких вузов наряду с обычной информацией есть раздел «будущие сферы деятельности», в которых приводятся статистические данные о месте работы выпускников, их должностях, зарплате и т. д. Из этой информации абитуриент делает вывод о необходимости иностранного языка, и не просто абстрактно, а вполне конкретно для определенной даже должности.

У нас пока такой потребности не вырабатывается. Отсюда и вызывающие удивление ответы первокурсников. Кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов КазГНУ пыталась исследовать причины недостаточной эффективности преподавания, в частности, немецкого языка. Вот несколько выводов:

Все существующие учебники ориентированы на безликого обучающегося, который долго и медленно готовится к пребыванию в стране изучаемого языка. В лучшем случае в них включены наивные страноведческие знания, которые едва касаются прагматических компонентов языка с точки зрения реальных профессиональных интересов.

Язык специальности лучше знают не языковеды, преподающие его, а работающие в этой области специалисты, языком овладевшие. Мышление же преподавателей, выпуск-

ов иняза, ориентировано на языкознание и литературу, то есть на то, чему они сами учились. Содержание обучения все же видится им в переводе слов и склонении существительных. В их опыте нет функционального применения языка на производстве. Повышение же их квалификации остается в руках того же иняза.

Слабая эффективность преподавания немецкого языка в вузах, таким образом, состоит не только в нехватке отведенного времени, недостатке технических средств или в несовершенной методике. Необходимо менять стратегию обучения.

Вполне возможно, что в недалеком будущем немецкий язык в вузовской системе займет иное место. Если сейчас он преподается в качестве альтернативы английскому, то через какое-то время он может стать вторым иностранным языком. Здесь интересен опыт Китая, пригласившего специалистов института немецкого языка им. Гёте для разработки новых моделей его преподавания, отвечающих потребностям рынка труда. Одна из таких моделей внедрена три года назад в университете Цзюнь в Ханьчжоу и называется «Курс технического немецкого как составная часть диплома». Состоит она в переводе прежнего, аналогичного нашему, курса частично на факультатив, частично на вторую или третью специальность, после основной технической и второй языковой — обязательного английского. «Профессионализация» заключается в двойном увеличении прежней сетки часов, в тесной связи с основной специальностью, в блочном введении языка только в третьем семестре, в привлечении к обучению одновременно с языковедами и специалистов, обучающихся за рубежом, в обязательной практике как самих языковедов, так и студентов на совместных предприятиях или в местах предполагаемой трудовой деятельности. Существует еще ряд моделей, созданных специалистами института им. Гёте — например для подготовки инженеров в Бразилии, для центра иностранных языков университета Тянь-цзи в Шанхае и др.

Особое место изучение немецкого языка занимает в проблеме выезда этнических немцев на постоянное место жительства в Германию. 1 августа 1995 года уполномоченный Федерального правительства ФРГ по делам переселенцев Хорст Шаффеншмидт обратился ко всем немцам стран СНГ с призывом со всей серьезностью взяться за изучение языка. Для желающих выехать в Германию он писал: «Делайте все для того, чтобы лучше освоить немецкий язык. Ибо хорошее знание немецкого языка открывает перед Вами лучшие возможности в трудовой жизни. Это верно и для Ваших супругов, и детей... Прошу правильно меня понять: мой совет призван помочь Вам,

например, с тем, чтобы, переселившись, Вы не оказались невыгодном положении». Своевременность этого предупреждения подтверждается приведенной ниже статьей из электронной версии московской газеты «Иностранец»:

Без языка «немецкое происхождение» рассыивается.

Германские власти все решительнее применяют правил согласно которому переселиться в Германию и получить германское гражданство могут только те зарубежные немцы кто «в достаточной степени» знает немецкий язык. Так, в прошлой неделе Федеральный суд по административным делам отклонил ходатайство немца из Перми о предоставлении ему германского гражданства из-за плохого владения немецким языком.

В обосновании этого решения записано следующее: «Тот для кого русский язык является родным, должен принципиально причисляться к русскому культурному кругу». Все дело в том, что, по убеждению экспертов федерального ведомства по административным делам, без знания языка не может быть речи о «немецком воспитании» и «сохранении немецких традиций в семье», считающихся главными критериями при доказательстве репатриантами их немецкого происхождения. Поэтому теперь немцы из СНГ, которые приехали в Германию, не зная языка, как правило, получают следующее извещение: «Вы не смогли ответить на заданные Вам на немецком языке вопросы. Поэтому Вы должны в течение дня покинуть лагерь для переселенцев».

Хотя официальный Бонн продолжает на словах утверждать, что российские немцы могут беспрепятственно переезжать на историческую родину, на самом деле германские власти делают все возможное, чтобы репатриантов принимало как можно меньше. Боннское правительство полагает, хотя и не признает этого открыто, что обязательство Германии ежегодно принимать у себя по 225 тысяч репатриантов из СНГ слишком дорого обходится стране. Пройшей весной оппозиционная СДПГ потребовала резко ограничить число переселенцев. Тогда уполномоченный правительства по делам немецких переселенцев Хорст Ваффеншмидт, бывший социал-демократ в популизме, заявил: «Для соотечественников дверь в Германию останется открытой». Но на практике с каждым годом число репатриантов сокращается. Платить тихоньку закрываются лагеря-распределители для репатриантов.

Далеко не последнюю роль во всем этом сыграло именно решение об обязательном владении языком. Правда, прави

зельство ФРГ начало в этом году так называемое «языковое наступление», суть которого сводится к обучению этнических немцев языку в местах их компактного проживания в бывшем СССР. Каждый потенциальный репатриант должен сдать экзамен на знание немецкого в германском представительстве. Тем, кто с успехом его выдержал, обещают оформить оформление въездных документов. Несдавшим поехать заявление в посольство смысла не имеет. Обманывать дипломатов тоже не стоит. Даже если кому-то и удастся каким-то образом проскочить экзамен, плохо зная язык, с прибытием в ФРГ его ожидает повторный тест.

А о том, что произойдет с переселенцем, если он не выдержит этой проверки, можно судить на примере семьи Галины Колпаковой, о которой недавно рассказал еженедельник «Spiegel». Галина, приехавшая с Дона, не сумела пройти в приемном лагере собеседование на языке и немедленно оказалась с семьей на улице. А Федеральное ведомство по административным делам отказалось предоставить Колпаковой вид на жительство и уж тем более германское гражданство, мотивировав это тем, что она «по причине рудиментарных навыков немецкого» не смогла доказать своего «немецкого происхождения».

Сейчас Галину с домочадцами временно приютили родственники, сумевшие доказать, что они-то являются немцами. Однако в январе у Колпаковых истекает срок действия въездной визы, и они должны будут вернуться в Россию. Но там их никто не ждет. К тому же дом и все имущество они продали¹³.

Правительство Германии содействует изучению языка для желающих выехать. Радиостанция «Немецкая волна» ведет специальные занятия, бесплатно высылает книги и аудиокассеты, набирает организованные обществом «Видергебурт» центры по изучению языка необходимой периодикой. Институт им. Гёте и другие учреждения Германии также организуют соответствующие курсы.

Два года назад правительство Германии значительно ужесточило требования к знанию языка для репатриантов. Сейчас перед выездом надо сдавать специальный экзамен. Для несдавших выезд откладывается. Поэтому многие готовящиеся к отъезду посещают и специальные курсы, работающие на коммерческой основе, занимаются с репетиторами. Дело это дает работу немалому числу преподавателей.

¹³ Петров Н. Без языка «немецкое происхождение» рассасывается. // Иностранец (электронная версия, 1997, нояб.).

Конечно, интересно знать, как адаптируются наши немцы Германии с точки зрения языка.

По данным газеты «Frankfurter Rundschau», из 220 тысяч немецких переселенцев, ежегодно приезжающих на постоянное место жительства в ФРГ, 60 тысяч составляют дети и подростки школьного возраста, подавляющее большинство которых не знают немецкого языка.

Газета отмечает, что ждать приема на организуемые местными властями языковые курсы для репатриантов иногда приходится целый год, а попадая в обычную немецкую школу дети переселенцев зачастую оказываются в изоляции.

Между тем в городе Целле (земля Нижняя Саксония) недавно создано единственное в Германии государственное учебное заведение для немецких переселенцев. Это школа-интернат, в которой 236 учеников. Причем 80% составляют дети репатриантов из России и Казахстана. Руководство школы поставило весь образовательный процесс одной, четко сформулированной цели: обучить новых граждан Германии немецкому языку и подготовить их к самостоятельной жизни в незнакомом обществе. Работающим в школе педагогам и психологам приходится помогать своим подопечным преодолевать не только языковой, но и многочисленные психологические барьеры. Так, в беседе с корреспондентом «Frankfurter Rundschau» ученица 9-го класса школы-интерната Ирина сказала: «В Казахстане мы были немцами, а здесь мы считаемся русскими. Мы переселенцы, оказавшиеся меж двух стульев. В немецкой школе, где я училась до поступления в школу в Целле, учителя не делали для меня никакой скидки. А я не понимала ни слова».

В интернате в Целле ситуация другая. В классах по 10-15 учеников, школьники учатся среди «своих». Первые полгода они по 20 часов в неделю изучают основы немецкого, затем начинается шестимесячный курс интенсивного языкового обучения. Но на уроках их не только учат свободно говорить. Старшеклассники старательно тренируются в составлении заявлений, заполнении анкет и опросных листов: навыки, которые должны помочь им в будущем при самостоятельном поиске работы и хождении по административным учреждениям. Такой называемый «социальный тренинг» призван подготовить новых граждан к ориентации в различных житейских ситуациях (например, как купить льготный проездной билет, как надо вести себя на собеседованиях при поступлении на работу и т. д.). Предусматривается также знание основ законодательства.

По окончании 10-го класса интерната его выпускники должны сдать экзамены, по итогам которых они получают возможность или продолжить обучение в 11-м классе обычной гимназии.

ии, а затем и высшем учебном заведении, или же поступить в профессиональное училище.

В качестве общего вывода, можно сказать следующее:

В Казахстане имеется богатый опыт в преподавании немецкого языка — и как иностранного на различных ступенях образования, и как родного для представителей немецкой диаспоры.

Высокий уровень организации, постоянная и эффективная поддержка со стороны организаций Германии привлекают к глубокому изучению немецкого языка представителей других народов, проживающих в республике. В этом смысле интерес к немецкому языку растет.

Даже в условиях естественно усиливающегося распространения английского языка, немецкий имеет хорошие перспективы развития. Его потенциал даже в минимальной мере еще не используется. Совместная экономическая деятельность Казахстана и Германии еще только налаживается, но она обязательно будет развиваться, т. к. Казахстан и Германию, благодаря переплетению исторических судеб сотен тысяч людей, связывает очень многое. Пусть сегодня репатрианты из Казахстана не определяют политику Германии, завтра их роль в немецком обществе обязательно возрастет. Влияние же и авторитет Германии в мировом сообществе после объединения значительно выросли и есть все основания предполагать, что интересы крупнейшей европейской страны в Казахстане не уменьшатся.

Несмотря на относительно высокие темпы эмиграции, немецкая диаспора в Казахстане, несомненно, останется, и будет продолжать быть одной из самых влиятельных, а вопрос преподавания и изучения немецкого языка в обозримом будущем политического значения не потеряет.

Политика правительства ФРГ носит в настоящее время по отношению к проблеме иммиграции этнических немцев непосредственный характер. На словах оно вроде бы за въезд без ограничений, на деле, с каждым годом появляются все новые трудности для въезжающих, внутри германского общества оппозиция разыгрывает соответствующую карту. Подобное положение дел может косвенно влиять и на политическую стабильность Казахстана и должно учитываться при формировании политической стратегии республики.

г. Алматы

Поэзия российских немцев

История вопроса.

Современные аспекты

Прежде чем приступить к рассмотрению объявленной темы, сделаем маленькое замечание по самому понятию «российские немцы». Во времена СССР немцев, проживающих на его территории называли советскими немцами, литературу — советской немецкой литературой, которая таковой и являлась, имея в виду безусловно рецептурный, по терминологии известного литературоведа Чудаковой, ее характер — то есть непереносимое воспевание идеологии коммунизма, дружбы народов, социального оптимизма в строго взвешенных пропорциях. Может быть она в меньшей степени, чем прочие литературы нацменьшинств, преуспела в этом, имея в виду самый последний этап ее реабилитации. И у нее были иные задачи. Как совершенно справедливо отметила доктор Аннелоре Энгель Брауншмидт: «Когда читаешь изданные тогда произведения становится немного неприятно от преклонения перед идеологией, ленинизмом, дружбой народов, прогрессом: но, оглядываясь назад, понимаешь, что эти публикации важны не только по своему содержанию, сколько просто по своему существованию, наличию. Они являются выражением жизненной силы, стремления выжить, и показывают стремление ко всему, кроме выезда». Последнее замечание цитаты особенно важно в контексте нынешней ситуации. После распада СССР советский немецкий народ оказался, как впрочем и многие другие народы, включая и русских, расколот по государственно-территориальному признаку. Следуя логике времени следовало бы называть немцев, проживающих на территории Украины, украинскими немцами, на территории Узбекистана — узбекскими немцами, на территории Киргизии — киргизскими немцами, соответственно нас — казахскими немцами и т. д. Но, думаю, правильней будет всех нас, включая и эмигрировавших в Германию, называть российскими немцами, имея в виду общую историю, судьбу и культуру, а литературу — российской немецкой литературой.

Мне кажется, имея в виду советский период нашей жизни, то в национальных литературах 60-х годов, то есть после XX съезда, выявилась интересная тенденция — появление новой генерации литераторов, которая оставаясь национальной эстетически, стилистически, эмоционально, создавала свои произведения на русском языке. Стоит только назвать имена Тимура Пулатова, Тимура Зульфикарова, Фазилия Искандера, наконец, Олжаса Сулейменова, чтобы понять о чем я говорю. В советской немецкой литературе, которая в точном смысле того слова занята была реабилитацией и реставрацией языка в жестких рамках соцреализма, такие явления могли быть восприняты и воспринимались только как формы ереси, отщепенчества, я помню как Роберт Вебер в очень благожелательной, если не сказать больше, рецензии на мою первую книжку стихов призывал меня вернуться в лоно немецкого языка, а большая часть моих старших товарищей по цеху — немецких литераторов, только по, так сказать, антропологическим признакам меня признали своим дальним родственником. Хотя, как теперь становится очевидным, многие из них решились билингвой, что никак не умаляет их литературного дара. Сегодня же нас так мало, что всякая чистка по языковому признаку просто смехотворна. Это понимают многие, в этом смысле такие издания, как «Феникс», «Моргенштерн», занимаются собиранием литературных сил, печатая произведения как на немецком, так и на русском языках. И это, на мой взгляд, самый разумный и продуктивный подход, который возвращает нас к традиции прошлого века. О ней мне хочется напомнить уважаемым коллегам. Литературная и, в частности, поэтическая традиция российских немцев имела два основополагающих источника — фольклорный (народная песня, сказки, шванки, легенды, такие, как «Легенда о двух швабских воинах», возникшая во время переселения швабов в Южную Украину и Закавказье, и «Легенда о калмыцком хане», которому врач-колонист вернул зрение, а также народная баллада «Ди балладе фон Кенигскиндерн» и образцы классической немецкой и, позднее, русской литературы. Собственно говоря, почти сразу, несмотря на довольно закрытый, герметичный образ жизни первых колонистов, происходило влияние на устоявшиеся формы произведений устного народного творчества, а также возникали новые, «характерные», — как заметила коллега Паульзен в своей обзорной работе «Российская немецкая литература: этапы развития», — только для российских немцев четверостишия наподобие русских частушек, которые пела молодежь на своих посиделках».

К основоположникам литературной традиции российских немцев с полным на то основанием необходимо отнести Бергарда Людвига фон Платена, «который прибыл в Россию с первым потоком переселенцев. Платен родился в 1733 году в Брандербургом и умер в колонии Иост на Волге. Во время семилетней войны в Германии он был офицером, обеднев и завербовался в Россию. Здесь он стал учителем. Его стихи «Описание путешествия колонистов» появились в 1766–1767 годах по пути в Россию и распространялись в рукописном варианте. В 67 строфах Платен рисует атмосферу в германских княжествах, способствовавших переселению, жизнь, быт русских, каким он тогда казался переселенцам. Стихи написаны народной манере, сочным языком, с безусловной наблюдательностью и умением живописать». В традиции поэмы фон Платена спустя 150 лет была написана поэма Давида Куфельда «Песнь об учителе Дайсе».

Как отмечает Нина Паульзен: «Особый ритм стихов, сатирический оттенок повествования, точные живые характеры, понятный язык — все это сделало поэму Куфельда любимой читаемой. «Песнь об учителе Дайсе» — это одновременно и история, фольклор, традиции, обычаи, мудрость жизни, быт, повествования, предрассудки и юмор». Кстати говоря, традицию первых поэтов российских немцев можно проследить в «Повести пасынке» Вильгельма Эстерле — нашего современника и земляка. Предваряя ее публикацию в «Фениксе», я писал: кажется в свое время с российскими немцами сделали все, чтобы превратить их в бессловесную толпу. Лишили родных мест, возможности получить образование, доступа к культуре. В полной мере было реализовано само значение слова немец — немощный. Но волю к творчеству, этой божественной данности, не смогли уничтожить и самый тоталитарный режим. Даже в таком приданном состоянии вырывались из уст народа слова правды. Великолепно сказал о сути творчества наш замечательный соотечественник — российский немец Владимир Вейдле: «...Как бы то ни было, совесть говорит стихами, и совестью живут стихи, если хоть в малой доле причастны они поэзии». «Повесть в стихах Вильгельма Эстерле хорошая иллюстрация сказанному. Я позволю себе процитировать начало поэмы.

*Меня не распирает вдохновенье,
Надеждою прославиться не лщусь,
Лишь всеми силами души стремлюсь
Спасти отцов от полного забвенья.
Не знаю, есть ли в этом толк,
Смогу ли я сказать так громко,*

*Чтобы услышали потомки,
Но вижу в том сыновний долг.
Когда бы предок мой беспечный
Хоть чуточку предвидеть мог,
Какой судьбе меня обрек,
Покинуть родину навечно...
Он шел осваивать простор,
Он шел к окраинам России,
О том цари его просили,
Сказав, что есть работа там
Его мозолистым рукам,
Что там нужны его старанья,
Его умение и знанье,
Что будет он России сыном...*

Поэма Эстерле была написана по-русски и ходила в списках, не в пример множеству лживых ура-советских произведений, написанных по-немецки и изданных в советской печати. Имеем мы право, включая в различные антологии российской немецкой литературы произведения только по языковому признаку, замалчивать произведения российских немцев, написанные по-русски. Ответ очевиден.

Говоря о второй главнейшей составляющей поэтической традиции российских немцев — классической немецкой литературе, следует помнить, что главными и наиболее яркими носителями ее были прибалтийские немцы. Сошлюсь опять на брошюру Паульзен, в которой она отмечает, что «...Прибалтика снабжала всю Россию священниками-немцами, которые давали колониستской литературе мощные импульсы. Среди представителей этого культурного пласта Москвы, Петербурга и Прибалтики множество имен литераторов немецкого происхождения, которые жили в XVIII—XIX веках и впитали в себя немецкую и русскую культуру. Как определенный образец они имели достаточно большое влияние на развивающуюся культуру и литературу немецких колонистов».

Я позволю добавить: не только на культуру немецких колонистов, а вообще на культуру российской империи, стоит только вспомнить далеко не полный список имен: Хемницер, Фонвизин, Кюхельбекер, Дельвиг, Миллер, Даль, Губер, Май, Вагнер, Каролина Яниш-Павлова, которую Марина Цветаева считала своей предтечей. В этом смысле безусловно знаковой фигурой является Елизавета Кульман — ее моцартианский дар очень высоко оценил Гёте. Она одинаково прекрасно писала свои стихи и на немецком, и на русском языках. К своим семнадцати годам она знала 14 языков, перевела Анак-

реона на восемь языков. И только ранняя смерть, а она умерла семнадцати лет от роду, не позволила ей вырасти в фигуру подобную возрожденческим титанам, которая может быть синтезировала в своем творчестве русскую и немецкую культурные традиции.

В контексте разговора о предтечах современной поэзии российских немцев уместно вспомнить имена Елены Гуро и Константина Вагинова. Елена Генриховна Гуро — имя почти забытое. Хотя, чуткий ко всему новому и талантливому, Корней Чуковский посвятил ее творчеству обстоятельную статью. Она по праву считается одним из основоположников нового русского искусства. Ее немецкость, которую она в себе хранила и лелеяла, находила выход и в ее дневниках, похожих на стихи, и в ее стихах, похожих на дневники. Собственно говоря, современный стих, каким мы его знаем, и есть записи для себя, в этом смысле верлибр — свободный стих — самая естественная форма таких записей. Может быть поэтому розановское «Мимолетное» в некоторых своих фиксациях — замечательная поэзия. Чтобы проиллюстрировать свои слова о Елене Генриховне Гуро приведу ее дневниковые записи:

«Разбираю найденные вновь немецкие слова. По капле — тихо — вкусно, вкусно. Ты говоришь: тишина еще беспокоит — ее — слышишь.

Что пахнет соломой, севером и Маем — тоже слышишь».

И еще одна запись, кстати, сделанная по-немецки:

«Немецкое. Пробродив на дюнах целый час, я нашел только два малюсеньких, прелестных лютика, — на всей дюне двенадцать рядом.

О моя дюна, моя дюна, серая моя дюна...

И я жду — вот придет ее Христос, ангел,

ее покровитель,

босоногий, скромный, с корзинкой на плече...

Тише, как море любит сегодня, любит меня, тебя...

Тише, твои косы — северная сага.

Мы стояли, как будто ждали королевского сына...»

Все это: тишина, чистота, мужественная нежность отзвуки миннезанга, мелодика фон Фогельвейде и русская кротость — и дают единственную в мировой поэзии тональность произведений Елены Гуро.

Константин Вагинов — Вагингейм — годился бы в сыновья Елене Генриховне Гуро. Он так же, как она, петербуржец. Но он уже из детей «страшных лет России», он свидетель заката империи, он из тех, кто «посетил сей мир в его минуты роко-

ые», кто собирал обломки культуры, еще помня ее как прекрасное целое, но стихи его фиксировали эту странную разлозанность, эту жизнь — подобие кошмарного сна. Эти не прижившиеся сны стихов записывались странным подобием античного стиха и верлибра.

Эти стихи очень высоко ценил Осип Мандельштам, находил в них нечто родственное. В эти звуковых слепках времени слышалось ему, а он работал со слуха, по-видимому нечто знакомое, родное — может быть ценимая обоими поэтами латынь, может быть германство, что на латыни и означает родное, братское (германо). Он и сам прятал в своих стихах родные ему — германские — слова. В замечательной статье Валентины Мордерер и Григория Амелина «Немецкие корни русских стихов» выявляются эти спрятанные слова. Например, в названном стихотворении, посвященном Анне Ахматовой:

*Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.*

Ответить на вопрос, почему первым должен умереть тот, у кого тревожно-красный рот, будет просто, если видеть межъязыковый каламбур, построенный на трех языках — русском, немецком, французском: «Но я боюсь, что раньше (франц. Тот) всех умрет (нем. Тод, тот) тот, у кого тревожно-красный (нем. Рот) рот...

Разгадка этой поэтической загадки показывает насколько родственно-германски переплетены языки — немецкий и русский. Все это я воспроизвожу для того, чтобы вскрыть будущие возможности, неисследованные и неосвоенные лакуны, в которых могут состояться и заявить о себе российские немецкие поэты, которые будут одинаково уютно чувствовать себя в немецкой и русской культурных средах.

И уже сегодня есть поэты, главным образом послевоенного поколения, которые творчески осуществляют поэтическую билингвистическую задачу. Один из самых ярких представителей ее — Вальдемар Вебер. Он один из лучших переводчиков немецкоязычной поэзии на русский язык. Среди тех, кого он перевел, Йозеф фон Эйхендорф, Иоган Готлиб Фихте, Юстинус Кернер, Герхарт Гауптман, Георг Трагль, Бертольд Брехт, Готфрид Бенн. Оригинальные его стихи рождаются как на немецком языке, так и на русском. В настоящее время он живет в Мюнхене. Этим летом мы встречались там. Он говорил мне, что в Германии чаще пишутся стихи на русском. А в Москве все больше писались немецкие стихи. В последнем его сборнике, названном немного загадочно «Тени на

обоях» (я только недавно понял, что эти тени остаются когда выносят вещи из квартиры при переезде) есть стихотворение которое иллюстрирует мои мысли о Вагинове:

*Стихи,
черепки сосуда,
по которым мы можем
лишь догадываться
о целом.*

Стихи Вальдемара Вебера об утратах временного и обретении вечного, это стихи человека, уставшего от истории, уходящего из нее. Куда? В Европу, где, как он сам выразился, происходит то, что ничего не происходит. После русского перманентного апокалипсиса, где человек всегда на очной ставке с историей, здесь, в Германии, он остается наедине с собой. Может это станет темой новой книги стихов Вальдемара Вебера.

В контексте сегодняшнего разговора уместно назвать имена Роберта Кесслера, Валерия Кремера и Ларисы Кноль. Каждый из этих поэтов — хороших и разных — заслуживает серьезного разговора. Надеюсь, у нас еще будет возможность и поговорить о них.

Библиография:

1. Российская немецкая литература: этапы развития / Автор-сост. Н.И. Паульзен. Славгород. 1995.
2. Энгель-Брауншмидт А. Советско-немецкая литература — вопросы выживания // Глобус. 1991. № 23.
3. Мордерер В., Амелин Г. Немецкие корни русских стихов // Независимая газета. 1998.

г. Алматы

Людмила БУРГАРТ,
магистр истории

Религиозные группы немцев-спецпоселенцев в ВКО

по материалам агентурно-
осведомительной сети НКВД
(40-е — 50-е годы)

Религия, как известно, была одной из главнейших составных жизни российских немцев. Религиозный принцип лежал в основе образования немецких колоний и расселения немцев. Первое, что строили колонисты после приобретения собственного крова, были церкви — отличительная черта каждого немецкого селения. Религия определяла условия быта немцев, их традиции, обычаи, особенности языка, облик и привычки, взаимоотношения внутри общин и за их пределами. Анализ основных этапов культурно-исторического развития российских немцев позволяет говорить о религии как корневой основе существования этноса.

Бурные перемены начала XX в., связанные с революционными событиями и борьбой нового советского государства с религией, не могли не коснуться российских немцев. Во многих немецких колониях были закрыты церкви, арестованы священнослужители, созданы «союзы безбожников» и т. д. Коренной удар по религиозной жизни немцев нанесла массовая депортация 1941 г., разрушившая многовековые традиционные культурно-исторические связи и сломавшая религиозный уклад жизни немцев. Депортация уничтожила традиционные общины, рассеяла немцев по огромным просторам Сибири, Казахстана и Средней Азии, смешав воедино католиков, лютеран, меннонитов и т. д.

В столь сложное и тяжелое время, с двойной силой нанесшее удар по немецкому народу в СССР, безусловно, нужна была моральная поддержка и опора, которую немцы могли най-

ти только в Боге. Как известно, с начала Великой Отечественной войны произошли и некоторые изменения во взаимоотношениях церкви и государства на правительственном уровне.

Об открытых публичных богослужениях у немцев, бесспорно, не могло быть и речи. Вера людей открыто жила в них самих, получая выражение в форме уединенной молитвы. В то же время, как свидетельствуют воспоминания современников и документальные материалы 40-х гг., в период войны у немцев имели место религиозные группы, объединения и собрания по несколько человек на дому. Существовала сильнейшая потребность в возможности религиозного самовыражения.

В период войны (1941–1945 гг.) положение немцев характеризовалось некоторой неопределенностью. До 1945 г. не было принято ни одного законодательного акта, который бы четко определял статус, политическое положение и дальнейшую судьбу депортированного народа. Немцы еще не стали одним из основных объектов тотального контроля НКВД. В этих условиях существовали некоторые возможности для удовлетворения потребностей религиозной жизни немцев. Но по окончании войны посредством известных законодательных актов 1945 и 1948 гг. все неопределенности были устранены. Тотальный контроль НКВД охватил все стороны жизни немцев-спецпоселенцев, в том числе и духовную.

В Архиве УНКВД ВКО, находящемся ныне в Центре правовой статистики и информации при Прокуратуре ВКО, мы обнаружили специальную папку Отдела спецпоселений под названием «Материалы по религиозным формированиям среди спецпереселенцев-немцев и бывших кулаков»¹. Папка содержит материалы по религиозным формированиям за 1945–1946 гг., свидетельствующие об усилении интереса НКВД к религиозным формированиям с 1945 г. Уже в апреле 1945 г. НКВД КССР разослал областным УНКВД директиву, определявшую позицию органов НКВД в отношении религиозных формирований среди спецпоселенцев-немцев и бывших кулаков.

«Этой директивой предусматривалось, что агентурная работа по религиозным формированиям среди спецпереселенцев-немцев и бывших кулаков должна вестись в направлении вскрытия контрреволюционного подполья, мобилизовавшего созданные формирования в целях вражеской подрывной работы»². В соответствии с обозначенной целью, перед органами НКВД ставился целый ряд задач:

«1. Проверка политической физиономии руководителей групп (настоятели, пасторы и т. д.).

2. Разработка контрреволюционных элементов из среды этой верхушки и актива верующих.

3. Нащупывание агентуры иностранных разведок, специально проникающей в религиозные группы для использования их в целях вражеской работы.

4. Выявление через массовое осведомление инспирирующих религиозных формирований, с последующим направлением в них квалифицированной агентуры для проверки характера формирований, руководящих фигур и выявления причин нелегального существования»³.

Эта директива была доведена УНКВД ВКО до сведения 12 РО НКВД, которые, в соответствии с заранее заданной позицией по религиозным формированиям, активизировали деятельность агентурной сети, особенно по линии специальных осведомителей (с/о). Работа РО НКВД в этом направлении строго контролировалась УНКВД, которое в одном из своих указаний за подписью начальника Управления подполковника Иванова и начальника отдела спецпоселений капитана Редченко «предупреждало начальников Кировского, Зырянского, Предгорненского РО НКВД, что, если они в ближайшее время не представят отчетности в УНКВД о проделанной работе в этом направлении, к ним будут приняты строгие меры взыскания»⁴.

В УНКВД ВКО стали поступать донесения РО НКВД по работе, связанной с религиозными формированиями. Все они свидетельствуют об усилении внимания к религиозным формированиям среди немцев и бывших кулаков, о расширении агентурной сети и активизации ее деятельности. Из Большенараимского и Самарского РО НКВД поступили донесения об отсутствии религиозных формирований среди немцев-спецпоселенцев по данным на 1945 г.⁵, в то же время Самарский РО НКВД отмечает, что «в селе Самарка в 1944 г. и в первой половине 1945 г. существовала религиозная община, участники которой собирались и проводили богослужение на квартире у одного из них — престарелого религиозника Кушнарёва, который и возглавляет всю процедуру церковной службы»⁶. В эту общину входила и часть спецпереселенцев-немцев.

Как отмечает то же отделение, «...на основании указания ВК облисполкома Самарский райсовет депутатов трудящихся запретил сборище религиозных (групп) на частных квартирах без соответствующего на этот счет разрешения советских органов по вопросу открытия церкви»⁷.

По итоговому донесению УНКВД ВКО в 1945 г. в области среди спецпереселенцев-немцев и бывших кулаков было установлено 7 крупных формирований, из них 5 религиозных формирований среди спецпереселенцев-немцев⁸. Основными районами, где существовали религиозные группы, были: Шемонаихинский, Курчумский и Верх-Убинский районы ВКО.

В Шемонаихинском районе существовали религиозные группы лютеран и баптистов. В центр внимания агентуры попала группа лютеран во главе с пастором Василием Яковлевичем Шенкелем.

В донесении РО НКВД на основании данных осведомителей сообщается, что «разветвленные религиозно-лютеранские группы проводят многолюдные сборища»⁹. О самом пасторе Шенкеле агентура сообщает, что он «в прошлом кулак, сподвижник немецкого предпринимателя Кениха, эмигрированного в 1920 г. в Индию, с которым Шенкель имел переписку до 1930 г.»¹⁰.

Кроме того, в Шемонаихинском районе существовал еще ряд «религиозно-лютеранских групп, которые по донесениям агентуры находились в тесной связи с Шенкелем. Руководители этих групп были: Герт Ева, Браун Егор, Трибер Христинья, Шварцкопф Наталья». Причем последняя, как отмечается в докладной записке УНКВД ВКО, была арестована НКБ в 1945 г. за антисоветскую работу. В этой же записке подчеркивается, что «в связи с арестом Шварцкопф агентура, ведущая разработку объекта дела-формуляр Шенкель, его антисоветской работы в настоящее время не замечает»¹¹.

В этом же районе действовала группа баптистов. Она существовала еще до войны, но в 1937 г. прервала работу в связи с арестом руководителя — Андрея Шнайдера. По данным агентуры Шемонаихинского РО НКВД группа баптистов возобновила свои собрания под руководством нового лидера Андрея Егоровича Роммеля и Никиты Баева¹². В отношении Роммеля, судя по той докладной записке УНКВД, вскоре были приняты меры: Роммель был «взят на учет и в разработку на дело-формулятор»¹³.

Чтобы получить дополнительную информацию об этих людях, мы обратились к их личным делам, отложившимся в Архиве УНКВД (ныне хранятся в Центре правовой статистики и информации при Прокуратуре ВКО). Нам удалось найти личные дела лишь нескольких немцев — с/п связанных с так называемыми «религиозными формированиями», более того, на некоторых даже отсутствуют учетные карточки, что очевидно связано с тем, что их личные дела отложились в архивах КГБ.

Личное дело руководителя религиозной группы баптистов Роммеля Андрея Егоровича не содержит никаких сведений о его «религиозном прошлом». Андрей Роммель родился в 1904 г. в с. Горкуново Шемонаихинского района, с 1942 по 1945 г. проживал в с. Белоусовка. Имел жену и 4-х детей. На учет спецпоселения Роммель был взят как «местный», личное дело было заведено спецкомендатурой № 154 Шемонаихинского района. В его анкете отмечается, что он малограмотен, в партии не

состоит, по профессии: плотник, кузнец, пчеловод. На момент учета работал кузнецом в колхозе. Освобожден от учета Ромель был в 1954 г. 24 ноября на основании приказа МВД СССР № СССР № 00713 от 20.08.1954 г. как «местный»¹⁴.

В учетной карточке Шенкеля Василия Яковлевича находим, что он родился в 1868 г. в с. Сосновка Золотовского района (обл.?), по социальному происхождению — крестьянин, неграмотен, членом партии не является. На учет спецпоселения также был взят как «местный», проживающий в с. Горкуново Шемонаихинского района (спецкомендатура № 213)¹⁵. Личного дела на Василия Шенкеля нет, так как он умер в 1945 г. до заведения личных дел.

Нам удалось найти лишь учетную карточку на Шварцкопф Катарину Ивановну, 1901 г. р. (с. Кенюхово, Шемонаихинского района). В карточке отмечается, что Шварцкопф до 1945 г. работала в колхозе, неграмотна и в партии не состоит. В 1945 г. А. Шварцкопф была осуждена по ст. 58 и умерла в декабре 1949 г. в Куйбышевской области¹⁶. Более подробных сведений об этой женщине нам обнаружить не удалось.

На особом счету НКВД не только областного, но и республиканского и общесоюзного в разрезе религиозных формирований среди немцев находился Курчумский район ВКО. На территории района еще в 1943 г. возникла религиозная группа немцев-лютеран во главе с пастором — Марией Рудольфовной Кун. С 1945 г. эта группа была под непосредственным надзором РО НКВД, имевшим специальных осведомителей, сообщавших все агентурные сведения по этой группе. Отчеты Курчумского РО НКВД называют лишь клички с/о: «Шлом», «Морген» и «Трапезников»¹⁷. Два первых агента в своих донесениях сообщили, что «религиозные сборища немцев-лютеран посещают от 20 до 25 спецпоселенцев. На религиозных сборищах, исполняя обязанности пастора Кун М. Р., собравшимся говорила о их тяжелом положении, что немцев лишили их хозяйства и родины и как они здесь страдают»¹⁸. О каких-либо антисоветских высказываниях с/о не сообщают.

В то же время другой спецосведомитель, некий «Трапезников», сообщил, что на «религиозном сборище, которое проводилось в квартире Вайком Эмилии в июле с.г. обсуждался вопрос о военной помощи Германии, где Кун М. Р. говорила: "Надо развернуть и дать помощь Германии". На этом сборище Гитлера называли "дядя Адольф"»¹⁹. В докладной записке сообщается, что «собрания проводились во время войны, а с июня месяца с.г. не проводятся».

УНКВД ВКО в докладном отчете в адрес НКВД просил разрешения на заведение на эту группу агентурного дела под ко-

довым названием «Неугомонные», с конкретным агентурно-оперативным планом работы, но как следует из того же отчета указаний на этот счет УНКВД не получило²⁰.

Между тем в центр внимания агентурно-оперативной работы РО НКВД попала личность руководителя группы — Марии Кун. В агентурных донесениях спецпереселенка Кун характеризуется как кулачка, в прошлом, в период проживания в Шамхоре, имевшая тесную связь с пастором Рейш, который в 1939–1940 г. арестован органами НКВД как руководитель контрреволюционной организации, возглавленной Германским Консульством в г. Тбилиси²¹. В докладной записке РО НКВД от 13.10.1945 г. Кун обвиняется в членстве в антисоветской группе, которая проводит антисоветскую агитацию среди населения²².

Личное дело Марии Кун также не содержит никаких сведений о ее религиозной деятельности. В анкете спецпоселенки мы находим, что она родилась в 1896 г. в с. Люксембург, Тбилисской области, до выселения проживала в городе Шамхор, в октябре 1941 г. была выселена в с. Кумашкино Курчумского района ВКО, имела образование 5 классов, в партии не состояла, ее муж Кун Альберт Готлибович был осужден. В словесном портрете Кун Марии в разделе «особые приметы» отмечается, что она «не чисто говорит по-русски». В Кумашкино Курчумского района работала в качестве рабочей «Дорстроя», была освобождена в январе 1956 г., как и остальные немцы-«выселенцы»²³.

22 января 1946 г. УНКВД ВКО направило в Курчумский РО НКВД распоряжение, в котором напоминалось о регулярной информации ОСП УНКВД по разработке религиозной группы немцев-лютеран, руководимой Кун Марией Рудольфовной, здесь же отмечалось, что «НКВД КССР интересуется Вашей группой, и мы перед ОСП НКВД КССР отчитались только материалами вашего № 4077»²⁴.

В данных на конец 1946 г. о группе немцев-лютеран в Курчумском районе и их руководителе М. Кун не упоминается вообще.

Третьим районом, где было установлено существование религиозных групп из числа немцев-спецпоселенцев, был Верх-Убинский район ВКО. По отчетам РО НКВД в этом районе отмечено 2 группы верующих. Агентурные сведения РО НКВД сообщают, что «в отдельных селах района, как Выдриха и Верх-Уба, имеют место собрания небольших групп молящихся спецпереселенцев, главным образом престарелых немцев, которые собираются по 4–5 человек в своих избах, читают Евангелие Библию в предпраздничные дни»²⁵. Специальные осведомители, посещавшие эти собрания, судя по отчетам, не добились

никаких сведений о фактах «антисоветских высказываний и контрреволюционной деятельности»²⁶.

Собрания верующих немцев в Верх-Убинском районе проводили на квартирах Ольги Шамбель, Евы Мейдер, Амалии Столь, которые по данным агентуры работали вязальцами в протели «Универсал»²⁷.

УНКВД области направило 23 января 1946 г. в РО НКВД Верх-Убинского района указание «о представлении информации о состоянии агентурной разработки Шамбель Ольги и др»²⁸. По Верх-Убинскому району нам удалось найти сведения лишь о Мейдер Еве и то только лишь в учетной карточке. Мейдер Ева Георгиевна родилась в 1899 г. в г. Астрахань в семье рабочих, была малограмотна и в партии не состояла. В 1941 г. Ева Мейдер вместе с семьей была выселена из пос. Красноармейск, Сталинградской области в Восточный Казахстан. О ее религиозной деятельности никаких сведений нет. В 1946 г. она выбыла в г. Копейск (очевидно на воссоединение с мужем)²⁹.

В 1946 г. агентурой Верх-Убинского РО НКВД были дополнительно получены сведения о квартирах, где проводились собрания верующих немцев: с. Верх-Уба — у немки Шефер, в пос. Быдриха — у Шпреер, в пос. Быструха — у Госс Генриха. Эти люди, как и собиравшиеся у них верующие немцы, были взяты под наблюдение РО НКВД, но на собраниях³⁰.

Наиболее подробная информация в агентурных сведениях имеется о религиозной группе Генриха Госса. Генрих Генрихович Госс родился в 1906 г. в с. Грюнфельд Азербайджанской АССР, был выселен в Казахстан в с. Быструха, работал сапожником в «Сольпромкомбинате». До выселения в Астафинском районе Азербайджанской АССР Генрих Госс руководил группой баптистов «Церковь божья»³¹. В с. Быструха Верх-Убинского района Госс также организовал верующую группу немцев³². В докладной записке УНКВД ВКО отмечается, что Госс написал письмо в СНК СССР с просьбой разрешить верующим переписку с немцами, проживающими в США³³. В сентябре 1946 г. начальник ОСП МВД КССР подполковник Иванов направил в МВД г. Усть-Каменогорска телеграмму с требованием «выдать списки священников лютеранской церкви из числа спецпереселенцев-немцев по форме: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, образование, место работы, краткая политическая характеристика»³⁴.

В списке направленном 11 сентября 1946 г. в МВД КССР названа лишь одна фамилия — Генрих Госс. В графе «краткая политическая характеристика» отмечено, что Госс «наряду с религиозной работой проводит антисоветскую агитацию, а также организует коллективные письма немцев в адрес прави-

тельства с антисоветским и провокационным содержанием. Гос разрабатывается по делу-формуляру № 123»³⁵.

Материалы НКВД более позднего периода (конец 40-х — начало 50-х гг.) не содержат сведений, связанных с религиозным формированием среди немцев-спецпоселенцев. Очевидно, что особый контроль органов НКВД дал свои результаты. Его усиление, связанное с новым «правовым положением» спецпоселенцев с 1948 г., привело к тому, что религиозные группы немцев прекратили свое существование, теперь могли иметь место только тайные сборы престарелых людей на дому по 3–4 человека, что также делалось под страхом расправы со стороны НКВД.

Таким образом, была закрыта еще одна отдушина для немцев, поставленных на грань не только физического, но и морального исчезновения.

Проведенный нами анализ материалов особой папки УНКВД ВКО по религиозным формированиям среди немцев-спецпоселенцев позволяет сделать некоторые выводы:

1. Мы имеем основания говорить о своеобразной активизации религиозной жизни немцев в период войны (1941–1945 гг.).

2. Активизация была вызвана событиями, в корне изменившими судьбу немцев в СССР (депортация и сложный морально-психологический климат в новых регионах размещения).

3. Активизация стала возможной в связи с некоторой неопределенностью в положении немцев, так как жесткий режим спецпоселения был установлен уже в послевоенный период.

4. Религиозная жизнь немцев находила свое выражение наряду с уединенными молитвами, в форме тайных сборов по несколько человек на дому и групповых собраний по нескольким десяткам человек.

5. Наиболее активными были немцы-лютеране и баптисты. Сведения о католиках отсутствуют.

6. Суть религиозных собраний сводилась не только к богослужению, они представляли возможность для общения на немецком языке и, как следует из материалов УНКВД, позволяли немцам излить всю горечь обрушившейся на них несправедливости.

7. Тотальный контроль, установленный в послевоенный период, охватил и духовную жизнь немцев. Основным результатом деятельности НКВД в этом направлении стала ликвидация групп и полное отсутствие возможностей для открытого религиозного самовыражения.

Вместе с тем факт активизации религиозной жизни немцев в столь сложный период имел огромное значение для сохранения и последующего возрождения культурных традиций народа. В этой связи очень справедливы слова немецкого исследова-

зателя Вильгельма Кааля, смысл которых в том, что именно религия во все времена способствовала сохранению немцев как этноса, иначе о них давно говорили бы в прошедшем времени. («Die ethnische Gruppe wurde in Ihrem kirchlichen Leben greifbar. Über die Deutschen in Sowjetunion wäre nur noch in der Vergangenheit zu sprechen, wenn es nicht in alle Zeiten ihrer Existenz eine kirchliche Bindung gegeben hätte»)³⁶.

Примечания:

- Архив УВД ВКО (ЦПС и И при Прокуратуре ВКО). Ф. 11. Оп. 2. Д. № 26.
- 1 Там же. Л. 5.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Там же. Л. 7, 26.
- 5 Там же. Л. 26.
- 6 Там же.
- 7 Там же. Л. 19.
- 8 Там же. Л. 20–21.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Л. 21.
- 11 Там же.
- 12 ЦПС и И при Прокуратуре ВКО. Фонд личных дел. Архив № 3083.
- 13 Там же.
- 14 ЦПС и И ВКО. Учетная карточка Шенкеля В. Я.
- 15 Там же. Учетная карточка Шварцкопф Н. И.
- 16 См.: АУВД ВКО (ЦПС и И). Ф. II. Оп. 2. Д. 26. Л. 15.
- 17 Там же. Л. 15–16.
- 18 Там же. Л. 20.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 15.
- 21 Там же. Л. 20.
- 22 ЦПС и И при Прокуратуре ВКО. Фонд личных дел. Архив № 11586.
- 23 Там же. Л. 16.
- 24 Там же. Л. 11.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же. Л. 19.
- 28 ЦПС и И ВКО. Учетная карточка на Мейдер Еву.
- 29 Там же. Л. 11.
- 30 Там же. Л. 21.
- 31 Там же.
- 32 Там же. Л. 20.
- 33 Там же. Л. 27.
- 34 Там же. Л. 28.
- 35 А. Einfeld. Die Rußlanddeutschen. München, 1992. S. 176.
- 36

Не густо, но и не совсем пусто

Мой доклад, а точнее, сообщение затронет, согласно программе нашей конференции, две темы: персоналии русских немецких писателей и состояние критики в современной литературе российских немцев. Обе темы значительно связаны с *meine Wenigkeit*, потому заранее прошу прощения за то, что поневоле вынужден часто прибегать к личному местуимению.

Мне постоянно приходится подчеркивать, что в силу разных социальных и общественных обстоятельств наш этнос в опасной для его культуры степени отлучен от своих этноисторических корней, от необходимого багажа элементарных знаний и представлений, без которых человек лишается ощущения причастности к определенной этнической общности. Странно со знать, что выросло несколько поколений российских немцев, которые ничего не знают или обходятся примитивно малым представлением о своих славных предках, оставивших заметный и гордый след в национальной истории, культуре, науке и других многочисленных сферах общественной жизни. Жидкий слой нашей интеллигенции тщетно пробивается ныне в затемненное сознание, поневоле оманкуртившихся наших соплеменников, подобно Найман-Ане из известного романа Чингиза Айтматова, напоминавшей своему обеспамятившемуся сыну: «Помни свое имя! Твой отец Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай!» Сколько раз я уже думал о том, что горе-экзаменаторам из ФРГ, мучающим наших бедолаг-сограждан сомнительными тестами ради выяснения их «немецкости», резонней было бы интересоваться у возжелавших перебираться на исторический фатерланд, каких ученых, писателей, заслуженных деятелей искусств, культуры, здравоохранения, образования, спорта и вообще разных знаменитостей своего этноса они знают. Ведь именно этим определяется, в первую очередь, «немецкость» и степень развития левополушарной личности, а не степень его причастности к пресловутому колбасному цеху или сыроварне, которые в представлении VDA и наших доморощенных деятелей должны спасти немецкий этнос в СНГ. Увы, на горьком

пыте я убедился, что нет ничего труднее, чем внушить нашей этнической общности эту очевидную истину.

Вот тот штандпункт, исходя из которого я проникся сознанием в необходимости биобиблиографического справочника «Российские немецкие писатели», который я собирал по крупицам в течение десятилетий и после немалых хлопот и усилий издал отдельной книжкой два года тому назад. О задачах, целях, структуре, концепции, методологическом посыле, сложностях и т. д. данного сборника я здесь распространяться не буду, о чем мною подробно поведено в предисловии и послесловии к биобиблиографическому справочнику. Но есть один вопрос, о котором — хотя бы вскользь — пожалуй, необходимо сказать. Это: «Кого считать российским немецким писателем?». Или шире: «По каким критериям определить национального писателя вообще?». Может, по этническому происхождению? Или по географическому месту обитания? По языку, на котором пишет? По тематике? По образу мышления и духоустройству? Вообще на основании каких показателей распределять писательское племя по национальным нишам и квартирам? И не опасно ли художнику в этих квартирах? Нужно ли вообще непременно причислять его к какому-нибудь этносу?

Вопрос этот сложен, любой ответ имеет свои аргументы и контраргументы, бесчисленные нюансы и варианты и, как правило, ведет в тупик. В самом деле, мыслимо ли определить национального писателя по месту обитания? Никак нет! Он немец, а живет в Африке. Он кореец, а живет в России. Он русский, а живет в Англии. И т. д. Или, скажем, по этническому происхождению. Еврей, армянин, поляк, а пишет по-английски. Турок, а пишет по-немецки. Русский, а творит по-казахски, полуеврей, полу-немец, живет в Казахстане, пишет по-русски на тему Средней Азии. Куда его отнести? Немец пишет по-русски о казахах. Кореец пишет по-русски о немцах. Их как определить?

Помню, в начале 70-х на семинаре советских немецких писателей в Москве также как-то возник этот вопрос. Предлагался строгий критерий (автором его был «голландец», пишущий по-немецки): немецкий писатель это тот, кто по этническому происхождению немец, пишет по-немецки, о немцах. И тогда получалось, что половина аудитории должна была бы покинуть семинар, ибо среди участников его были немецкоязычные латыши, литовцы, евреи, русские, а из этнических немцев тоже далеко не все творили на немецком языке и не все писали исключительно о немцах. Было ясно, что литературу, как и жизнь, невозможно разложить строго по полочкам, загонять в надуманные схемы и рамки. Исходя из вышесказанного, я вклю-

чил в библиографический справочник «Российские немецкие писатели» следующие категории литераторов:

а) немецкоязычные немцы, пишущие, главным образом, о жизни немцев;

б) этнические немцы, пишущие на русском или других языках преимущественно на немецкую тематику;

в) представители иных национальностей, пишущие на немецком языке и на немецкую тематику и живущие на территории экс-СССР.

Именно по этому критерию в сборник включены, помимо этнических немцев, русский Трутанов, еврейка Лия Франк, эстонец А. Кайдя, полу-латыш, полу-немец О. Пладерс, литовец Э. Астрамкас, полу-немец, полу-финн Р. Лейнонен, полу-русский, полу-немец А. Дебольский, полу-немец, полу-еврей В. Шнитке и большой ряд русскоязычных немцев. Я убежден в правильности моего принципа.

Справочник привлек внимание специалистов. Были весьма лестные, положительные рецензии и отзывы в «Нойес Дойчланд» (15.08.96), «Хандшлаг» (№12/96), «Ост-Вест Диалог» (№ 4/96), «ДАЦ» (22.02.97), «Огни Алатау» (9.04.97), «Столичный проспект» (8.05.97), «Воин Казахстана» (4.04.96 и 8.04.96), «Новое поколение» (№ 25/97), «Казахстанская правда», «Наука Казахстана», «Феникс» и — вполне возможно — еще где-то.

В Берлине к данному сборнику проявили интерес, и тогда я его расширил, дополнил, внес много уточнений, вместе с доктором Эрикой Фогт переконструировал на немецкий лад в расчете на немецкоязычного читателя, и теперь он, сборник, должен — Аллах даст — увидеть свет в 1999 г. предисловием Лео Кошута в издательстве «Ост». Рекламный буклет уже вышел и издательский договор подписан.

Так обстоит дело с персоналиями российских немецких писателей. Я не считаю эту работу законченной. Надо вытащить из небытия еще немало имен и постоянно вносить дополнения и поправки в уже накопленные материалы, ибо живые продолжают творить, а мертвые вызывают к памяти и совестливому вниманию.

Но меня не покидает мысль, что подобные библиографии о российских немецких ученых, музыкантах, педагогах, военных, спортсменах, заслуженных деятелях общественной, производственной сфер нужны нашему этносу позарез. Сколько разных сведений такого рода разбросаны в исторических документах, архивах, исследованиях, материалах, в периодике! Вспомним хотя бы тот кладезь сведений, отраженный в объемистом труде Адама и Курта Вильгельмов! Нужен энтузиаст, патриот, доброхот, который взялся бы за это крайне нужное и

на благородное дело. Иначе культура нашего этноса зарастет травой забвения, чего допускать никак нельзя.

Перехожу ко второй части моего сообщения. Перехожу с тяжелым вздохом, с горечью на сердце. И уже сожалею в душе, что в программе заявлена эта тема. Разбился кувшин жизни. Одни осколки темнеют в пыли бытия. Мельница судьбы перемолола все в белый прах. Усталым путником сижу на берегу обмелевшей речки. Можно б было обойтись одной лишь фразой: «С критикой в современной литературе российских немцев дело швах». И на этом поставить точку. В самом деле, какая уж критика у угасающей литературы? Не кощунственно ли критиковать обреченного? И я отправился понуро по скудной ниве в надежде собрать хоть чахлый пучок колосков. И собрал этот пучок, о чем и скажу вкратце.

Было время, каких-нибудь 20–25 лет назад, когда на любую новую книгу, на любое произведение наших прозаиков или поэтов, опубликованное в периодике, тотчас живо откликнулись наши «критикомбаттанты» из критического цеха — А. Геннинг, Д. Варнер, В. Эккерт, И. Варкентин, ваш покорный слуга, к ним то и дело присоединялись поэты Р. Жакмыен, Ф. Больгер, Н. Ваккер, В. Гердт, Р. Вебер, прозаики А. Реймген, В. Клейн, Э. Конраак, А. Кайдя, Д. Гольман, А. Дебольский, из-за кордона время от времени подавали сердитый критический голос А. Риттер и Р. Кайль, случалось, впрягались в критическую повозку Виктор Гердт, Я. Гернер, Вальдемар Вебер, Г. Ситтнер и другие и — надо же! — при всем при том мы и тогда нередко сетовали на то, что критика наша слаба и худосочна, комплиментарна и беззуба, не отличается, мол, глубиной и боевитостью. Где теперь те благословенные времена?! Многих из этой плеяды уже нет в живых, а другие лишились былого огня и интереса, точно сдали обет молчания или просто набрали в рот воды. Литературные обзоры время от времени пишу нынче едва ли не я один, стараюсь следить за все более редкими новинками, представляющимися «здесь» и «там», и сказать о них свое мнение на страницах «ДАЦ» и «Феникс». Я имею в виду свои рецензии и отзывы о романе А. Штульберга «Бескунак», о романе А. Дебольского «Простые смертные», о сборниках «Wir selbst» и «Morgenstern», о книге Nelly Däs «Alle Spuren sind verweht», о поэтических сборниках А. Шмидта, В. Розе, Н. Рунде, Л. Розин, о романах Л. Вайдмана и А. Штрауса, выступления на семинарах и конференциях и т. д. Нынешней осенью я собрал кое-какие свои вещички о литературе и культуре российских немцев, скомпоновал книжку под названием «Помнить имя свое!» и теперь нахожусь в поисках спонсора, который помог бы ее издать. Для издательства «Билим» я подготовил также сбор-

ник литературных портретов и эссе, в который я включил свои опысы на трех языках.

В этом году в Славгороде (Алтайский край) О. Бадер, Э. Берг, Н. Паульзен под редакторством И. Шлейхера составили двухтомное методическое пособие для чтения по российской немецкой литературе «Zwischen "Kirgisen-Michel" und "Wolga, Wiege unserer Hoffnung"» — труд, достойный всяческих похвал и уважения, который по нынешним временам сродни подвижничеству. Нина Паульзен написала краткие биографические тексты (сорок пять авторов!), очерки по истории литературы, и это тоже следует записать в актив нашей литературной критики.

Назову здесь также симпатичную книжицу Н. Паульзен «Российская немецкая литература: этапы развития», вышедшую в том же Славгороде в 1995 году. Книжка дает сжатое представление об основных этапах литературы российских немцев, изобилует фактологическим материалом.

С удовольствием отмечу статьи «зубра» нашей литературной критики Иоганна Варкентина (Берлин): «Ein Blick zurück... Ein Schritt voran», предваряющая сборник «Wir selbst» (Rußland — deutsche Literaturblätter, 1997), и «Vorspruch» к первому изданию «Wir selbst» (1996). В этих статьях четко проявились лучшие качества критика Варкентина — глубокое знание предмета, вездливость и дотошность, принципиальность и требовательность, образный, яркий язык, искренняя озабоченность будущим родной литературы.

Наша давняя знакомая — профессор литературы из Киля Аннелоре Энгель-Брауншмидт — порадовала двумя короткими, но содержательными предисловиями к двум, составленным ею книгам «Barfuß liefen meine Kindertäume» (предисловие озаглавлено «Deutsche Stimmen in Kasachstan») и «Siedlernet und Dorfidyll» (Kanonische Texte der Ruplanddeutschen), изданным в 1993 году в издательстве «Kreuz-Verlag» под эгидой VDA. Проф. Аннелоре Энгель не только десятки лет заинтересованно следит за литературой российских немцев, но и ратует за нее, составляя книги и доброжелательно отзываясь на достойные издания в германской печати.

Любопытный материал прислала мне из Берлина доктор Эрика Фогт — «Nelly Däs — Chronistin der Deutschen aus Rußland», биографические данные, заметки о творчестве, аннотации и отзывы, разные сведения об известной писательнице, старательно собранные нам не известным Эхардом Шельдом. Nelly Däs давно уже живет в Германии, снискала себе там добрую славу, но нашему читателю в СНГ недостаточно знакомая. То, что собрал о ней Eckhard Scheld, является своеобразным

обстоятельным очерком монографического характера. Вероятно, он будет со временем опубликован в «Фениксе».

С удовольствием и большой пользой ознакомился я и с основательным филологическим исследованием Роберта Лейнонена «Лирика Генриха Гейне на русском языке». Это объемное эссе, написанное вольно, свободно, с разными иллюстрациями и эффектными сопоставлениями, любопытными размышлениями и наблюдениями как о творчестве немецкого классика, так и о природе поэтического перевода вообще. И этот труд, надеюсь, увидит свет на страницах альманаха «Феникс».

Обрадовала добротной рецензией на роман Р. Кнауца «Родная чужбина» доцент из Кокшетау Фрида Зюзина. Рецензия в скорости будет опубликована в журнале «Простор».

Естественно привлекли мое внимание глубокие статьи К. Эрпиша (Алматы) в «ДАЦ» и «Евроазиатском курьере» о пути становления и развития «Дойче Альгемайне» в канун ее тридцатилетия и эссе об Олжасе Сулейменове, проникновенное предисловие О. Клингга (Москва) к поэтическому сборнику В. Шнитке, рассуждения И. Горелова (Саратов) о творчестве В. Вебера, ряд юбилейных статей в «Цайтунг фюр дих» и другие.

Привлекла внимание фактологически богатая статья Александра Шваба, предпосланная в качестве предисловия к его с тщанием и любовью составленной книге «Rußlanddeutsches Liederbuch» (Kludenbach, Musikverlag, 1991), в которую вошли 178 немецких народных песен с нотами.

И это, пожалуй, все колосья, которые я подобрал на скудной ниве литературы российских немцев von Hüben und Drüben. Конечно, не густо, но и — признаться — не совсем уж пусто. Возможно, кое-какие колосья я просто просмотрел...

Да не возмутит моих слушателей перечислительный, информативный принцип моего сообщения. Мне главным образом хотелось привлечь ваше внимание к тому, что есть, что пока что имеется у нас по части литературной критики, ибо, думаю, далеко не все, о чем я сказал, попало вам в поле зрения. На мой взгляд, названные мною выше писания уважаемых авторов, отвечают высоким требованиям и критериям литературной критики.

Удовлетворения, однако, нет и быть не может. Прикидывая в уме хотя бы ту продукцию, обнародованную в двадцати трех номерах «Феникса», я задаюсь вопросом: кто сказал бы вразумительные слова, кто проанализировал бы и по достоинству оценил, скажем, автобиографическую тетралогия Г. Генке, роман В. Хайнца, стихи и прозу последних лет Н. Ваккер, мемуары А. Реймгена, прозу В. Эйснера, своеобразный цикл рассказов И. Трутанова, переводы казахских поэтов Р. Пфлюг, пере-

вод абаевской «Книги слов», воспоминания Я. Шмаля, И. Бендер, А. Пфайффера, творчество русскоязычных российских немецких писателей и т. д. и т. п.

Это все остается вне поля зрения критики, не становится предметом публичного разговора. Это серьезное упущение.

Я не перестаю уповать на то, что после длительной засухи все же разразится благодатный дождь, придут дерзкие молодые люди, всерьез займутся творчеством всё убывающих российских немецких литераторов и своим вниманием, требовательностью и поддержкой придадут им новый стимул и новые силы.

г. Алматы

Технический редактор: Ирина Кокабаева (Казахстан)

Корректор: Л. Рыжова

Верстка и дизайн: Денис Лисин, Эдуард Зарянский (Россия)

Издатель: Ассоциация общественных объединений

«Международный союз немецкой культуры»

Россия 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 5, оф. 51.

Тел.: (007 095) 937-6544; факс: (007 095) 937-6545

Редакция: Республика Казахстан 480044, г. Алматы, ул. Жибек Жолы, 50.
Альманах «Феникс»

Издательство «Готика». Подписано в печать 10.06.99.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 13,44

Перепечатка с указанием источника информации разрешается только для подписчиков альманаха «Феникс».

Для всех остальных (в том числе цитирование, выдержки, ссылки и т. д.) только с письменного разрешения издателя.

Юрий Суннес.
Молчание гор